В. Степанков, Е. Лисов
Кремлёвский заговор

Предисловие журналиста, помогавшего авторам делать эту книгу 4

Исчезновение «Зари» 5

Пролог 5
«Золотая клетка» 6
«В отставку!» 8
Связь только по паролю 11
Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти 11
Возвращение в Москву 13
Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти 13
«Сбор в Кремле. В 20.00» 14
Портрет маршала, который стал игрушкой в руках политиков 16
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 16
Досье следствия. Документ без комментария 19
Портрет «кремлёвского ястреба», которого коллеги называли «кремлёвским дворником» 20
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 20
Досье следствия. Документ без комментария 23
Досье следствия. Документ без комментария 25
Портрет премьера, который считал западных банкиров диверсантами 26
Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти 26
Досье следствия. Документ без комментария 28
Портрет секретаря ЦК КПСС, который оказался в заключении второй раз в своей жизни 29
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 29
Досье следствия. Документ без комментария 31
Портрет человека, который решил побыть президентом хотя бы три дня 32
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 32
Досье следствия. Документ без комментариев 34
Портрет Председателя КГБ, который считал, что страна находится во власти «агентов влияния» 35
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 35
Досье следствия. Документ без комментария 40
Портрет спикера, который никогда не «раскрывался» 41
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 41
Досье следствия. Документ без комментария 45
«Главное - отделить Яковлева и Шеварднадзе от Горбачёва...» 46
«Вокруг Ельцина нет ни одной светлой, прогрессивной головы...» 47
«Сместить Горбачёва... Всё свалить на демократов...» 48
Досье следствия. Документ без комментария 49
«Опирайтесь на Крючкова!» 51
Досье следствия. Документ без комментария 51
«У Горбачёва психическое расстройство»... 53
«К президенту с ультиматумом поедут...» 55

Захват власти 56
Ночной разговор в Кремле 56
Досье следствия. Документ без комментария 58
Что делал Лукьянов ночью в Кремле? (Версия Анатолия Лукьянова) 59
Что делал Лукьянов ночью в Кремле! (Версия следствия) 61

Гром над Белым домом 66
Каким было утро 19 августа! 66
...Для Шенина 66
...Для Крючкова 66
...Для Язова 67
...Для Павлова 67
...Для Проселкова 67
...Для Ельцина 68
...Для Горбачёва 69
...Для Кравчука 70
Досье следствия. Документ без комментария 71
Засада в «Архангельском» 73
Эйфория 76
«Он нас ненавидел...» 78
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 78
«Самая лучшая демократия, когда власть у меня...» 80
Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти 80
19 августа 15.00-18.00 82
...Для Павлова 82
...Для Язова 83
...Для Янаева 83
…Для Горбачёва 84
Правда о ядерном карауле 84
Молчание Лукьянова 90
Досье следствия. Документ без комментария 92
Заявление Бакланова 93
Досье следствия. Документ без комментария 94
Какой была ночь с 19 на 20 августа! 95
...Для майора Евдокимова 95
...Для Стародубцева 96
...Для Горбачёва 97
«Ельцин будет отправлен в «Завидово»...» 98
Досье следствия. Документ без комментария 99
Каким было утро 20 августа? 100
...Для Янаева 100
...Для Лукьянова 100
Операцию назвали «Гром»... 101
15.00 - 18.00 20 августа 102
...Для Бакланова 102
...Для Ельцина 103
...Для Карпухина 103
«Против ареста Ельцина никто не возражал...» 104
Досье следствия. Документ без комментария 105
Оставалась надежда только на силу 105
К бою готовы! 106
Досье следствия. Документ без комментария 108
Сомнения «Альфы» 108
«Просим отменить приказ...» 109
Все смотрели на Грачёва... 110
Бой на Садовом кольце 111

Какой была ночь с 20 на 21 августа? 112
...Для Евдокимова 112
...Для Грачёва 113
...Для Горбачёва 113
Язов командует: «Стой!» 114

Последний шанс 114
«Что, струсили!» 114
Каким было утро 21 августа? 115
...Для Янаева 115
...Для Лукьянова 116
...Для Горбачёва 116
...Для Савельева 116
«Язов, вы предали нас...» 116
Бегство в Форос 118
Надежда на разговор без свидетелей 118

Телефон на троих 119
И ты, Брут! 119
Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти 119
Досье следствия. Документы без комментария 121

В Москву 126
Гонка с преследованием 126
Чаепитие на «Заре» 126
Лукьянову указывают на дверь 128
Прощание с «Зарей» 129
Досье следствия. Документ без комментария 129

Хроника арестов 130
«Из кресел - на нары!» 130
Именем России 131
В Кремле, на даче и в частной квартире 133
До спора не дошло 136
С глазу на глаз 138

Они судили себя сами 140
«Я не заговорщик, но я трус...» 140
«Я боролся до конца» 142
«Всё это - ошибка!» 148

Письма из «Матросской тишины» 154
Вместо заключения 161

Точку ставить рано 161
Репетиция краха 161

Деньги для «призрака коммунизма» 166
Спасибо комендатуре.. 167
Всё решалось в Москве 168
Говорят члены Политбюро 172
«Табачок для друзей» 175
«Невидимая» экономика партии 179
Во имя чего? 183
Мастерская на Старой площади 186

Степанков Валентин Георгиевич, Генеральный прокурор России. 1951 года рождения. Имеет большой опыт следственной и прокурорской работы. Наиболее важные ступени его карьеры: прокурор Перми -

крупного промышленного центра на Урале, заместитель начальника Главного следственного управления прокуратуры СССР, прокурор Хабаровского края, заместитель Генерального прокурора России. 5 апреля 1991 года съездом народных депутатов РСФСР утверждён Генеральным прокурором России. Народный депутат, член Верховного Совета России.

Лисов Евгений Кузьмич, заместитель Генерального прокурора России. 1940 года рождения. В органах прокуратуры с 1968 года. Первая должность - следователь районной прокуратуры. Сейчас возглавляет следственный аппарат органов прокуратуры России. Большой профессиональный опыт определил назначение Лисова руководителем бригады по расследованию обстоятельств захвата власти членами ГКЧП в августе 1991 года.

Предисловие журналиста, помогавшего авторам делать эту книгу

В конце сентября 1991 года в распоряжении журнала «Огонёк» оказался документ безусловно сенсационный. Но он не был тогда опубликован, поскольку напрямую пересекался с интересами только что начавшегося следствия по делу ГКЧП.

По имеющимся у редакции сведениям, документ, представляющий собой инструкцию находящимся в предварительном заключении членам ГКЧП, составлен в стенах «Матросской тишины» одним из заговорщиков - Александром Тизяковым. Его советы «подельникам» я цитирую с сохранением стилевых и прочих особенностей оригинала.

«...После ознакомления с содержанием данного письма все подследственные должны немедленно прекратить показания, в категорической форме заявить протест следствию против обвинения нас в преступлениях, которых мы не совершали, отказавшись от ранее данных показаний, а продолжать затягивать следственный процесс под предлогом ничего не значащих рассуждений...

Предлагаю крымским товарищам: Болдину, Шенину, Плеханову, Варенникову, летавшим в Крым к Горбачёву, подтвердить на суде до мельчайших деталей все обстоятельства беседы... Надо со всей чёткостью объяснить объективную сторону «заговора» и доказать, что Горбачёв в присутствии всех членов делегации не только дал прямое указание: как нам действовать, но он скомандовал, точнее приказал, немедленно ввести чрезвычайное положение...

Непосредственно с ним согласовывались все действия так называемого комитета по управлению народным хозяйством, нами названного ГКЧП, в том числе все детали... по отключению правительственной связи с Президентом. Она была прервана по согласованию с ним...

Россия проявила неповиновение... Вот почему было принято решение утром 19 августа по предложению Крючкова, Язова и других, которое,

очевидно, попало в руки следствия, о штурме «Белого дома», захвате Ельцина, Силаева, Хасбулатова, Яковлева, Шеварднадзе и других и их немедленном расстреле, хотя такой вариант развития событий был согласован с Горбачёвым и им санкционирован. Необходимо воспроизвести в ходе следственного и судебного разбирательства..., что в беседе с Горбачёвым предусматривался даже вариант, накануне принятия оконнательного решения о введении ЧП, уничтожить 18 августа ночью самолёт в воздухе, на котором следовала в Москву делегация Российского правительства во главе с Ельциным из Казахстана...

...Наши цели, мотивировки и действия... необходимо сохранить в глубокой тайне до начала судебного процесса...»

Инструкция завершается призывом «превратить уголовное дело в открытый политический процесс против Горбачёва и его политики».

Документ из редакционного портфеля «Огонька» ставит довольно основательный крест на широко пропагандируемой красно-коричневыми партиями и движениями легенде о причастности Горбачёва к заговору и проливает свет на многие «странности» вокруг следствия по делу ГКЧП.

Становится ясным, почему многие гэкачеписты затягивали следственный процесс «под предлогом ничего не значащих рассуждений», почему прокоммунистическая пресса поднимает на щит «дело ГКЧП», всячески готовя общественное мнение к судебным откровениям «героев августа», почему сами заговорщики в своих последних выступлениях в печати и по телевидению говорят прямо противоположное тому, что говорили на первых допросах.

Ясно, и с какой целью готовится глобальная политическая провокация на суде. Сегодня, год спустя после августовских событий, обстановку в бывшем СССР не назовёшь спокойной. Экономические трудности, межнациональные конфликты - неизбежные беды посткоммунистического общества - способствуют росту социальной напряжённости. Красно-коричневые силы с помощью процесса над ГКЧП надеются подорвать доверие к демократическому движению, тем самым ещё более дестабилизировать обстановку в стране и облегчить приход к власти.

Эта книга - не обвинительное заключение, а версия следствия, построенная, в отличие от измышлений заговорщиков, только на фактах. Авторы решились опубликовать её потому, что осознают необходимость противопоставить правду захлёстывающей общество дезинформации, особенно опасной во всё более обостряющейся политической ситуации, и предупредить о вполне возможной провокации.

Павел Никитин, собственный корреспондент журнала «Огонёк».

Исчезновение «Зари»

Пролог

Ответственный дежурный 9 отдела КГБ в Крыму [1] Василий Кравец нёс обычную службу. Дел хватало. Из Москвы позвонили от Бориса Пуго. Министр внутренних дел, улетая в столицу, забыл две лёгкие куртки в санатории «Южный» и просил отправить их в Москву с председателем палаты национальностей Верховного Совета СССР Рафиком Нишановым, который отдыхал с ним в одном санатории. Ещё одно высокопоставленное лицо из «Южного», член Совета безопасности СССР Евгений Примаков собрался в гости в соседний дом отдыха. Дежурный заказал машину для него.

Когда средь этой повседневной суеты тревожно замигал красный сигнал радиостанции «Альтернатива», Кравец не поверил своим глазам. Авария на линии связи с дачей президента СССР! Такого никогда не было!

Кравец не мешкая связался с дежурным 21 отдела КГБ в Крыму [2]. Тот ответил: «Разберёмся». Красная лампочка мигала всё отчаяннее. Кравец вновь связался с дежурным. «Связь повредил горный оползень, начались восстановительные работы», - ответил тот.

Часы показывали 16.32 московского времени. Было воскресенье 18 августа 1991 года.

«Золотая клетка»

В этот момент, минута в минуту, ворота дачи президента СССР, значащейся в документах КГБ СССР как «Объект „Заря"», распахнулись перед пятью «Волгами».

Появление их было полной неожиданностью. Обычно о всех визитах к президенту предупреждают заблаговременно. На этот раз о том, что будут гости, никто не говорил.

Охрана не пропустила бы автомобили. И милицейский пост, расположенный на ближних подступах к даче, не убрал бы лежащий поперёк дороги «скорпион» - ленту с устрашающе острыми шипами. Но из головной «Волги» вышли начальник Службы охраны КГБ СССР Юрий Плеханов [3], начальник эксплуатационно-технического управления КГБ генерал-майор Вячеслав Генералов и начальник 9 отдела КГБ в Крыму полковник Лев Толстой, а из остальных машин - несколько высокопоставленных руководителей из Москвы.

- И всё-таки мы насторожились, - рассказывает дежурный личной охраны президента Сергей Гоман, - узнав, что в ворота въехала колонна автомобилей, о прибытии которой нас никто не предупреждал, мы с

[1] 9 отдел КГБ в Крыму обслуживал прибывших на отдых высших руководителей страны и их гостей.
[2] 21 отдел КГБ обеспечивая правительственную связь.
[3] Все должности здесь и далее указаны по состоянию на 19 августа 1991 года.

Игорем Авосиным, тоже дежурившим в гостевом домике, взяли на всякий случай автоматы. Генералов, увидев нас с автоматами, закричал: «Вы что?! Немедленно уберите оружие!» И понёс про Румынию. Не забывайте, дескать, чем всё кончилось, когда там охрана вздумала вступиться за президента.

Ничего понять не можем. При чём, думаем, здесь Румыния? Там свергли президента, охрана вступилась за него, пролилась кровь. Но у нас-то, вроде, всё слава Богу...

Приехавшее начальство - секретарь ЦК КПСС Олег Шенин, глава военно-промышленного комплекса Олег Бакланов, герой афганской войны, заместитель министра обороны, Главнокомандующий сухопутными войсками СССР Валентин Варенников, руководитель аппарата президента Валерий Болдин - в сопровождении Плеханова начальника Службы охраны, направились к дому Горбачёва.

А странности всё множились. С постов докладывали: «Пропала телефонная связь». Из автобуса, прибывшего вслед за «Волгами», вышла группа столичных офицеров из Службы охраны КГБ, Москвичи заняли посты у въезда на дачу.

- Я охранял хозяйственные ворота, - рассказывает прапорщик Валерий Шах, - в тридцати метрах от меня - ещё одни ворота во внешней ограде, их охраняют пограничники. Обычно в дневное время эти ворота распахнуты. Вдруг их закрывают. И, что ещё более удивительно, прямо перед носом машины, в которой в Ялту направились ребята из личной охраны президента. Они, конечно, возмущаются: «Что, не видите, кто едет?! Своих не узнаёте?» А пограничники в ответ: «Приказано никого из "Зари" не выпускать». Ко мне тем временем подошёл полковник Толстой. Запирай, говорит, и свои ворота, а ключ отдай вот этому офицеру из Москвы, и показывает на плотного мужчину с «дипломатом». Потом, когда Толстой ушёл, москвич-офицер достал из «дипломата» автомат, сказав, что службу по охране ворот будем нести вместе...

Из протокола допроса М. Горбачёва:

- ...Я сидел, работал над выступлением на церемонии подписания Союзного договора. Самолёт на завтра был уже заказан, договорились, кто полетит. Раиса Максимовна тоже решила лететь со мной. Днём, примерно в 11-12, разговаривал с вице-президентом Янаевым. Он спросил меня, когда я завтра точно прилетаю. Я ответил, что вечером. Он пообещал меня встретить.

От работы меня оторвал начальник личной охраны Медведев. Он зашёл ко мне с известием, что приехала группа товарищей. Я спросил, что это за визит, не согласованный со мной? Как эти люди здесь оказались, ведь охрана не имеет права их пропускать? Говорит, что с ними Плеханов и Болдин, руководитель аппарата президента. Вижу, что состояние самого Медведева необычное. Ну, хорошо, говорю, пусть подождут. Беру трубку, чтобы позвонить Крючкову, узнать, что это за миссия. Странно: уезжаю завтра, и вдруг какая-то группа. Телефон не работает, беру

другой - то же самое. Снял трубку внутреннего телефона - не работает. Всё проверил - беру красный телефон - и он «мёртв». Посмотрел на часы - 16.50...

Страна ещё не знала, что поставлена на грань величайших потрясений, что в Крым прибыла группа представителей ГКЧП с целью склонить президента ввести в стране чрезвычайное положение, а в случае его отказа захватить власть.

О том, чем это всё закончится, не было известно ни президенту, ни тем, кто явился к нему с ультиматумом. Впрочем, незванные гости, видимо, предполагали, что Горбачёв вряд ли согласится с их требованиями. Иначе зачем, ещё до начала переговоров, было осуществлять его изоляцию?

Стояла обычная тишина. Ни выстрела, ни шума яростной рукопашной схватки - вообще ничего, что говорило бы о захвате президентской дачи заговорщиками.

Лёгкость, с которой был лишён свободы человек, столь, казалось бы, могущественный и тщательно охраняемый, у многих, когда события стали известны, вызвала недоумение.

Действительно, охрана была мощной, глубоко эшелонированной и многочисленной. В Форосе покой президента берегли около пятисот, хорошо вооружённых и отлично обученных людей. Только на территории дачи существовали три рубежа охраны. Ближе всех к президенту находились его телохранители во главе с генерал-майором В. Медведевым. Подразделение так называемой выездной охраны несло круглосуточный караул на шести постах. По внутреннему периметру дачи располагалось пять постов 9 отдела КГБ - один из них на господствующей высоте. А за двойной оградой посверкивали стёклами биноклей 34 пограничных наряда. Кроме того, «Заря» находилась под надзором людей из Группы «Альфа», спецподразделения КГБ по борьбе с терроризмом.

И были ещё три эшелона морской охраны. На рейде свинцом отливали строгие силуэты четырёх военных кораблей. От подводных диверсантов президентский пляж берегла сверхчуткая система сигнализации, реагирующая даже на проплывающих дельфинов. Её в том сезоне подстраховывали ещё десять водолазов.

Во время морских прогулок президента охраняли пограничные корабли, а сверху акваторию патрулировали вертолёт «МИ-8» и самолёт «АН-24».

Вдоль трассы, по которой Горбачёв следовал на какой-либо объект в Крыму, несли службу 90 сотрудников КГБ с радиостанциями, а сам объект брали в кольцо 50 пограничников. Продукты, поступающие в «Зарю», проходили специальную проверку. Тропинки, по которым собирался прогуляться президент, непосредственно перед моционом обследовались служебными собаками, а во время самих прогулок вдоль тропинок скрытно присутствовала охрана.

Парадокс, однако, заключался в том, что всё это множество людей, чей профессиональный долг заключался в защите президента даже ценой собственной жизни, фактически не подчинялись ему. Все, кто нёс службу на «Объекте „Заря"», даже миловидные горничные, получали зарплату в КГБ, и самым большим начальником для них был Крючков, а вовсе не президент. Сами того не сознавая, они не охраняли, а стерегли Горбачёва. Форосская дача была комфортабельной ловушкой, готовой захлопнуться в любой момент.

18 августа отдежурившую смену с «Зари» не выпустили. Помощник президента Анатолий Черняев собирался вернуться в санаторий «Южный», где он жил, но и ему ворота не открыли.

Ловушка захлопнулась...

«В отставку!»

Сопоставив неожиданный визит с беспрецедентным отключением всех видов связи, личностями «гостей» и настроениями, царившими в последнее время в его окружении, Горбачёв заподозрил неладное. Вероятнее всего, подумал президент, они хотят в очередной раз нажать на меня. Причём, самым серьёзным образом. Быть может, даже отстранить от власти.

Горбачёв поднялся наверх, к семье. Поделился своими опасениями с Раисой Максимовной, дочерью Ириной, зятем Анатолием. Потом пошёл к визитёрам.

Из протокола допроса М. Горбачёва:

...Вопрос:

- Скажите не произошло ли за время Вашего отпуска каких-либо изменений в стране, которые бы потребовали принятия срочных чрезвычайных мер?

Ответ:

- Процесс, как всегда, был не безоблачный. Но поводов для особой тревоги не существовало. Разговаривал с товарищем Назарбаевым, другими: - «Давайте договариваться, как направлять жизнь, кормить людей, решать другие вопросы». 14 или 15 августа мне позвонил Борис Николаевич Ельцин (перед его поездкой в Казахстан)... Я ему высказал свою точку зрения: - «Надо придерживаться избранной линии на подписание Договора, не допускать колебаний, иначе позиций не удержать».

Вопрос:

- Когда Вы находитесь на отдыхе, выполняет ли кто-либо обязанности президента СССР? И наделяется ли это лицо всеми конституционными полномочиями?

Ответ:

- Нет, полномочиями обладает только президент. Подобная процедура не предусмотрена, и никогда ничего подобного не делалось. Вице-президент, как и премьер-министр, действуют лишь в пределах своих полномочий.

Уезжая, я высказал пожелание, чтобы Крючков и Язов находились на месте, так как этим людям я доверял полностью. В этот раз я, словно что-то предчувствуя (но это так, к слову), попросил быть на месте и Ельцина.

Вопрос:

- Непосредственно перед отъездом в Крым у Вас были контакты с кем-либо из будущих членов ГКЧП? Не показалось ли Вам их поведение необычным?

Ответ:

- Да, встречи были, но самого обычного рабочего порядка. Кроме того, они практически все провожали меня на отдых.

Вопрос:

- Ваш отдых в Форосе был организован как всегда?

Ответ:

- В Форос со мной прилетел Плеханов. Пробыл два дня, проверял, как объяснил, организацию охраны. Это бывает каждый год. На второй день Медведев мне сказал, что Плеханов свою работу окончил и ждёт моих указаний. Я пригласил его вечером. Втроём - я, он и Раиса Максимовна - попили чай на балконе. Я расспросил, как и что. Я особенно в эти дела не вникал. Есть Медведев, Плеханов - люди, которым поручено. Ничего не заметил. Никаких подозрений не было.

Вопрос:

- В Форосе, до 18 августа, разговаривали Вы с будущими членами ГКЧП? Не поступало ли от них предложений о введении чрезвычайного положения?

Ответ:

- Разговаривал по нескольку раз, а с Крючковым, по-моему, каждый день.

Вопрос:

- А каково было Ваше здоровье?

Ответ:

- У нас с Раисой Максимовной такой порядок: каждый день, независимо от погоды, мы проходим до шести километров в хорошем темпе. И в один из походов вдруг меня дёрнуло с левой стороны. Обычный радикулит. Сделали укол - вот и всё.

Вопрос:

- Как проходила встреча с представителями ГКЧП?

Ответ:

- Они поднялись на второй этаж сами - сидят, ходят весьма бесцеремонно...

Первым, по плану заговорщиков, разговор с Горбачёвым должен был начать секретарь ЦК КПСС Олег Шенин, а потом каждый добавил бы своё. Но Горбачёв перехватил инициативу. Решив, что Бакланов здесь старший, спросил его, с чего они объявились в Форосе?

Задуманный порядок нарушился. Бакланову пришлось начинать первым. Он, а вслед за ним Олег Шенин, от имени ГКЧП предложили президенту передать временно свои функции вице-президенту Геннадию Янаеву «с целью навести порядок в стране».

Из протокола допроса М. Горбачёва:

...Вопрос:

- Они документов никаких не представили?

Ответ:

- Нет, документы мне не предъявлялись. Чувствовали они себя неуютно. Я определился - это же предатели. Разговор с моей стороны шёл с ними жёсткий, эмоциональный. Начали уговаривать, что я устал, у меня много работы, заговорили о здоровье - эту тему продолжил Бакланов.

Я напомнил, что на 20 августа назначено подписание Союзного договора. Последовал ответ: - «Подписания не будет».

Вопрос:

- Это сказал Бакланов?

Ответ:

- Да, Бакланов. Он же сказал: «Ельцин арестован». Потом поправился: «Будет арестован в пути». Это был, наверное, элемент шантажа, давления. Бакланов мне заявил примерно следующее: «Михаил Сергеевич, да от Вас ничего не потребуется. Побудьте здесь. Мы за Вас сделаем всю грязную работу».

Молчал долго Болдин. Стоял у окна, у меня за спиной, а затем тоже вышел вперёд, высказался. Вижу: договорённость была - все должны сказать, все должны быть повязаны.

Я ещё раз повторил, что ни на какие авантюры не пойду, никому полномочий не передам, никакого Указа не подпишу.

Варенников сидел напротив меня: - «Подайте в отставку!» Я ответил, что этого не будет. Он стал кричать...

Свидетельствует Валентин Варенников:

- ...Беседа, с нашей стороны, проходила корректно. Михаил Сергеевич же допускал в своей лексике непарламентские выражения. Для меня это было странным. Но затем я всё это отнёс на счёт того, что беседующие

люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено.

Мною первоначально было принято решение - отсидеться и отмолчаться, тем более, что мне никто никаких конкретных задач по этой встрече не ставил, но беседа сложилась так, что я был вынужден подать реплику, а затем и предоставить президенту широкую информацию о высказываниях офицерского состава. Офицеры, в частности, спрашивают, почему проект Союзного договора не отражает результаты референдума, проведённого в стране, а также требования съезда народных депутатов СССР о сохранении Союза? Почему сепаратистским, националистическим и всех видов экстремистским силам позволено действовать так, как они считают нужным? Почему военнослужащие во всём ущемлены, особенно в связи с выводом наших войск из Восточной Германии? Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент на ней присягал перед всем советским народом?

Михаил Сергеевич сказал: - «Я всё это уже слышал»...

Вопрос:

- Уточните, при каких обстоятельствах закончилась встреча в Форосе?

Ответ:

- Когда встреча закончилась, Горбачёв сказал, и эта фраза была обращена ко всем членам группы, что «работа с вами вместе после того, что случилось, невозможна.»...

Из протокола допроса М. Горбачёва:

- ...Моё итоговое суждение было таким: - «Возвращайтесь и доложите мою точку зрения. И передайте, что если возникла такая ситуация, то немедленно надо собирать Верховный Совет или съезд. Они поняли, что задуманное не проходит. Стали прощаться. Я ещё раз повторил: «Уезжайте и доложите немедленно мою точку зрения».

Вопрос:

- Вы попрощались с ними за руку?

Ответ:

- Да. Я всё же считал, что после такой встречи, после этого «душа», доложат всё и взвесят, обдумают. Потому что разговор мой с ними был очень резкий...

На выходе им встретилась Раиса Максимовна. «С чем пожаловали?» - поинтересовалась она. «Мы ваши друзья.» - не вдаваясь в подробности, ответил Бакланов и протянул на прощанье руку. Но Раиса Максимовна руки не подала...

Связь только по паролю

Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти

> Генералов Вячеслав Владимирович, начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХОЗУ КГБ СССР. Воинское звание генерал-майор. 1946 года рождения. Русский. Член КПСС с 1967 г. Образование высшее, в 1976 г. закончил высшую школу КГБ при Совете Министров СССР им Ф. Э. Дзержинского. В органах безопасности с 1967 г. Награждён шестью медалями. Личный номер «Е-112448».
>
> Из служебной характеристики:
>
> ...Умеет выделить главное и сосредоточить усилия на ключевых участках контрразведывательной деятельности. Непосредственно участвует в планировании и проведении наиболее сложных оперативных мероприятий. Принимает обоснованные решения, стремится действовать нестандартно, не боится взять ответственность на себя...

Сторожить Горбачёва на «Заре» оставили Генералова. Трудно было найти более подходящую фигуру. Генералов знал «Зарю» как свои пять пальцев, каждый год готовя дачу для отдыха Горбачёва.

По характеру служака. Выступая перед сотрудниками охраны «Зари» после отъезда заговорщиков, он так выразил своё отношение к случившемуся: «Если мне скажут: „Стоять смирно!" - буду стоять смирно. Если скажут: „Стоять ещё смирнее!" - буду стоять ещё смирнее». Он умел угождать начальству. Сотрудники охраны рассказывают, что не раз становились свидетелями такой картины: шеф Службы охраны Плеханов ходит, покуривая, по своему кабинету, а следом за ним с пепельницей семенит Генералов.

И ещё одно важное обстоятельство определило выбор в пользу Генералова: он был специалистом по связи. Не лишним был его глаз за связистами, перед которыми стояла задача лишить Горбачёва контактов с внешним миром.

Генералова нашли в субботу 17 августа на личной даче в Подмосковье. Водитель привёз его в Кремль. Задача была поставлена Плехановым сначала в общих чертах: «Завтра полетите на „Зарю"». На следующий день он её конкретизировал: «В Форос с целью убедить Горбачёва уйти в отставку отправится группа высокопоставленных лиц. Если Горбачёв откажется принять ультиматум - придётся его изолировать на даче».

Генералов связался по телефону с начальником 9 отдела КГБ СССР в Крыму полковником Толстым. Чтобы избежать утечки информации, сказал, что завтра прилетит группа по подготовке отдыха в Крыму председателя кабинета министров Валентина Павлова. Надо её

встретить. Заместителю начальника управления правительственной связи Александру Глущенко и нескольким его подчинённым, поднятым по тревоге, не сказали и того. Срочная, мол, командировка, а про остальное - молчок. Лишь на борту самолёта они узнали, куда летят и зачем. И то не сразу.

Свидетельствует генерал-майор Александр Глущенко: - Примерно через час полёта меня и полковника управления правительственной связи Виктора Пузанова, а также Генералова к себе в салон самолёта, в котором, помимо нас, летели Бакланов, Шенин, Варенников, Болдин, вызвал начальник Службы охраны Плеханов. Он поинтересовался у меня, сколько времени понадобится для того, чтобы отключить все виды связи у президента в Форосе. Я ответил: «Минут десять-пятнадцать». На это Плеханов ничего не сказал. Лишь на подлёте к аэродрому «Бельбек» он снова вызвал меня и поставил конкретную задачу: «В 16.30 у Горбачёва должны быть отключены все виды связи». Уже при заходе на посадку мы, офицеры-связисты, составили документ о том, что получили приказ оставить Горбачёва без связи, и все под ним подписались...

На даче у президента было много способов для общения с миром, он мог осуществлять его даже через космос. А два дублирующих друг друга кабеля особой связи отличались сверхнадежностью, потому что обеспечивали контакт президента с министром обороны по глобальному вопросу безопасности, проще говоря, они были и замком и ключом президентского «ядерного чемоданчика». Однако для профессионалов не составило труда вмиг сделать президента «глухим» и «немым». Они просто вынули из гнёзд контакты на правительственных коммутаторах в Крыму. Станция космической связи была обесточена, взята под стражу - и всякие разговоры «среди звёзд» стали невозможны.

Свидетельствует старший техник-телефонист коммутатора «Мухалатка» Тамара Никулина:

- ...Я только собралась соединить Горбачёва с его помощником Шахназаровым - вдруг откуда ни возьмись за моей спиной появились офицеры правительственной связи» Сейчас, говорят, отключим связь с Горбачёвым. Я в ответ: «Только что сообщила Горбачёву, что соединяю его с Шахназаровым. Неудобно теперь не соединять». Как только разговор с Шахназаровым закончился, связь тут же пропала. Следующим должен был с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым говорить председатель Верховного Совета Белоруссии Дементей. Но офицеры - они уже распоряжались на коммутаторе - посоветовали ему положить трубку и больше не беспокоить президента звонками...

Коммутаторы перешли на ручной режим работы. Теперь по «автомату» никто не мог бы дозвониться с «Зари», если бы даже каким-то образом восстановил связь. Все разговоры в процессе ручного режима становились подконтрольными. На правительственном коммутаторе в Ялте, через который со своим начальством в Москве должен был общаться Генералов, место дежурной телефонистки занял офицер КГБ. Он получил указание предоставлять связь только радиостанции «0254»,

установленной в автомобиле Генералова. И только по паролю. Пароль был «Марс».

Возвращение в Москву

Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти

> Плеханов Юрий Сергеевич, генерал-лейтенант, начальник Службы охраны КГБ СССР, член коллегии КГБ СССР. 1930 года рождения. Русский. Образование высшее. Закончил в 1960 году Московский государственный заочный педагогический институт по специальности преподаватель истории. Член КПСС с 1957 года. До службы в органах КГБ работал в комсомоле и КПСС. Последняя партийная должность - секретарь секретаря ЦК КПСС. В органах КГБ начал службу в 1967 году с должности старшего офицера приёмной председателя КГБ СССР. С 1983 года начальник 9 управления КГБ СССР, позже переименованного в Службу охраны КГБ СССР. Награждён шестью орденами и большим количеством медалей. Личный номер - «Б-682123».
>
> Из служебной характеристики:
>
> ...Делу Коммунистической партии Советского Союза и социалистической Родины предан. Как член Коллегии КГБ СССР много внимания уделяет вопросам приведения деятельности органов и войск в соответствие с современными требованиями ЦК КПСС...

Бакланов, Болдин, Шенин возвращались с «Зари» на той же самой машине. Водитель 9 отдела КГБ Юрий Аркуша отметил, что настроение пассажиров резко изменилось. К Горбачёву ехали, о погоде рассуждали, обратно едут злые, раздражённые, перебрасываются короткими фразами.

Плеханов - он ехал в головной машине - по радиотелефону продолжал операцию по изоляции президента. Экипаж самолёта «ТУ-154», оборудованный специальным пунктом управления Вооружёнными Силами, получил распоряжение готовиться к отлёту в Москву. Эта крылатая машина несла круглосуточное дежурство на аэродроме «Бельбек» в связи с пребыванием в Крыму президента. К ней был придан вертолёт «МИ-8». В случае необходимости он должен был доставить Горбачёва с «Зари» к самолёту. Командир вертолёта тоже получил распоряжение отправляться в Москву.

Президента лишали ещё одного атрибута власти.

Полковник Толстой получил задание после прибытия на аэродром отправить водителей на «Зарю» и оттуда не выпускать. Генералов должен был проконтролировать эвакуацию в Москву операторов «ядерного чемоданчика».

В 19.30 «Ту-154», принадлежавший министру обороны СССР, взял курс на Москву.

Внешне этот самолёт мало чем отличался от самолётов подобного

типа. Он имел обычную «гражданскую» окраску. Но экипаж полностью состоял из военных.

Когда самолёт взлетел, Плеханов связался с Крючковым и сообщил ему, что Горбачёв отказался ввести ЧП.

Стол накрыли на скорую руку: овощи, сало, большая бутылка виски. К концу полёта в ней не осталось ни капли...

Оставшийся на земле Валентин Варенников проводил совещание с командующими военными округами: Киевским - генерал-полковником Чечеватовым, Прикарпатским - генерал-полковником Соколовым, Северо-Кавказским - генерал-полковником Шустко, командующим Черноморским флотом - Хронопуло, начальником ракетных войск и артиллерии сухопутных войск СССР - маршалом артиллерии Михалкиным. Он сообщил прилетевшим в Крым по распоряжению министра обороны СССР генералам, что в стране вводится режим чрезвычайного положения и что «в связи с ухудшением состояния здоровья» М. Горбачёва обязанности президента переходят к Геннадию Янаеву.

- Говоря о состоянии здоровья Горбачёва, - вспоминает маршал артиллерии Владимир Михалкин, - Варенников употреблял выражения: «очень болен» и «что-то там у него не в порядке внутри»...

В это время за тысячу километров от затерявшегося в Крымских горах военного аэродрома «Бельбек», в далёкой Москве Геннадий Янаев оторвался от застолья в кругу своих друзей, чтобы отправиться на экстренное совещание в Кремле, До часа, когда он подпишет Указ о своём вступлении в обязанности президента, было много времени. Ещё сам Янаев до конца не решил - возложить ли на себя обязанности президента, а главком сухопутных войск Варенников говорил об этом, как о само собой разумеющемся. Знал: согласится Янаев.

В 21.35 самолёт министра обороны приземлился на военном аэродроме «Чкаловский» под Москвой.

- После посадки, - свидетельствует командир корабля Павел Бабенко, - к нам, в кабину пилотов, зашёл Плеханов и потребовал предоставить список пилотов для их поощрения за образцовое выполнение задания. Он был пьян...

По дороге в Кремль у автомобиля, вёзшего Шенина, Болдина и Бакланова, пробило шину. Случилось это неподалёку от «Матросской тишины» - следственной тюрьмы, которой вскоре суждено было принять под свою крышу ГКЧП1 Но пассажиры, не придав значения мелкому происшествию, пересели в следовавшую за ними машину, и помчались в Кремль, где их уже ждали.

«Сбор в Кремле. В 20.00»

День 18 августа для ГКЧП был полон хлопот.

В 8.00 Язов провёл совещание с высшим военным руководством, на

котором сообщил о возможном введении ЧП в стране. Предстоит, говорил Язов, взять под охрану воду, продовольствие, госучреждения, поддерживать общественный порядок. Командующий Московским военным округом генерал Николай Калинин получил задание быть в любой момент готовым ввести в Москву войска 2-й гвардейской мотострелковой дивизии и 4-й гвардейской танковой дивизии, командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачёв - подготовить к вводу в Москву 106-ю Тульскую воздушно-десантную дивизию. Ввод войск, сказал Язов, может произойти уже сегодня.

В 9.00 из Свердловска в Москву прилетел будущий член ГКЧП президент Ассоциации государственных предприятий промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, генеральный директор научно-производственного объединения «Машиностроительный завод им. М. И. Калинина» Александр Тизяков.

В 11.00 министр внутренних дел Борис Пуго вылетел из Крыма, где отдыхал. В Москве он был в 13.30.

В 11.00 председатель КГБ СССР Владимир Крючков сообщил собравшимся у него заместителям, начальникам управлений, что в стране вводится ЧП, распорядившись, чтобы начальник Третьего Главного управления (особые отделы КГБ СССР в Вооружённых Силах) вице-адмирал Жардецкий, начальник управления «З» (зашита конституционного строя) Воротников сформировали и отправили в Эстонию, Латвию и Литву группы сотрудников КГБ.

Заместитель председателя КГБ Лебедев из рук Крючкова получил список лиц, за которыми было необходимо организовать слежку, а в случае необходимости арестовать. Начальник 7 управления Расщепов должен был обследовать обстановку вокруг дачи Бориса Ельцина, куда тот, судя по имеющейся в КГБ информации, собирался прибыть после прилёта из Алма-Аты.

Заместитель начальника ПГУ (разведка) Жижин сел писать выступление Крючкова на ТВ в связи с введением ЧП.

В 12.30 председатель кабинета министров Валентин Павлов позвонил в Тульскую область ещё одному будущему члену ГКЧП - председателю Крестьянского Союза СССР, председателю колхоза им. В. И. Ленина Василию Стародубцеву и попросил его завтра прибыть в Москву.

В интервале между 12.00-15.00 Павлов дважды разговаривал с председателем Верховного Совета СССР Анатолием Лукьяновым, отдыхавшим на Валдае.

С 15.00 до 17.30 Крючков находился в министерстве обороны у Язова.

В 15.20 к ним примкнул министр внутренних дел Борис Пуго. Язов и Крючков ввели Пуго в курс дел, в том числе рассказали, что в Форос для переговоров с Горбачёвым вылетела группа ГКЧП. Договорились, что встретятся в 20.00 в Кремле в кабинете Павлова, куда должны были прибыть после возвращения из Крыма Бакланов и другие.

В 15.35 Янаев отправился в гости к своим друзьям в дом отдыха «Рублёво».

Там его в 16.30 по радиосвязи разыскал Валентин Павлов. Янаев пообещал быть на вечернем совещании в Кремле без опозданий, минута в минуту.

В 16.45 адъютант министра обороны Курочкин по указанию Язова вылетел на двух вертолётах «МИ-8С», принадлежащих авиаотряду особого назначения 269 полка, с подмосковного военного аэродрома «Чкаловский» на Валдай, где отдыхал Анатолий Лукьянов.

В 17.20 Владимир Крючков позвонил ещё раз Янаеву, напомнил, что в 20.00 в Кремле состоится совещание.

В 17.30 Крючков позвонил министру иностранных дел Александру Бессмертных в Белоруссию, где тот отдыхал, и попросил его срочно прибыть в Москву, сказав, что самолёт командующего Белорусским военным округом для него уже заказан.

В 20.00 заговорщики были в сборе. За Лукьянова можно было не волноваться, он уже находился в Москве, звонил Крючкову из машины, что едет. Задерживался только Янаев. Вице-президент объявился с получасовым опозданием, причём, изрядно навеселе. В 20.40 пришёл Анатолий Лукьянов - он успел побывать у себя в кабинете, взял там Конституцию СССР и Закон о ЧП.

За столом, покрытым зелёным сукном, собралась вся президентская рать...

Ещё за полгода до августа 1991 года мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак в своей книге «Хождение во власть» написал:

«Мы часто повторяли это выражение "команда президента". Но по сути у Горбачёва никогда не было своей команды. Большую часть своей политической карьеры периода перестройки он вынужден был бороться с партийными функционерами уже отжившей эпохи. Эта борьба была весьма драматична: заключая вынужденные соглашения с одними, он избавлялся от других. Подчас за бортом политической лодки в результате таких манёвров оказывались целые группы противников нового курса.

Горбачёв умело маневрировал между рифами, действуя всегда в меньшинстве и проявляя чудеса изобретательности. Но в тот момент, когда его стали окружать по-настоящему умные, сильные и независимые и весьма компетентные люди, пользующиеся уважением всей страны, он, привыкший работать и действовать среди временщиков партийной пирамиды, не смог понять качественного изменения в своём ближайшем окружении, не смог опереться на опыт и мудрость своих соратников и советников.

Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Шаталин, Петраков... Именно они первыми увидели отступление президента, если не сказать прямо - его откат от им же начатого дела. И они - один за другим - оставили президента, ибо понимали, что любой компромисс возможен лишь до

определённого предела...»

Но президент, словно не слышал многочисленных предостережений, словно не желал видеть очевидное - то, что места вытесняемых, изгоняемых реформаторов в его ближайшем окружении занимают люди, у которых есть немало серьёзнейших оснований для того, чтобы выступить против него.

Портрет маршала, который стал игрушкой в руках политиков

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

> Язов Дмитрий Тимофеевич. 1923 года рождения. Русский. Образование высшее. Закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и академию Генерального штаба Министерства обороны СССР. В армии прослужил 50 лет. Участник Великой Отечественной войны.
>
> Командовал рядом округов - Дальневосточным, Среднеазиатским и др. Руководил Центральной группой войск в Германии, был Уполномоченным Правительства СССР по делам пребывания советских войск в Чехословакии. В 1987 году стал заместителем министра обороны СССР по кадрам, в том же году 31 мая назначен министром обороны СССР. В 1990 году присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.
>
> Член КПСС с 1944 года. С 1987 года член ЦК КПСС. Кавалер множества советских и иностранных орденов.

В ноябре 1990 года на встрече воинов-депутатов с Горбачёвым член Верховного Совета Эстонии капитан К. Ахаладзе сказал: «Михаил Сергеевич! Я один из многих людей, которые с 1985 года по 1988 год беспредельно любили Вас. Вы были моим идеалом. Везде и всюду я готов был за Вас драть глотку. Но с 1988 года я постепенно ухожу, удаляясь от Вас. И таких людей становится всё больше. У людей, восхищавшихся перестройкой, начинается аллергия на неё».

То же самое мог бы сказать и маршал Дмитрий Язов. Он возлагал на перестройку большие надежды и долгое время боготворил президента. Однако по мере удаления от апреля 1985 года всё более разочаровывался в перестройке и всё дальше отходил от президента.

Язов и Горбачёв были совершенно разными людьми. Для Горбачёва понятие «кулак» не содержало откровенно враждебного смысла. Часть его семьи по приказанию властей, осуществлявших курс на поголовную коллективизацию, вступила в колхоз. «Однако дед „не поступился принципами" и был репрессирован как кулак», - отмечает известная американская писательница Гейли Шихи, исследовавшая юность и детство Горбачёва.

Для Язова кулаки были непримиримыми классовыми врагами, колхоз - надеждой на спасение от нищеты и голода. Он вышел из самых низов российского крестьянства. Бедность помешала ему своевременно получить среднее образование. Язов в неполные 10 лет вынужден был прервать учёбу и пойти на работу, чтобы помочь матери, оставшейся после смерти мужа с четырьмя детьми на руках.

Когда началась война, Горбачёву было всего 11 лет. Его станица на три месяца была оккупирована немецкими войсками. Советский политолог Леонид Гозман так комментирует в журнале «Огонек» этот факт из биографии президента: «Немцы были врагами, с которыми сражался на фронте его отец. Но он увидел не карикатурных персонажей советской пропаганды, а живых людей, и это было первым опытом понимания того, что пропагандистские стереотипы упрощают, примитивизируют мир, а значит, и относиться к ним, в том числе и к стереотипам о собственной стране, стоит с осторожностью».

В 1941 году Язов ушёл добровольцем на фронт, приписав себе лишний год. В армию брали только с 18 лет, а ему не было и 17.

Он похоронил многих своих однополчан, прежде чем война закончилась. Сам не раз смотрел смерти в лицо. Дважды был ранен.

Для Язова немцы на всю жизнь остались неприятелями: боль от ран, полученных на фронте, мешала поверить, что те, кто на войне, может быть, стрелял в него, искренне говорят о дружбе и желании помочь СССР.

Язов смог закончить школу лишь в 1952 году уже в звании майора, совмещая занятия со службой и заботой о семье.

Горбачёв закончил юридический факультет Московского государственного университета - эпицентр студенческого свободомыслия в СССР. Здесь он подружился со Зденеком Млынаржем, одним из будущих лидеров «Пражской весны». Годы студенчества зародили в нём стремление к реформаторству - отмечают многие биографы президента.

Демократические преобразования Хрущёва для Язова обернулись массой осложнений, привив настороженность ко всякого рода реформаторству. Армия сокращалась, и ему после окончания Военной академии им. Фрунзе досталась всего лишь должность командира батальона. Офицера, прошедшего войну, имевшего опыт командования отдельной частью и окончившего академию с Золотой медалью, такое назначение разочаровало. Но это было только началом мытарств. Вскоре Язова перевели на ещё более непрестижную должность начальника полковой школы для новобранцев. Затем последовал перевод на скромную должность старшего офицера в Управление боевой подготовки Ленинградского военного округа. Лишь в 1961 году он становится командиром полка. За плечами было уже двадцать лет службы! Из них четыре под пулями врага.

В 1962 году его полк тайно перебрасывают на Кубу. Карибский кризис преподнёс ему урок политического лицемерия. Всему миру твердили, что на Кубе нет советских войск, а Язов под эти заклинания укрывался со

своим полком в джунглях. Офицеры и солдаты были переодеты в гражданское и выдавали себя за «аграрных специалистов».

Горбачёв и Язов смотрели на одни и те же события совершенно разными глазами, извлекая из них абсолютно противоположные выводы. Даже личная жизнь у них сложилась по-разному. У Горбачёва счастливо, у Язова, как он сам отметил в своей биографии, «благополучие чередовалось с горем и значительными переживаниями». В 1947 году от ожогов умерла дочь. В 1975 году от рака - жена. Он женится на своей сверстнице, оставшейся без мужа. В 1991 году едва не похоронил и её. За два месяца до часа «Х», 19 мая, (19 - несчастливое число для Язова!) он вместе с Эммой попадает в аварию. Удар тяжёлой машины пришёлся как раз по тому месту, где сидела жена. 53 дня провела Эмма Язова в реанимации. Врачи спасли ей жизнь, но тяжёлые травмы обрекли её на постоянное недомогание.

Груз прожитого тянул Язова назад. На переговорах по разоружению он сражался за каждый артиллерийский и автоматный ствол, отстаивая безнадёжно устаревшие «пехотные» концепции.

Будучи неопытен в искусстве закулисных интриг, мысля исключительно прямыми категориями, Язов и сам не заметил, как оказался игрушкой в руках политических сил, противостоящих реформам.

Переломным моментом стала встреча воинов-депутатов с Горбачёвым. Та самая, на которой так проникновенно выступал капитан Ахаладзе.

Хотя официальная пресса опровергала многочисленные заявления о том, что на этой встрече президенту пришлось столкнуться со «своего рода ультиматумом военных», в действительности так оно и было. Один из участников встречи полковник В. Костин адресовал Горбачёву гневный вопрос: «Нужна ли вообще армия Вам как президенту?!» В демократических государствах военные не могут себе позволить подобный тон в общении с президентами.

Через две недели, 27 ноября, Язов в своём выступлении по Центральному телевидению сказал:

- Я обращаюсь к вам по указанию президента СССР в связи с противоправными действиями в ряде республик, которые ставят под угрозу обороноспособность страны... Принимаются решения, требующие передислокаций соединений и частей Вооруженных Сил СССР... В такой обстановке считаю необходимым заявить следующее: армия будет дислоцироваться там, где это необходимо для выполнения её главной функции: обороны государства и обеспечения его безопасности...

Это была его первая победа над президентом. Обычно отступал он. Пусть армия знает, что министр обороны перешёл в наступление. Армия не поддастся нажиму! Где войска стояли - там и будут стоять. Пусть сепаратисты и националисты и не помышляют о том, что армия покинет пределы их республик. Армия была и будет единой, неделимой!

Но победа была пирровой. Министр обороны присягнул на верность имперской политике, и армия была обречена на роль жандарма. Эхом заявления Язова стали автоматные очереди и лязг танковых гусениц в Вильнюсе. Пролитая там кровь окончательно повязала военного министра с теми, кто готов был ради сохранения политического статуса кво на всё...

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса Дмитрия Язова от 30 августа 1991 г.:

...Поехали,чтобы предъявить ультиматум президенту: или сдавайся, или будешь изолирован. Мы договорились, что Варенников, после того как побывает у Горбачёва, залетит в Киев независимо от результатов переговоров. Он должен был встретиться с Кравчуком и обговорить все вопросы. Но ему не ставилась задача вводить чрезвычайное положение. Это, как мы считали, должно быть прерогативой руководства Украины. Позже, когда Варенников вернулся в Москву из Киева, я поинтересовался, какова реакция Кравчука на создание ГКЧП. По словам Варенникова, Кравчук сказал: «У нас всё в порядке, мы не будем вводить чрезвычайное положение».

Вопрос:

- Командующие округами были уведомлены о том, что будет создан ГКЧП?

Ответ:

- Не все. Из отпусков я никого не вызывал. В воскресенье, 18 августа, ко мне где-то около 12-13 часов приехал Крючков.

Вопрос:

- Он предварительно звонил?

Ответ:

- Да, он позвонил и сказал, что сейчас подъедет. Когда подъехал, начал разговор с того, что может делегацию к Горбачёву отправить не в 13.00, как мы предварительно договорились, а чуть позже, в 14.00. Я говорю: «Ну, какая разница? Разве это имеет какое-нибудь значение?» Потом он сказал, что ему нужно позвонить Пуго.

Вопрос:

- Пуго был в курсе дел, разделял вашу точку зрения?

Ответ:

- Кто-то мне говорил, кажется, это был Крючков, что Пуго солидарен с нами. После нескольких звонков Пуго разыскался. И Крючков пригласил его приехать.

Вопрос:

- Объяснял ли он причину приглашения?

Ответ:

- Нет. Он только сказал: «Я у Язова нахожусь, подъезжай». Тот приехал. Из этого я понял, что у них какая-то договорённость до этого была.

Вопрос:

- А почему Вас не оказалось в составе делегации, отправляющейся в Крым на переговоры с Горбачёвым? Почему направили туда Варенникова, а сами остались в Москве?

Ответ:

- Трудно ответить на этот вопрос определённо. Скорее всего потому, что неловко было перед президентом показываться с ультиматумом в качестве предателя...

Портрет «кремлёвского ястреба», которого коллеги называли «кремлёвским дворником»

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

Бакланов Олег Дмитриевич. 1932 года рождения. Родился в г. Харькове. Украинец. Образование высшее. Закончил Всесоюзный заочный энергетический институт. Кандидат технических наук. Член КПСС с 1953 года. Начал работать после окончания ремесленного училища монтажником на секретном заводе в 1950 году. Здесь прошёл все ступени служебной лестницы до заместителя главного инженера завода.

Затем стал главным инженером Харьковского приборостроительного завода, принадлежащего министерству Общего машиностроения (оборонная промышленность). В 1972 году возглавил его. С 1975 по 1976 годы - генеральный директор производственного объединения «Монолит» министерства Общего машиностроения. С 1976 года - заместитель министра Общего машиностроения, с 1983 года - руководитель этого министерства.

С 1988 по 1991 год секретарь ЦК КПСС - куратор оборонной промышленности. Последняя занимаемая должность - заместитель председателя Совета Обороны при президенте СССР.

Лауреат Ленинской премии 1982 года, Герой Социалистического Труда, награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами «Октябрьской революции», «Знак почёта», многими медалями, в том числе медалью «Воину-интернационалисту от благодарного Афганского народа».

На ноябрьской, 1990 года, встрече президента с воинами-депутатами рядом с Язовым в президиуме сидел секретарь ЦК КПСС Олег Бакланов - куратор оборонной промышленности, жёсткий блюститель военных интересов.

Напрасно искать фамилию Бакланова в списках награждённых. Перечень его орденов здесь публикуется впервые. О том, какие награды и за что получал Бакланов, мало кто знал. С него, как с «секретоносителя», не спускал глаз КГБ. За несколько дней до заговора у Бакланова на Украине умерла двоюродная сестра. Даже в поездке на её похороны Бакланова «пас» офицер КГБ. Только узкий круг лиц был осведомлён, что он является председателем государственной комиссии по программе «Буран», что первые пуски этих кораблей, созданных в противовес «Шаттлу», осуществлялись под его непосредственным руководством.

Бакланов не был исключением - всё, что касалось обороны, было тайной за семью печатями. Военная доктрина никому не оглашалась, никто не знал, в чём её суть. «Когда поют солдаты, спокойно дети спят!» - эти слова из популярной песни были ответом на все вопросы.

В советской прессе не было принято критиковать армию, а тем более оборонную промышленность. Эта тема была закрытой. Оборонные заводы, на которых работал чуть не каждый четвёртый житель СССР, как бы вовсе не существовали - даже разговоры о них, с точки зрения КГБ, были преступлением против безопасности страны. Общественному мнению внушалось: всё, что предпринимается партией и ленинским ЦК в оборонной сфере, может вызывать только одобрение.

Лишь после провала заговора стала просачиваться информация о том, что дела обстоят далеко не так.

Один из самых авторитетнейших учёных страны, занимающийся проблемами обороны, Пётр Короткевич в интервью «Литературной газете» заявил, что в результате близорукой политики КПСС к руководству ВПК пришли некомпетентные, случайные люди. Короткевич назвал их «кремлёвскими дворниками»: - «Дворники не понимают, что такое наука, потому-то и возникли дорогостоящие программы, от которых не было никакого толку».

Короткевич назвал целый ряд таких программ, в том числе «ядерный щит» Москвы, обрекавший столицу в случае агрессии на двойной удар - чужой и... свой, и особо подчеркнул роль главы «кремлёвских дворников» Олега Бакланова в создании всех этих безумно дорогих нелепиц.

Учёный рассказал, как в 1989 году секретарь ЦК КПСС Бакланов «заморозил» проект единой стратегической обороны, разработанный группой крупнейших учёных, передовых военных руководителей. Реализация проекта означала сокращение и профессионализацию армии, демилитаризацию экономики и в конечном результате двойное (!) уменьшение оборонных расходов.

К 1985 году Советский Союз проиграл состязание с США по основным стратегическим технологиям, которые определяют военно-стратегический потенциал государства. По данным второго секретаря Управления международных организаций министерства иностранных дел Российской федерации Сергея Федерякова, приведённым в февральском (1992 г.) номере журнала «Международная

жизнь», в 1982 году США опережали СССР по десяти позициям стратегических технологий. Причём, по таким важнейшим, как компьютеры, системы наведения ракет, обнаружения подводных лодок, технологии «Стелс», Советский Союз отставал очень значительно. По пяти технологиям у СССР и США было равенство. А по двум позициям - обычные боеголовки и силовые установки - Союз шёл впереди. В 1985 году СССР уже не имел преимущества ни по одной из технологий. Увеличивался временной разрыв в разработке и внедрении образцов новой техники. Если в 40-50 годах он составлял 5-6 лет, то в 60-80 годах он уже достигал 9-12 лет.

Для СССР втягиваться в новый дорогостоящий виток капиталоёмкого военно-стратегического строительства было равносильно самоубийству. Так считали объективные эксперты. Но курс на свёртывание гонки вооружений больно ударял по ВПК, который вольготно чувствовал себя в условиях постоянного противостояния - сорил деньгами, получал награды.

С семидесятых годов верхушка ВПК состояла из членов так называемой «днепропетровской группировки» Брежнева. В партии за «оборонку» отвечал друг генсека по Днепропетровску - секретарь ЦК КПСС Кириленко, в Совете Министров оборонными вопросами ведал днепропетровец Смирнов, а за их спинами уютно пристроились родственники партийной и государственной аристократии. Зять Устинова занимался разработкой боевых лазеров, зять Кириленко - СОИ и так далее, и так далее...

Достаточно утвердившись в этом мире, Бакланов в 1983 году занял пост министра Общего машиностроения. В 1988 году инерция прошлых номенклатурных подходов вознесла его в кресло секретаря ЦК КПСС, куратора военно-промышленного комплекса. Даже в самых смелых мечтах он не представлял себе, что станет преемником Устинова, Кириленко - вождей, вошедших в историю Советского государства. Он рассчитывал, что будет обладать такой же властью и влиянием, как и они. Однако Горбачёв начал ломать кости оборонной промышленности, провозглашать речи в пользу мирного сосуществования.

Бакланов, в отличие от большинства будущих сотоварищей по ГКЧП, никогда не играл с президентом «в тёмную», он сразу предпочёл роль откровенного оппозиционера. На совещаниях по разоружению Горбачёв не раз был вынужден останавливать Бакланова, отстаивавшего интересы ВПК, вопросом: «Вы что, не согласны с моей политикой?»

Особенно крупный конфликт возник между ними из-за американской СОИ. Система, которая создавалась США с целью противодействия возможному ракетно-ядерному нападению, была выведена за скобки переговоров по разоружению. СССР же уменьшал ракетно-ядерный потенциал. СОИ, по мнению Бакланова, таким образом вполне могла противостоять советскому ракетному удару. Он поставил вопрос о том, чтобы СОИ на переговорах по разоружению была всё же положена на весы американской стороной. Раздражённый Горбачёв оборвал его: «Не лезь в это дело!»

На армию как силу, способную положить конец «смуте», у Бакланова оставалась последняя надежда.

Следствие при обыске обнаружило у него речь, с которой он готовился выступить на апрельском 1991 года пленуме ЦК КПСС. Вот что он хотел сказать партии и народу:

«...Иллюзорными выглядят сегодня представления о том, что военной угрозы извне нашему народу не существует. Нами и так сделаны колоссальные односторонние сокращения Вооруженных Сил, производства вооружения и военной техники, ведения научных и конструкторских работ в области обороны. Достигнутый в 70-е годы с огромным напряжением сил и средств народа военный паритет сегодня разрушен, и мы живём практически под диктовку США, которые стали фактически безраздельным властелином стран и народов, мировым жандармом.

Дальше отступать нельзя. Коварными заблуждениями дилетантов являются навязываемые народу представления о якобы безграничных возможностях военно-промышленного комплекса...

Основным условием антикризисной программы должно быть немедленное приостановление всех республиканских и региональных законов, принятых после 1985 года, ...восстановление целостности СССР в «границах 1985 года», создание Комитета национального спасения с чрезвычайными полномочиями, вплоть до введения военного положения в стране.

Чрезвычайные меры могут быть осуществлены лишь чрезвычайной политической властью, которая имеет разветвлённую структуру, пронизывающую все слои общества, все сферы народного хозяйства.

Такой властью может быть лишь КПСС, пусть обескровленная, отлучённая от рычагов управления, но сохраняющая в себе вертикальные структуры, а значит, способность и возможность управлять на основе железной дисциплины её членов...»

Шеварднадзе, который в беседах с Бейкером рассуждал о том, что не за горами то время, когда США и СССР будут согласовывать, какие виды вооружения целесообразно создавать вместе, Бакланов считал агентом, продающим интересы Родины. И Горбачёва тоже. И не он один. Из его заявления следствию явствует: подозрение Бакланова, что Горбачёв преднамеренно подрывает обороноспособность страны, разделяли Крючков и Болдин. Именно это создало, по словам Бакланова, «определённый фон» его действий в августе 1991 года.

Накануне заговора со страниц ультрапатриотической газеты «День» он открыто делился «планами на будущее»:

«...Армия, если ей придётся взять на себя управление экономикой, транспортом, обществом в целом, сможет лишь некоторое время поддерживать такое управление... Она, армия, нуждается в серьёзном интеллектуальном обеспечении, чтобы сформулировать концепцию

нового периода, внести в него не только стабилизирующие элементы, но и элементы развития. Вообще в Вооруженных Силах, в оборонной индустрии накоплен огромный организационный опыт, которым может воспользоваться гражданское общество. У оборонщиков гораздо больше организационного опыта, чем, скажем, у новоиспечённых политиков, которые не в состоянии обеспечить даже уборку мусора на улицах Москвы, накормить и одеть население, спланировать стратегию городского хозяйства. Когда дилетанты отступят на задний план, перестанут бить по рукам инженерам, они снова восстановят застывшую промышленность, оживят научно-исследовательские коллективы, продолжат свои изыскания и открытия...»

Тихий, всегда начинающий своё обращение к кому бы то ни было со слова «уважаемый», человек толкал страну на самоубийство.

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса Олега Бакланова от 9 сентября 1993 г.:

Вопрос:

- За что Вы получили столь высокие награды?

Ответ:

- «Знак Почёта» я получил за разработку ракетного комплекса. Орден Трудового Красного Знамени - за аналогичную работу. Звание Героя Социалистического Труда - за постановку на боевое дежурство последних моделей. Ленинскую премию - за модернизацию одной из машин, которая до сих пор стоит на боевом дежурстве.

Вопрос:

- Когда и где Вы познакомились с членами ГКЧП? Какие у Вас были с ними отношения?

Ответ:

- С Тизяковым я познакомился будучи секретарём ЦК. Был в Свердловске. Посетил завод, которым он руководил. После этого с Тизяковым завязались рабочие контакты, связанные с конверсией. Павлова я тоже плохо знал. Когда работал министром Общего машиностроения, Павлов был каким-то чиновником в министерстве финансов. Я с ним не общался, имел дела с министром финансов Гарбузовым. Более близко я Павлова узнал, когда встал вопрос, кого назначать председателем кабинета министров после ухода с этого поста Рыжкова.

Янаева я впервые увидел, когда его избирали секретарём ВЦСПС. Выслушал его речь, а потом уехал. Это было в 1989 или 1990 году.

С Крючковым я имел больше контактов, так как он обладал большой информацией, и общей и специальной. Когда началась трансформация Политбюро, когда концентрация власти несколько изменилась, естественно, у меня возникали на сей счёт вопросы и я обращался к

Крючкову. Он вообще человек, способный анализировать.

С Язовым я познакомился, когда стал министром Общего машиностроения. Как руководитель министерства, которое выполняло заказы обороны, счёл нужным познакомиться в первую очередь с Язовым. Взял с собой слайды образцов военной техники, показал ему, над чем работаем. Это было наше первое с ним знакомство. А дальшевсе совещания, которые он проводил по вопросам военной техники, я всегда посещал.

С Пуго я познакомился, когда он уже руководил Комиссией партконтроля в ЦК КПСС. Я позвонил ему в связи с тем, что меня как секретаря ЦК направили на пленум в Ригу, и я посоветовался, как себя там вести. Это был мой первый контакт с Пуго. Второй контакт был, когда рассматривалось дело по «АНТу». Ему и мне было поручено этот вопрос изучить.

Болдин являлся ключевой фигурой в аппарате ЦК, и вся текущая работа шла через него. Человек он очень собранный, исполнительный, принципиальный, болеющий за дело.

Вместе с Болдиным и Крючковым мы состояли в одном дачном кооперативе. Получили кредит для строительства на 10 лет. И на почве совместного строительства у нас были тоже постоянные контакты.

Варенникова я узнал по совместной командировке в Афганистан, куда я был послан в качестве личного представителя Горбачёва. Моя задача состояла в том, чтобы в личных контактах с Наджибуллой дать ему понять, что принято однозначное и бесповоротное решение о выводе советских войск из Афганистана. Командовал советскими войсками в Афганистане тогда генерал Громов, а Варенников был Главным уполномоченным советником. Все вместе мы обсуждали проблемы, возникающие в связи с выводом войск.

Лукьянов попал в поле моего зрения, когда ещё был заведующим отделом ЦК КПСС. Я как-то, сразу после прихода на работу в ЦК, попросил его проконсультировать меня, как себя вести, какие в ЦК существуют обычаи, правила. Он к моей просьбе отнёсся по-человечески, объяснил, что к чему. На заседании Политбюро ЦК КПСС Лукьянов сидел как раз напротив меня. А когда Лукьянов ушёл на работу в Верховный Совет, отношения стали у нас носить характер «здравствуйте - до свидания».

Вопрос:

- В каких командировках Вы были за последний год, начиная с лета 1990 года?

Ответ:

- Был в городе N. Там у нас большой комбинат, связанный с производством ядерного оружия. С одной стороны, меня беспокоило, что мы прекратили испытания, из-за чего можно было потерять контроль над этой техникой, с другой стороны, рассматривали, как включить здешний научно-технический потенциал в процесс конверсии. Это было за месяц-

полтора до августовских событий. Также летом 1991 года я летал в Алма-Ату к Назарбаеву. Нам нужно было провести с американцами в Семипалатинске совместные испытания. Поэтому Назарбаев просил приехать, встретиться. Договорились, что мы сделаем соответствующие выплаты за возможный ущерб в порядке трёх миллиардов. Потом летал на полигон, расположенный на Новой Земле. Осмотрели все места, где раньше проводились испытания, все скважины, заслушали научно-технические доклады. Определились, что взрывы на Новой Земле можно продолжать. Решили с этим предложением выйти на Верховный Совет СССР...

Досье следствия. Документ без комментария

Из заявления Олега Бакланова на допросе от 6 ноября 1991 г.:

...Дело касается вопроса, связанного с тем обвинением, которое мне предъявлено. Когда я стал заниматься вопросами обороны нашей страны, то, исходя из имеющегося опыта, высказывал свои позиции товарищу Горбачёву. И руководствовался, соответственно, этими позициями. Затрагивал, в частности, вопросы переговоров по разоружению. С моей точки зрения, его ратифицировать нельзя, потому что в период переговорных процессов, которые длились на протяжении восьми или девяти лет, мы сделали ряд существенных упущений, которые ставят наше государство в неравные условия с нашим партнёром, с которым этот договор заключается, - с Соединёнными Штатами Америки.

Я не хотел бы обсуждать политические аспекты этого договора, поскольку он имеет и позитивные, и негативные стороны. Этот вопрос требует специального рассмотрения и, возможно, дополнительной дискуссии. Но с точки зрения военно-стратегических вопросов, здесь есть существенные замечания. Первое: блок НАТО сейчас существует и укрепляется, а Варшавского договора у нас нет. В процессе переговоров из них был исключён вопрос о военно-морских силах США, которые являются существенной частью в триаде стратегических ядерных наступательных сил Соединённых Штатов. Соотношение боевых блоков за счёт методики подсчётов, а также за счёт того, что потенциал Англии и Франции был выведен за скобки, складывается с существенным превосходством в пользу Соединенных Штатов примерно в полтора-два раза. Это было изложено в личной записке товарищу Горбачёву. Она не была принята во внимание, и договор был подписан без учёта этого замечания.

Следующий вопрос - это вопрос, связанный с системой раннего предупреждения о возможном ракетно-ядерном нападении. Дело в том, что наша Красноярская станция, которая была построена в этих целях и находилась на этапе ввода в эксплуатацию, была американской стороной поставлена под сомнение как нарушающая договор. И из-за политики, которая проводилась со стороны бывшего министра иностранных дел, она была демонтирована. В то же время, две станции раннего предупреждения со стороны американцев и блока НАТО, - это в

Гренландии и Англии - несоответствующие договорённости, продолжают функционировать и сейчас.

В процессе контактов и разговоров по работе я обменивался мнениями на этот счёт с Владимиром Александровичем Крючковым, Валерием Ивановичем Болдиным. Может быть, я неправильно понял, но они высказали ряд замечаний, которые меня навели на мысль, что такая политика была не случайной. Я больше не хотел бы распространяться на эту тему, а хотел бы просить Вас предоставить возможность очной ставки с товарищами, поскольку их информация создавала определённый фон моих действий, в частности, связанных с ГКЧП.

Вопрос:

- Вы не могли бы уточнить, из чего Вы поняли, что такая политика президента с чем-то связана. Вам кто-то сказал или были какие-то документы?

Ответ:

- Заниматься такой серьёзной проблемой как безопасность страны и не знать целей своей деятельности - это, по меньшей мере, нелепо...

Вопрос:

- А с какой целью нужна очная ставка?

Ответ:

- С той целью, чтобы снять сомнения в части моих размышлений по поводу добросовестности проведения педоговорных процессов. Или мои сомнения напрасны, или они имеют под собой дополнительную основу, которой я не располагаю, но которой, может быть, располагают мои коллеги...

Портрет премьера, который считал западных банкиров диверсантами

Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти

Павлов Валентин Сергеевич. 1937 года рождения. Русский. Образование высшее. По специальности экономист, окончил Московский финансовый институт. Доктор экономических наук. Член КПСС с 1962 года.

Начал трудовую деятельность с инспектора государственных доходов райфинотдела, затем работал в министерстве финансов СССР, где от рядового экономиста дослужился до заместителя министров финансов СССР. В 1986 году стал председателем Государственного комитета по ценам, в 1989 - министром финансов СССР, в 1991 - премьер-министром СССР.

28 съездом партии избран членом ЦК КПСС. С марта 1991 г. - член

Совета Безопасности СССР. Военнообязанный, лейтенант запаса интендантской службы. Награждён орденами «Знак Почёта» и Трудового Красного Знамени.

«Ярый прагматик. Не властолюбив, но не склонен подчиняться. Обладает чрезвычайно крепкой нервной системой. Не слишком заботится о том, что будут говорить о нём впоследствии. Готов идти на непопулярные решения. Он не пробиваем».

Павлов всё сделал для того, чтобы подтвердить эту характеристику физиономиста, которую газета «Московские новости» напечатала вскоре после его вступления в должность председателя кабинета министров.

Первая же проведённая Павловым крупная акция по изъятию из оборота 50 и 100 рублевых купюр обернулась скандалом. «Нам угрожала потеря экономической независимости, так как Запад скупил в огромном количестве 50 и 100 рублёвые купюры и готовился выбросить их на наш денежный рынок, чтобы дестабилизировать обстановку в стране», - объясняя причины грандиозной операции, заявил Павлов в интервью газете «Труд». По его мнению, «против СССР ведётся „финансовая война"», в которой участвуют западные банки».

Это шокирующее заявление многие расценили, как отказ от нового мышления и возврат к временам «холодной войны». В ответ на просьбу ЕС пояснить смысл высказываний премьер-министра СССР, вызвавших негативную реакцию на Западе, М.С. Горбачёв посоветовал не трактовать их «обобщённо».

Акция Павлова преследовала скорее политические, чем экономические цели: вбить клин между Горбачёвым и Западом, показать республикам, кто в стране хозяин. Изъятие денежных купюр демонстративно не было согласовано с республиками. Глава российского правительства Иван Силаев узнал о готовящейся операции буквально за несколько часов. Ближе к полуночи его вызвал к себе Павлов и, действуя в духе сталинских традиций, вручил своё распоряжение в запечатанном конверте, вскрыть который приказал только на рассвете.

Главной целью Павлова было обуздать суверенитет республик. Главным его противником стало правительство России. После «российского демократического взрыва» 1990 года политическая и экономическая инициатива начала стремительно переходить вниз, к республикам, к новым представительным органам и общественности. И остановить этот процесс без укрощения России было невозможно.

В отличие от своего предшественника Рыжкова Павлов, первый профессиональный финансист на посту премьер-министра, не тратил время на театральные всхлипывания и риторические призывы остановить «парад суверенитетов» - он решил воздействовать на республики силой рубля. На период реализации антикризисной программы Павлов намеревался полностью подчинить себе Госбанк СССР и налоговые инспекции. Это давало возможность с помощью финансово-бюджетной и кредитной политики сохранить единое экономическое пространство,

зорко присматривать за национальными окраинами и таким образом остановить распад союзной экономики на отдельные составляющие.

Но ставка на «завинчивание экономических гаек», будучи возвратом к администрированию, только модернизированному, получила резкий отпор со стороны республик, бесповоротно ставших на путь экономической и хозяйственной самостоятельности.

Причины своих неудач Павлов видел в политике Горбачёва, который вместо того, чтобы содействовать сохранению влияния Центра, пошёл навстречу республикам, начав Ново-Огарёвский процесс. В случае подписания Союзного договора сформированное Павловым правительство практически оставалось бы не у дел, а разработанная им программа сохранения сильного Центра выбрасывалась на свалку.

Остановить Ново-Огарёвский процесс могло только ЧП.

«Партия утратила бдительность, - сказал Павлов на апрельском пленуме ЦК КПСС 1991 года. - Кабинет министров предлагает немедленно ввести ЧП на транспорте, в отраслях топливно-энергетического комплекса, металлургии. При необходимости ЧП должно вводиться и в отдельных регионах страны. Особый режим деятельности должен быть введён и в банковской системе».

На это Горбачёв Павлову и другим, муссировавшим на пленуме тему ЧП, ответил в своей заключительной речи: «Некоторые товарищи видят способ выхода из кризиса в одном - во введении ЧП во всей стране. Причём, под этим подразумевается отнюдь не потребность сохранения порядка и дисциплины на производстве... Будем говорить откровенно. По существу многим чрезвычайные меры видятся как средство возврата к политической системе, существовавшей у нас в доперестроечное время...»

Отношения между Павловым и Горбачёвым после апрельского пленума обострились. Президент и премьер-министр окончательно разошлись по разные стороны баррикад.

На июньской сессии Верховного Совета СССР, на которой Павлов потребовал для себя «дополнительных полномочий», в том числе и на законодательную инициативу, депутат из Белоруссии поинтересовался, как тот собирается реализовывать суверенитет республик в сочетании с идеей сохранения единого экономического пространства. На что премьер в свойственной ему нагловатой манере (а в тот день он был, что называется, в ударе) ответил: «Вообще суверенитета как такового, ничем не ограниченного, не бывает нигде в мире. Суверенитет всегда ограничен. Либо это делается добровольно, либо принудительно».

Кабинет министров, если бы предпринятая на сессии попытка «законного» переворота удалась, немедля ввёл бы в стране ЧП. Об этом свидетельствует подготовленный Александром Тизяковым проект правительственного Постановления. Своё мнение о человеке, которого данный документ, в случае вступления в силу, превращал в диктатора, Тизяков изложил на допросе от 26 сентября 1991 года:

- ...Я знал, что Павлов слишком увлекается алкоголем, и причём серьёзно. Поэтому на встречах с М.С. Горбачёвым я трижды ему докладывал об этом, что Павлов пьёт и очень часто. Знали об этом и в Минфине СССР.

После утверждения Павлова премьером всё подтвердилось. Он, кроме складно говорить, оказался неквалифицированным во многих вопросах руководителем. Вы можете переговорить с его первыми заместителями, и они, если будут честными, подтвердят это...

Верховный Совет оказался принципиальнее Тизякова и отказал премьер-министру в его притязаниях. Таким образом конституционные методы введения ЧП были исчерпаны. Павлову оставалось либо ожидать сложа руки разгрома своего правительства, либо войти в число заговорщиков.

В Лондон, на совещание «семёрки», Горбачёв взял не премьера, а его заместителя Щербакова. Похоже, что это и определило окончательный выбор Валентина Павлова.

Досье следствия. Документ без комментария

Из проекта Постановления кабинета министров СССР, которое планировалось принять в случае предоставления правительству дополнительных полномочий [4]:

От ___ 1991 г. Москва. Кремль.

Шестой год так называемой перестройки привёл страну к развалу экономики и политической системы.

В экономике происходят процессы, которые привели страну на грань катастрофы. Падают выпуск продукции, национальный доход. Упала дисциплина на производстве. Расстроена денежная система. Практически потеряно управление народным хозяйством.

Объявленные суверенитеты привели страну к гражданской войне, в результате мы имеем сотки погибших и около миллиона беженцев.

Всё больше разгорается война законов. Страну захлестнула преступность.

Политическая нестабильность сводит на нет все меры по стабилизации экономики.

То есть, на данном этапе идёт речь о спасении государства и общества.

Это - не лозунг, а концентрированная оценка на сегодня ситуации в стране. Такое дальше допускать нельзя, ибо это приведёт к более тяжёлым последствиям.

Исходя из сложившейся критической обстановки в стране, которая вызывает законную тревогу всех советских людей за судьбу своей

[4]Изъят при обыске у А. Тизякова.

Родины, Союза Советских Социалистических Республик, и Постановления Верховного Совета СССР «О предоставлении Правительству СССР особых полномочий на период вывода экономики СССР из кризиса», Кабинет Министров СССР берёт на себя полноту ответственности по принятию безотлагательных срочных мер по стабилизации политического и экономического положения в СССР и постановляет:

1. Ввести чрезвычайное положение на всей территории СССР.

2. Установить, что на всей территории СССР действуют только Законы Союза ССР.

3. Возложить ответственность за стабилизацию экономики и политического положения в стране на исполнительные органы власти всех уровней.

4. ...Все нижестоящие органы подчиняются вышестоящим органам исполнительной власти. Решения исполнительных органов обязательны для всех ведомств, предприятий, организаций, советских, иностранных граждан и общественных организаций...

5. Министру обороны СССР т. Язову Д.Т. вводить при необходимости комендантский час на всей или отдельных территориях СССР, для чего образовать необходимое количество комендатур. Решение о введении комендантского часа до населения доводит командующий войсками военного округа. Всем исполнительным органам власти оказывать помощь в реализации необходимых мер по осуществлению чрезвычайного положения и комендантского часа.

6. КГБ и МВД СССР (т.т. Крючков В.А., Пуго Б.К.) в период чрезвычайного положения согласовывают свои действия с Министерством обороны СССР.

7. Кабинет Министров СССР обращается ко всем гражданам СССР, трудовым коллективам предприятий, организаций, общественным организациям, средствам массовой информации с призывом проявлять спокойствие, благоразумие и принять все необходимые меры по быстрейшей стабилизации экономического и политического положения в СССР.

8. Данное Постановление вступает в силу с момента его опубликования.

Премьер-министр СССР В. С. Павлов.

Портрет секретаря ЦК КПСС, который оказался в заключении второй раз в своей жизни

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

Шенин Олег Семёнович. 1937 года рождения. Русский. Образование высшее. По специальности инженер-строитель. Закончил в 1976 году

заочно Томский инженерно-строительный институт. В 1986 году получил высшее партийное образование. Закончил Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Работал на стройках Сибири. Прошёл путь от техника-строителя до руководителя одного из самых крупных строительных подразделений Сибири «Ачинскалюминстрой».

Возглавлял партийные организации г. Ачинска, Хакасской автономной области, Красноярского края. С 1990 года секретарь ЦК КПСС. В 1989 году член Российского бюро ЦК КПСС, с июня 1990 года член ЦК компартии России. В июле 1990 года избирается членом ЦК КПСС и членом Политбюро ЦК КПСС.

Награжден Орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, двумя Орденами «Знак Почета» и многими медалями.

В 1958 году на стройучастке, которым руководил молодой прораб Олег Шенин, в результате несчастного случая погибли двое рабочих. Суд признал Шенина виновным в нарушении правил техники безопасности и направил его в заключение.

Через 32 года бывший осуждённый стал секретарём ЦК КПСС. Случай беспрецедентный для советской действительности. Каждый, кто попадал даже в средние эшелоны партийной власти, должен был иметь не только «правильное» направление мыслей, но и безукоризненную, без единого пятнышка, биографию.

Однако этим и исчерпывается неординарность Олега Шенина. Это типичный представитель партийной номенклатуры старой закалки.

Первого секретаря Красноярского крайкома партии Олега Шенина партийная номенклатура, ставшая классом, выдвинула на «передовую» в расчёте на его непримиримость по отношению к «оппортунистам», пробравшимся в КПСС и советующим ей стать партией парламентского типа. Он и в мыслях не представлял, что КПСС, имеющую столь боевое прошлое, в состоянии сокрушить «жалкая кучка демократов».

К июлю 1990 года, когда Шенин стал секретарём ЦК КПСС и одновременно членом Политбюро, положение партии было вовсе не безнадёжным. Конечно, потери были. За годы перестройки КПСС заметно поредела. Упало значение Политбюро ЦК в управлении страной. Если в 1985 году Политбюро собиралось 38 раз, то в 1990 - всего 9. Однако КПСС продолжала оставаться самой массовой партией, и вряд ли какая-нибудь другая партия в ближайшие годы смогла бы всерьёз конкурировать с ней. Сохранилась в неприкосновенности её вертикальная структура. Парткомы действовали на всех предприятиях и в госучреждениях страны, включая аппарат Верховного Совета СССР. Армия, КГБ, МВД полностью находились под контролем КПСС.

31 января на январском пленуме (1991 г.) ЦК Олег Шенин выступил с большим, развёрнутым докладом, в котором заявил: «Нам необходимо покончить с безбрежно-анархическим подходом в партии, проявление

которого в последнее время можно видеть довольно часто». 2 марта в «Правде» в статье под многозначительным названием «От партии ждут энергичных действий» отдал команду: «Партийные комитеты должны решительным образом выступать за то, чтобы вертикальные связи работали должным образом». Здесь же отметил, что «в последнее время в ЦК КПСС поступает большое количество писем, телеграмм и решений собраний, в которых выражается поддержка позиции ЦК КПСС, в том числе и в связи с событиями в Прибалтике».

О том, как высоко котировался Шенин у тех, кто замышлял вернуть страну к сталинско-брежневским порядкам, свидетельствует список ГКЧП, составленный Александром Тизяковым накануне апрельского пленума

ЦК КПСС:

1. Шенин О.С. - председатель.

2. Бакланов О.Д. - заместитель.

3. Болдин В.И. - заместитель.

4. Язов Д.Т.

5. Крючков В.А.

6. Пуго Б.К.

7. Прокофьев Ю.А.

8. Тизяков А.И.

9. Стародубцев В.А.

10. Костин Г.В.

В начале лета Шенин стал вести заседания секретариата, что указывало на дальнейшее возрастание его влияния в партии. Заседания секретариата по традиции поручают вести второму лицу в КПСС. Прежде это делал заместитель Горбачёва по партии Владимир Ивашко, но в последнее время он часто болел, и его заменил Шенин.

Шенин, демонстрируя своё пренебрежение к тезису о многопартийности, как в старые доперестроечные времена, проводил заседания секретариата с широким привлечением руководителей государственных предприятий и ведомста К примеру, 6 августа на секретариат были вызваны и послушно явились два заместителя председателя кабинета министров СССР, заместитель председателя комиссии Верховного Совета СССР по делам ветеранов и инвалидов, целый ряд руководителей министерств.

Последнее в истории КПСС заседание секретариата состоялось 13 августа - 9 дней спустя после отбытия Горбачёва в отпуск. На обсуждение Шенин, ломая заготовленную повестку дня, вынес всего один вопрос. Об Указе Бориса Ельцина о департизации.

Олег Шенин на этом заседании сказал: «...многие парторганизации

заняли выжидательную позицию, надеясь, что Комитет конституционного надзора СССР отменит распоряжение российского президента». Но надеяться на это, объяснил Шенин, нечего. Комитет, судя по всему, не вступится за партию. Нужно действовать самим...

И действительно, никто не заступился за КПСС, кроме партийных функционеров. Шахтёры не забастовали. Многомиллионная армия рядовых коммунистов России не вышла на улицы, чтобы выразить своё возмущение по поводу ущемления прав КПСС. Гневное заявление Политбюро ЦК компартии России оказалось гласом вопиющего в пустыне. Шаг Ельцина одобряли 73 процента россиян. Миф о единстве партии и народа рухнул.

Стало очевидным, что и самой КПСС, «боевого авангарда рабочих и крестьян» не существует. Что её именем прикрывается лишь отряд партийных функционеров, живущих за счёт взносов рядовых коммунистов.

...Когда Шенин переступил порог президентского кабинета в Форосе, он потребовал от Горбачёва незамедлительно отменить Указ Ельцина. Горбачёв в ответ стал говорить, что не стоит горячиться, необходимо подождать заключение Комитета конституционного надзора и уж лишь тогда принимать какое-то решение. Шенин, не выдержав, раздражённо прервал президента: «С Вами давно всё ясно».

Не об идеологических принципах шла уже речь, не о защите КПСС - становилось страшно от мысли, что обмен сквозняков сибирских строек на комфорт партийных кабинетов был ошибкой...

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса Олега Шенина от 6 ноября 1991 г.:

- ...Я верил в искренность президента СССР, в его озабоченность по поводу развала Союза как федерации, финансово-кредитной системы, системы народовластия Советов народных депутатов, снижения возможностей социальной зашиты людей. Поэтому мной двигала ответственность за поручение Генерального секретаря ЦК КПСС быть на «хозяйстве», знать обстановку, информировать его - что я в силу личной дисциплины и понимания сложности обстановки и делал. Однако это генсеком, по непонятным причинам, не было востребовано. И другого ответа, кроме того, что он всё просчитал, у меня теперь нет.

Разговоры о сложности обстановки были нередки в кругу президента СССР с участием Крючкова, Язова, Пуго, Бакланова, Павлова, Янаева. Иногда на такие разговоры приглашались я, Прокофьев, бывал на некоторых таких встречах и Тизяков.

Президент в этом кругу яростно защищал сохранение Союза как федерации, единой финансово-кредитной, налоговой системы, говорил, что нельзя доводить народ до обнищания, что надо делать всё, чтобы обеспечить социальную защиту людей, надо наводить конституционный порядок в стране, соблюдать Законы СССР и Указы президента СССР.

Именно над этим надо всем работать, говорил президент. Надо, наконец, научиться давать отпор, как он говорил, «так называемым демократам».

Иногда на такие разговоры приглашался и Лукьянов, которого за глаза президент с иронией называл «отцом русской демократии», намекая на его установившиеся контакты с различными фракциями парламента, движениями... и т.д., что, на мой взгляд, было очевидной необходимостью для Лукьянова, так как он возглавлял Верховный Совет СССР.

Президент сам много внимания уделял (я поражался, Как он на это находит время) подготовке к съездам народных депутатов РСФСР, событиям на митингах, газетным публикациям, выступлениям Ельцина, представителей межрегиональной депутатской группы, «Демократической России» (естественно, тем моментам, которые касались лично его). Неоднократно при мне давал задание найти документ о здоровье Ельцина, который рассматривался Политбюро то ли в 1987, то ли в 1988 году.

Мне известно, как президент давил на секретарей ЦК Дзасохова, Лучинского, председателя Гостелерадио Кравченко, заставляя их отслеживать передачи по ТВ и публикации в средствах массовой информации и своевременно принимать контрмеры.

Всё это не только отвлекало людей от стремления к гражданскому согласию, а и создавало основу для конфронтации во взаимоотношениях с республиканскими органами власти, в том числе и России, что, конечно же, ухудшало и обостряло ситуацию в стране...

Портрет человека, который решил побыть президентом хотя бы три дня

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

Янаев Геннадий Иванович. 1937 года рождения. Уроженец села Перевоз Горьковской области. Русский. Образование высшее. В 1959 году закончил Горьковский сельхозинститут, в 1967 году - Всесоюзный юридический институт.

17 лет отдал комсомольской работе, 12 из них был председателем Комитета молодёжных организаций (КМО) СССР, занимающегося международными связями комсомола.

С 1980 года заместитель председателя Союза Советских Обществ Дружбы (ССОД). С 1986 года на профсоюзной работе - секретарь, зампред, председатель Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов (ВЦСПС). С 1990 г. секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

В декабре 1990 года съездом народных депутатов СССР избран вице-президентом СССР. Народный депутат СССР от профсоюзов.

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

Честолюбие в Янаеве выдавала внушительная, церемониальная походка, в такт которой он важно поводил полусогнутыми в локтях руками.

Верхом производственной карьеры Янаева стала более чем скромная должность управляющего районным отделением «Сельхозтехники» в Горьковской области. 17 лет работы в комсомоле выветрили из него и этот мало-мальский опыт, но зато сделали своим в мире партийной номенклатуры.

Работа в советских профсоюзах, ещё Лениным названных «школой коммунизма», окончательно сформировала из него типичного советского функционера. Деятельность Янаева на посту секретаря ЦК КПСС для большинства населения СССР так и осталась загадкой: чем он там занимался, какими вопросами ведал?

Однако Горбачёв, представляя народным депутатам кандидатуру Янаева на пост вице-президента, сказал о нём, что это «человек, который уже сложился, зрелый политик, хорошо ориентирующийся в политических вопросах, человек с твёрдыми убеждениями, активный сторонник перестройки и активный её участник».

«В очередной раз победили те, кто господствовал в стране с 1917 года и руководил перестройкой с 1985 года. То есть, высшие слои аппарата, который осуществляет централизованное управление страной», - так прокомментировал избрание Янаева вице-президентом мэр Москвы Гавриил Попов.

Сам Янаев народным депутатам отрекомендовался не без пафоса: «Я человек действия. Я хочу работать в интересах моего многострадального народа».

Едва успел отзвучать Гимн СССР на закрытии съезда, избравшего Янаева вице-президентом, как вокруг его имени разразился скандал.

Отвечая на вопросы депутатов, Янаев удовлетворил их любопытство и в отношении своей кандидатской диссертации, которая, как он сказал, посвящена проблематике троцкизма и анархизма. Обозревателя «Литературной газеты» Анатолия Рубинова удивило, что Янаев подозрительно долго вспоминал тему диссертации. Обратившись к научным архивам, он выяснил, что вице-президент обманул съезд. Работа Янаева никакого отношения не имела к троцкизму и анархизму, да и науке тоже. Диссертация «Проблемы развития прогрессивных тенденций в молодёжных движениях развитого капитализма», защищённая Янаевым, представляла из себя примитивнейшие рекомендации по части просветительской работы с молодёжью в условиях «скорой гибели капитализма». Янаев советовал комсомольским организациям «совмещать в работе серьёзные беседы с показом фильмов и диапозитивов» и другими подобного рода мероприятиями.

Лживость была не единственным недостатком Янаева. Он страдал пристрастием к спиртному. Глава российского правительства Иван Силаев вспоминает, как Янаев, стремясь сойтись с ним поближе, не раз говорил: «Иван Степанович, надо бы нам как-то встретиться, выпить»...

То, что Янаев любит поволочиться за юбками, знали все, начиная от его окружения, кончая лифтёршей дома, где он жил. Янаев, назначая амурные свидания, нередко пользовался телефоном, установленным в лифтерной.

Янаева окружали люди, хорошо осведомлённые о его пороках. Советником вице-президента был Сергей Бобков, сын заместителя председателя КГБ СССР Филиппа Бобкова. Сергей Бобков длительное время работал членом редколлегии журнала «Молодая гвардия» - флагмана «патриотического» движения, всецело поддерживаемого руководством КГБ СССР.

Интервью, выступления Янаева отражали настроения сил, которые «пасли» его.

Из интервью газете «Советская Россия» 2 февраля 1991 года «Самое главное - оставаться самим собой»:

- ...Как Вы относитесь к заявлению Э. Шеварднадзе о том, что в стране происходит поворот вправо?

- Не о правом повороте надо говорить, а о том, что мы пока элементарного порядка навести не можем. Мы против любой диктатуры, тем более лагерей. Мы добиваемся порядка, который дал бы возможность быстрее развивать демократические процессы, добиваемся и порядка на производстве, только так можно восстановить разрушенные межхозяйственные связи...

Из интервью газете «Ленинское знамя» 29 января 1990 года (о тактике фракции коммунистов на 4-м съезде Народных депутатов):

- ...Кого вы считаете политическими оппонентами, способными нанести удар?

- Политический оппонент удара не наносит, а вот политический противник - да. С политическими оппонентами надо искать общий язык, а вот те общественные организации и движения, которые выбирают фонари, на которых будут вешать коммунистов, - вот это настоящие политические противники...

Из интервью ТАСС 9 февраля 1991 года (о впечатлениях от поездки в Кузбасс):

- ...Впереди большая работа. Она потребует усилий всех трудящихся области, в то же время она потребует и принятия нестандартных решений от руководства страны и от правительства...

Его участие в государственных делах зачастую ограничивалось представительскими функциями: поставить подпись под бумагой, судьба которой была бы решена и без него, отсидеть с важным видом на каком-

нибудь официальном мероприятии, вручить какую-нибудь второстепенную правительственную награду...

Но и то «малое», что у Янаева было, у него хотели отнять. После подписания Союзного договора институт вице-президента подлежал ликвидации.

Председатель комитета при президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов Юрий Голик вспоминает: «...Дня за три до 19 августа я зашёл к Янаеву, чтобы доложить о возвращении из отпуска. Разговор был на общие темы. Янаев стоял под портретом президента. И позволял себе вольно обращаться с его именем, называя Горбачёва «Мишелем», чего раньше никогда не было...»

Досье следствия. Документ без комментариев

Из протокола допроса Г. Янаева от 22 августа 1991 г.:

- ...Практически каждый день, иногда по нескольку раз, я имел телефонную связь с Горбачёвым. В последний раз я разговаривал с ним по городскому телефону 18 августа примерно в 12 часов. Я спросил, когда он прилетает? Горбачёв ответил, что 19 августа поздно вечером. Я сказал, что встречу его в аэропорту «Внуково».

Во второй половине 18 августа на автомашине «ЗИЛ» я поехал в гости в дом отдыха к моему старому приятелю. У него находился около трёх часов. За это время мне несколько раз звонили в автомашину. Один раз руководитель аппарата президента Болдин, один раз премьер-министр Павлов, один раз председатель КГБ Крючков. Просили меня приехать в Кремль для того, чтобы обсудить какие-то срочные вопросы.

Вопрос:

- Скажите, было ли какое-то обострение ситуации 18 августа 1991 года или в предшествующие дни?

Ответ:

- Ситуация осложнялась день ото дня. Кровопролитие в районе Карабаха, захват там военнослужащих в качестве заложников. В Южной Осетии в районе Цхинвали шла необъявленная война. Тяжелейшая обстановка складывалась с уборкой урожая, не хватало топлива, запасных частей, аккумуляторов. Кроме того, незадолго до 18 августа у меня был министр образования Ягодин, который сказал, что в вузах страны создаются забастовочные комитеты в связи с требованием студенчества отменить призыв студентов на действительную военную службу.

Вопрос:

- Что Вам известно о мерах, предпринятых по блокированию Горбачёва?

Ответ:

- Мне абсолютно об этом не было известно. Я не знал, что Горбачёв и его окружение лишены связи и свободы передвижения. Это лишний раз говорит о том, что я нужен был как легальная рубашка при нелегальной игре.

Создание ГКЧП, на мой взгляд, было инициировано руководителями трёх основных ведомств - КГБ СССР, министерства обороны СССР, МВД СССР. Премьер-министр Павлов являлся сторонником жёсткой линии, и поэтому создание ГКЧП отвечало его воззрениям...

Портрет Председателя КГБ, который считал, что страна находится во власти «агентов влияния»

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

Крючков Владимир Александрович. 1924 года рождения. Русский. Место рождения - г. Волгоград. Член КПСС с 1944 года. Образование высшее. Окончил Всесоюзный заочный юридический институт, Высшую дипломатическую школу МИД СССР. Трудиться начал в 1941 году рабочим на заводе. С августа 1943 по октябрь 1946 года был на комсомольской работе: комсоргом ЦК ВЛКСМ в Особой строительно-монтажной части номер 25, первым секретарём Баррикадного РК ВЛКСМ в г. Волгограде, вторым секретарём Волгоградского горкома ВЛКСМ.

С ноября 1946 по август 1951 года работал в органах прокуратуры: народным следователем, прокурором следственного отдела областной прокуратуры, районным прокурором.

В 1954-59 гг. после окончания Высшей дипломатической школы находился на дипломатической работе, сначала в МИД СССР, затем третьим секретарём посольства СССР в Венгрии.

С 1959 года в аппарате ЦК КПСС: референт, заведующий сектором, помощник секретаря ЦК.

С 1967 года на руководящих должностях в КГБ. С 1978 года заместитель председателя, а с 1988 года председатель КГБ СССР. Генерал армии.

Личный номер «Е-104577».

В 1989 году член Политбюро ЦК КПСС.

Награжден двумя орденами Ленина, Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и многими советскими и зарубежными медалями.

В 1967 году, поступая на службу в КГБ, полковник Владимир Крючков, написал в анкете о своей сестре: «В течение длительного времени

страдает алкоголизмом. На этой почве совершила кражу личного имущества, сейчас отбывает наказание и по определению нарсуда находится на принудительном лечении. С 1937 года после замужества живёт отдельной семьёй». О своём брате Николае Крючков сообщал: «Еще до войны выехал из Волгограда на Дальний Восток. После войны последние письма от него приходили из посёлка Аллах Юнь Юр-дуэт Якутской АССР. Сейчас о его судьбе ничего не известно».

Крючков, выворачивая наизнанку всё своё прошлое, понимал: утаивать что-либо от КГБ бесполезно. Всё равно изучат всю подноготную, проверят всех родственников до двенадцатого колена. За отца и мать волноваться было нечего. Отец из рабочих, участник гражданской войны, член КПСС с 1926 года. Мать - крестьянка. Средний брат Константин сложил голову в Великой Отечественной войне. Тут и комар носа не подточит. А от сомнительных брата и сестры он отмежевался.

Отнюдь не благодаря таланту разведчика Крючков стал председателем КГБ. «Это был рядовой человек, - свидетельствует глава российского правительства Иван Силаев, - по крайней мере, я не видел в нём каких-то серьёзных задатков, глубокого интеллекта. Мне кажется, быстрый его взлёт по служебной и партийной лестнице вскружил ему голову и развил в нём негативные качества».

Крючкова в КГБ привёл Юрий Андропов. Когда с поста секретаря ЦК КПСС он перешёл на пост председателя КГБ, то взял с собой и своего помощника Крючкова, которого тянул за собой всюду ещё со времён совместной работы в Венгрии. Андропов был послом СССР в этой стране, Крючков - третьим секретарём посольства.

В КГБ, как и ЦК, Крючков стал помощником Андропова. Крючков не был профессиональным разведчиком и достиг служебных высот лишь благодаря покровительству Андропова, которому по душе пришёлся услужливый помощник.

- Самостоятельные решения от него никогда не исходили, даже когда он занимал серьёзные должности, - вспоминает генерал КГБ Олег Калугин. - Придёшь к нему с каким-то делом. Он тут же хватается за трубку прямой связи с Андроповым. «Юрий Владимирович, вот такая ситуация... Как Вы думаете, что нам делать?» Андропов объясняет ему, что делать, а он со спокойной душой передаёт мне. По своему характеру Крючков, если так можно выразиться, помощник. Он всю жизнь был помощником кого-либо. Прежде всего Андропова...

Если бы не Горбачёв, Крючков, несмотря на всё своё рвение, так и остался бы начальником разведки, тихо уйдя на пенсию. Крючков считался человеком Андропова и это определило выбор Горбачёва в пользу 64-летнего начальника ПГУ. Как никак сам Горбачёв стал генсеком исключительно благодаря Андропову, и тоже, как и Крючков, считался его человеком.

Однако между учениками Андропова, хотя каждый из них считал себя продолжателем его дел, была огромная разница. Горбачёв видел в

Андропове реформатора, осуществить задуманное которому помешала безвременная смерть. Крючков, знавший Андропова лучше, чем Горбачёв, был убеждён, что Андропов никогда бы не позволил покушаться на систему. Действия Горбачёва он воспринимал с недоумением, они ставили его в тупик, порождая подозрения в искренности клятв Горбачёва в верности «социалистическому пути».

Всю жизнь он боролся с оппортунизмом. Гордился, что отстоял социализм в Венгрии в 1956 году. Горбачёв перед всем миром признал события в Венгрии преступлением. Крючков принимал участие в осуществлении ввода войск в Чехословакию в 1968-м. Горбачёв принёс свои извинения народу Чехословакии за «вмешательство во внутренние дела, допущенные КПСС в 1968 году». Крючков приветствовал возведение Берлинской стены и всё делал, чтобы сохранить её в целости. Горбачёв разрушил её. Крючков с ликованием встретил вторжение войск в Афганистан. В Кабуле его боевики штурмовали дворец Амина. Горбачёв назвал Афганскую войну «исторической ошибкой».

За кровь, пролитую простыми людьми в Афганистане и в других уголках мира, он, кабинетный служака, получил сорок пять иностранных наград, по которым можно изучать географию земного шара.

Он не раз беседовал с Горбачёвым с глазу на глаз, убеждал остановиться, одуматься. Горбачёв со многим соглашался, но ничего не менялось.

«Горбачёв реагирует на происходящее неадекватно», - в последнее время всё чаще повторял глава КГБ, намекая на то, что президент не в своём уме.

Горбачёв для Крючкова, конечно, был сумасшедшим. Горбачёв разрушал систему, которая обеспечивала ему всё - и раболепие подчинённых, и уважение недругов, и спокойную, в довольстве и даже роскоши, жизнь. Разве может человек, находящийся в здравом уме, рубить сук, на котором сидит?

Он следил за каждым шагом президента, не выпуская его из-под контроля КГБ ни на минуту. Под колпаком КГБ находился не только Горбачёв - все, кто хоть каким-то образом соприкасался с Горбачёвым и его семьёй. Подслушивали даже телефонные разговоры парикмахерши Раисы Максимовны.

В Форосе, на даче, каждый член семьи для удобства контроля имел свой порядковый номер. У Горбачёва был 110, у Раисы Максимовны - 111. Номера были у дочери, зятя, внучек Горбачёва. Вот выдержка из суточного журнала дежурного КГБ по объекту «Заря» за 17 августа 1991 года:

«...12.40 - «111» вышла из дома. 17.45 - «111» на пляже. 18.20 - «112» (зять Горбачёва. - Прим. авт.) вышел из бассейна. 18.24 «111» - ушла с пляжа. 18.30 «111» - в бассейне. 19.04 «111» - вышла из бассейна...»

Говорят, всё это делалось во имя безопасности президента. Но какое

отношение к безопасности имеет фиксация того, во сколько вышла и зашла в бассейн Раиса Максимовна, во сколько зять Горбачёва пришёл в кинозал, расположенный на территории дачи, окружённой тройным кольцом охраны?

Крючков утверждает, что прослушивание телефонов окружения президента - исключение из правил и предпринималось только в связи с конкретными оперативными делами. «К примеру, - заявил он на допросе 26 декабря 1991 года, - по Александру Яковлеву в КГБ поступала оперативная информация о его недопустимых, с точки зрения безопасности государства, контактах с представителями одной из западных стран. Поскольку информация казалась достаточно серьёзной, я доложил об этом президенту СССР и просил разрешения начать необходимую в таких случаях проверку. Но М. С. Горбачёв на такую проверку разрешения не дал. Запрет президента мною не был нарушен».

Но откуда в таком случае в архиве КГБ оказались стенограммы телефонных разговоров Александра Яковлева? Причём, не имеющих никакого отношения к контактам «с представителями одной из западных стран»?

«Весной 1991 года, - продолжил Крючков на том же допросе тему подслушивания, - в Комитет государственной безопасности поступили сигналы о том, что руководитель пресс-службы президента Игнатенко берёт взятки за организацию для иностранных журналистов интервью с М. С. Горбачёвым. Источниками этих сигналов были оперативные сведения, полученные об одном из иностранных корреспондентов. Речь шла (пишу по памяти) о трёх случаях взяток - 10 тысяч долларов, 30 тысяч долларов и 20 тысяч долларов - всего на сумму 60 тысяч долларов. Сведения о взятках не могли вызывать сомнения, потому что были получены в результате технического контроля.

Я, разумеется, доложил М.С. Горбачёву. Горбачёв попросил обдумать его, Игнатенко, перемещение с должности и поручил мне с Болдиным проработать вопрос. Через несколько дней в ходе технического мероприятия выявляется ещё один факт. К Игнатенко обратился один западногерманский журналист и в благодарность за интервью М.С. Горбачёва пообещал передать ему, Игнатенко, 45 тысяч западногерманских марок. Но Игнатенко вдруг отказался, гордо заявив, что это - его работа. В КГБ сложилось мнение, что Игнатенко был кем-то предупреждён и взятку в связи с этим не принял.

Хочу отметить, что в курсе этого дела был руководитель аппарата президента Болдин В.И. Во-первых, М.С. Горбачёв дал поручение Болдину подыскать для Игнатенко другое место работы. Эта тема, кстати, была предметом нашего разговора с Болдиным...»

Здесь, как и в случае с Александром Яковлевым, почти после каждого слова можно ставить знак вопроса. Если информация об Игнатенко была получена в результате «оперативных сведений», значит, он находился «под колпаком» ещё до получения информации о взяточничестве? Раз эта

информация была подтверждена материалами «технического контроля», то, где в таком случае санкция на прослушивание телефона Игнатенко? А если шпионили не за ним, значит, - за иностранными журналистами?

Крючкову всюду мерещились «агенты влияния», он всё время ссылался на какие-то только ему одному известные источники информации о том, что Запад вынашивает идею «сокращения» населения СССР, что «демократы» намечают резню коммунистов, чьи квартиры, якобы, уже помечаются «крестиками», и прочее, прочее...

«В КГБ вообще большие параноики. Воображают порой нечто невероятное», - считает бывший советский разведчик Олег Гордиевский. Конечно, можно объяснить поведение Крючкова паранойей, необузданной страстью заглядывать в замочные скважины, плести интриги и т. д. Однако дело вовсе не в личностных качествах Крючкова. КГБ мог рассчитывать на сохранение своего могущества только в атмосфере всеобщего и постоянного страха перед внутренними и внешними врагами. Вот где истоки шпиономании и неиссякаемых разглагольствований о коварном Западе, который не спит, не ест, а только думает, как бы навсегда покончить с «этими русскими».

Стремясь доказать стране и президенту, что причина перебоев с горючим, топливом, продуктами питания заключается в кознях «антисоциалистических» и «деструктивных» элементов, Крючков во всех областных и районных центрах страны при Управлениях КГБ создал штабы по борьбе с экономическим саботажем. Профессиональные разведчики, проклиная своего шефа, пересчитывали водку, нательное бельё в подсобках магазинов. Добыча была мизерной. Когда на Дальнем Востоке, в самом рыбном краю страны, чекистам удалось найти 500 припрятанных банок паюсной икры - это было разрекламировано как выдающееся достижение на ниве борьбы с коррупцией и саботажем. Гора родила мышь...

Истинная причина аритмии народного хозяйства заключалась в том, что страна тратила время на бесплодные идеологические споры, митингуя на краю пропасти, вместо того, чтобы сосредоточиться на создании новой эффективной экономики. Но правда не интересовала Крючкова. Правда иссушала источник его всевластия...

Демонстрируя показную готовность содействовать курсу реформ, Крючков за спиной президента сколачивал группу единомышленников, тоскующих по старым временам и мечтающих, как он, положить конец кошмару горбачёвского апреля.

По мере приближения к развязке конфронтация становилась всё более жёсткой и явной.

- Самая серьёзная стычка проходила накануне Октябрьских праздников 1990 года, - вспоминает работавший тогда министром внутренних дел СССР Вадим Бакатин. - Движение «Демократическая Россия» намеревалось провести альтернативную демонстрацию с требованием снять тормоза с начатых преобразований, в поддержку

программы «500» дней и т. д. Вопрос о том, разрешать ли демонстрацию, обсуждался с участием Горбачёва. Я сказал, что запрещать мы не имеем права. Активно против меня выступал Крючков, Он потребовал «показать, наконец, силу»...

17 июня 1991 года на сессии Верховного Совета, выступая в поддержку просьбы премьер-министра СССР Валентина Павлова о чрезвычайных полномочиях, Крючков сообщил депутатам, что стране грозит катастрофа, как всегда, усмотрев её не в крахе социально-экономической системы, а в том, что в сферу управления экономикой и политикой страны проникли «агенты влияния», разваливающие по заданию западных спецслужб народное хозяйство СССР. В доказательство Крючков зачитал письмо своего учителя Юрия Андропова, написанное им ещё во времена холодной войны - 24 января 1977 года.

Из письма в ЦК КПСС председателя КГБ СССР Ю. Андропова «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан»:

«...По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи...

Но парламент не стал организовывать охоту на «агентов влияния». Не проявила былой революционной бдительности и страна. По данным социологического опроса, лишь 20 процентов граждан поверили, что ЦРУ внедрило в высшие эшелоны власти советского руководства своих агентов.

Крючкову ничего не оставалось, как «поговорить» с парламентом и страной в условиях ЧП. И без президента...

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса В. Крючкова от 17 декабря 1991 г.:

- ...Хочу вернуться к одному аспекту предъявленного мне обвинения. Не признавая себя виновным, вместе с тем не отрицаю, что мною вместе с другими членами ГКЧП были допущены правовые нарушения. В частности, был создан не предусмотренный Конституцией СССР ГКЧП. Президент СССР был лишён связи, вице-президент Янаев приступил временно к исполнению обязанностей президента без достаточных оснований. В рамках всего этого я как председатель КГБ СССР совершил ряд действий, которые превышали мои полномочия.

В тяжёлое для страны время у группы лиц созрело решение выступить с тем, чтобы изменить положение дел, изменить неблагоприятное, тяжёлое - кризисное развитие обстановки. Среда этих лиц оказался руководитель КГБ СССР. Дело здесь не в том, что председатель КГБ пошёл на это из-за того, что разделял с ними их озабоченность или был с ними в близких личных отношениях. Со всеми участниками отношения у меня были обычными служебными. Некоторых я знал мало, например, Тизякова. Со Стародубцевым вообще не был знаком - впервые лично встретился с ним на заседании ГКЧП. Конечно, кое-какие договорённости играли свою роль. Однако главное - в другом аспекте, который мне особенно хотелось бы отметить.

Благодаря своему служебному положению я располагал широкой информацией об обстановке в стране, анализом перспектив её развития. Информация поступала от наших отечественных источников, было немало важных, достаточно глубоких аналитических материалов, которые направлялись в КГБ советскими научно-исследовательскими институтами. Поступали представляющие большой интерес зарубежные материалы. Ценность последних в том, что готовились они не для нас, а сугубо для внутреннего потребления тех или иных стран. Да многое было просто на виду, люди стали негативное ощущать на себе...

Поступала также информация о том, что после распада Союза начнётся массированное давление извне на отдельные территории совсем недавно единого Союза для установления на них иностранного влияния с далеко идущими целями.

Поступали сведения о глубоко настораживающих задумках в отношении нашей страны. Так, по некоторым из них, население Советского Союза якобы чрезмерно велико, и его следовало бы разными путями сократить. Речь не шла о каких-то нецивилизованных методах. Даже производились соответствующие расчёты. По этим расчётам, население нашей страны было бы целесообразно сократить до 150-160 млн. человек. Определялся срок - в течение 25-30 лет. Территория нашей страны, её недра и другие богатства в рамках общечеловеческих ценностей должны стать достоянием определённых частей мира. То есть, мы должны как бы поделиться этими общечеловеческими ценностями.

Докладывалось ли всё это высшему руководству страны? Регулярно!

Конечно, всё это невероятно сложные вопросы. Развитие может пойти и в более благоприятном направлении, но вполне допустимо в ином - негативном.

Тем более, когда дело касается судьбы всей страны. К сожалению, несмотря на жизненно важное значение этих проблем адекватных ответов и реакции, соответствующих выводов не следовало...

Всё шло, казалось, словно рок судьбы, вниз, в пропасть. А на каких-то рубежах надо и можно было остановиться в катастрофически ухудшающемся положении. Пойти к людям со всей правдой и начать выправлять положение, и в то же время уверенно двигаясь, но вперёд. Всё это давило на меня тяжёлым грузом, висело тяжким бременем, угнетало. В разговорах с самыми различными людьми было видно, что и у них присутствует такое же настроение. Все понимали, куда мы идём, какая трагедия ждёт наше государство. Я как председатель КГБ не скрывал наших оценок ситуации и перспектив, прямо говорил об этом в своём выступлении, например, на сессии Верховного Совета СССР в 1991 году.

Хочу дать показания-пояснения и по поводу «прослушивания» телефонов «ряда руководителей страны, демократически настроенных депутатов».

15 или 16 августа я пригласил к себе Е. Калгина - бывшего начальника подразделения, которое осуществляет слуховой контроль. Он был в отпуске. Я попросил его (это равносильно указанию) продумать вопрос о телефонном контроле следующих лиц: Ельцина, Бурбулиса, Хасбулатова, Силаева. Калгину я пояснил, что контроль за отдельными руководителями России нужен для того, чтобы знать об их передвижении. Каких-либо сводок, справок о содержании разговоров я не поручал. Были взяты также на контроль телефоны Янаева и Лукьянова 19-20 августа. Цель фиксирования - возможные угрозы, запугивания, шантаж, провокация, и тут важно знать, от кого исходит это. Мы об этом даже договаривались - Янаев, например, знал об этом. Мы с ним условились 18 августа. По-моему, я предупреждал об этом и Лукьянова...

Портрет спикера, который никогда не «раскрывался»

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

Лукьянов Анатолий Иванович. 1930 года рождения. Русский. Уроженец г. Смоленска. По образованию юрист. Закончил в 1953 году юридический факультет Московского государственного университета. Доктор наук.

Много лет отдал работе в аппарате Президиума Верховного Совета СССР. Занимаемые должности - старший консультант, референт,

заместитель заведующего отдела по вопросам работы Советов, начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

С 1976 по 1988 год с коротким перерывом работал в ЦК КПСС. Прошёл путь от заместителя заведующего отделом до секретаря ЦК КПСС, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС.

В 1988 году стал первым заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1990 года председатель Верховного Совета СССР. Член КПСС с 1955 года.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, а также многими медалями.

В марте 1991 года председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов направил Горбачёву анализ прессы, подготовленный специалистами Московской высшей партийной школы в области социологии, политологии и журналистики, с такой припиской: «Михаил Сергеевич! На мой взгляд, это очень полезный, проницательный анализ «демократической» прессы сегодняшнего дня. И выводы, необходимые для реализации».

Выводы в аналитической записке были таковы: «Широкие возможности для манипулирования общественным мнением, для воздействия на аудиторию «демократическая» пресса получает прежде всего из-за того, что не только у коммунистов, но даже у обществоведов нет ясности во многих теоретических вопросах... ЦК КПСС необходимо срочно думать, как поправить дело...»

Скажи, что Лукьянов придерживается столь ортодоксальных взглядов, многие бы в это не поверили. Чтобы Лукьянов, всячески подчёркивающий своё доброе отношение к демократическому движению, презрительно закавычивал бы слово «демократия»?! Чтобы спикер, радеющий за плюрализм мнений и гласность, подталкивал президента начать крестовый поход против прессы?!

Лукьянов предпочитал никогда не «раскрываться». Выход в свет первой книги лирических стихов Лукьянова стал сенсацией. Никто и не подозревал, что Лукьянов, которого все считали «сухарём», грешит стишками. А многие так и не узнали об этом, так как на обложке книги значился литературный псевдоним Лукьянова - Осенев.

Будучи главой Верховного Совета СССР, он со вкусом играл роль третейского судьи, держался со всеми подчёркнуто одинаково. Какими бы жаркими ни были дискуссии, сохранял хладнокровие, никто не помнит, чтобы он хоть раз сорвался, на кого-либо повысил голос. Всем своим видом он как бы показывал: вы все - мои дети, и я вас всех независимо от взглядов и убеждений одинаково люблю.

На посту спикера, благодаря своему беспристрастию, умению уважительно относиться к мнению депутатов, к какому бы лагерю те ни принадлежали, он снискал уважение парламента и съезда.

Однако беспристрастные наблюдатели всё чаще указывали на то, что «нейтральный» Лукьянов отнюдь не нейтрален, что его политические симпатии отданы фракции «Союз», созданной политиканами реакционного толка. Вот отрывок из интервью лидера «Союза» А. Чехова еженедельнику «Мегаполис-экспресс» в номере за 9 февраля 1991 года, по которому можно составить представление о взглядах «союзников»:

- ...Я давно уже говорю - у нас президента нет. Я сомневаюсь, что Горбачёв способен на что-либо решиться... Павлову, например, я верю больше. Он может, как говорится, держать удары, атаковать, пойти на решительные меры.

«М.Э.»: - Сегодня на пресс-конференции премьер-министр, кстати, сочувственно отозвался о вашем требовании насчёт чрезвычайного положения.

- Так он же понимает, без чрезвычайных мер его антикризисная программа не пройдёт. А президент... Некоторые всё продолжают твердить: альтернативы Горбачёву нет. Извините, мне, скажем, больше нравится Янаев. Это человек решительный, человек ответственный, сказал - сделает. Такие люди и нужны сегодня на вершине власти.

«М.Э.»: - Ваша группа решила созвать внеочередной съезд народных депутатов СССР. Не секрет, что на съезде будет сделана попытка сместить Горбачёва. Есть подозрения, не затевает ли «Союз» эту игру с подачи самого президента, чтобы припугнуть его оппонентов из демократического лагеря? Ведь всякий раз, когда на него нападаете вы, демократы тут же отпускают ему все грехи и берут под своё крыло.

- Нет, мы никого не пугаем, но если отставки Горбачёва потребуем мы, то после него придёт человек, более решительный, который многим нашим уважаемым демократам в кавычках устроит нелёгкую жизнь. Они этого боятся, и серьёзно боятся, а если отставки Горбачёва добьются «демократы», то придёт человек, который развалит всё окончательно. Этого боимся мы...

...«Раскрылся» Лукьянов, уже находясь в «Матросской тишине». Отвечая на вопросы, заданные ему газетой «Мы», он сказал: «...Для меня мой арест не был неожиданностью. Задолго до августовского кризиса определённые силы видели во мне одно из препятствий для желанного им изменения позиции парламента в отношении судьбы Советской Федерации и ряда других вопросов. Сам президент на встрече в редакции газеты «Известия» заявил, что моё участие в 5 съезде народных депутатов СССР могло серьёзно помешать тому, что произошло. Как известно, тогда в обстановке неприкрытого давления съезд, являющийся узловой структурой союзного государства, перестал существовать. Оставаясь последовательным сторонником единства Союза суверенных республик, я, конечно, всеми силами бы сопротивлялся роспуску съезда...»

Наконец-то Лукьянов признался в том, что ещё «задолго до августовского кризиса» у него были значительные расхождения с

президентом. Ранее об этом он никогда не говорил. И не позволял это говорить другим. «В последний год Лукьянов не раз возмущался, что пресса пытается противопоставить его Горбачёву, утверждая, что между ними существуют разногласия, - вспоминает помощник Лукьянова В. Иванов. - Анатолий Иванович сначала реагировал на каждое такое утверждение, отправляя опровержения в газеты, но затем решил не обращать на них внимание...»

14 ноября 1990 года после каникул в парламенте вспыхнул «бунт». Еле сдерживая эмоции, члены Верховного Совета СССР требовали немедленно рассмотреть один единственный, но самый важный, не включённый в повестку вопрос - о положении в стране. Парламентарии настаивали, чтобы на сессию прибыл президент и отчитался перед ними. Горбачёву пришлось пойти им навстречу. Первый доклад парламентарии встретили холодно. Они требовали от Горбачёва представить конкретную программу вывода страны из полосы кризиса. Через два дня Горбачёв вновь поднялся на трибуну. На этот раз парламентарии остались довольны президентом, который, откликаясь на их требование, предложил план реорганизации исполнительной власти и сделал акцент на том, что «необходимо навести порядок».

Ведущие политобозреватели расценили «парламентские волнения» как демонстрацию мускулов: «друг и единомышленник Горбачёва» дал понять любимому «Союзу» и силам, стоящим за ним, что он не намерен более покорно следовать за президентом, а самому президенту - что вырос из коротких штанишек.

Но игра есть игра. Как и прежде, Лукьянов не принимал никаких решений без совета с Горбачёвым, считая нужным обсуждать даже вопрос о введении дополнительных ставок в аппарате Верховного Совета СССР. Отправляясь в выходной день в примыкающую к Москве Калужскую область, он отпрашивался у Михаила Сергеевича: «Вы не будете возражать? Ну, тогда я поеду...»

Но прошло чуть более месяца, и разразился новый конфликт. В декабре на съезде народных депутатов представитель группы «Союз» Сажи Умалатова потребовала отставки Горбачёва. Хотя Умалатова объяснила своё появление на трибуне исключительно личной инициативой, никто в это не поверил. Выступивший по Ленинградскому телевидению народный депутат, министр печати РСФСР М. Полторанин прямо заявил, что ультиматум Сажи Умалатовой инсценирован Анатолием Лукьяновым. Лукьянов с трибуны съезда отверг это обвинение: «Считаю просто предосудительным даже намёк на какое-то бы ни было инсценированное мною выступление против президента...». По его требованию дело было передано в комиссию по этике и там благополучно похоронено.

«На съезде, - вспоминает Горбачёв, - в очередной раз стал дискутироваться вопрос о президенте, о включении его отчёта в повестку дня. Лукьянов так маневрировал с постановкой этого вопроса, чтобы разгорячить народ. Я же видел, я же рядом сижу. Я говорю: «Что же ты

делаешь и с какой целью?» Всё муть, муть какая-то, чтобы раскалить, накалить. Всё это была продуманная акция - поднажать на президента...»

Очевидно, что Лукьянов тщательно продумал свой «отход». Рейтинг Горбачёва падал. У президента не было будущего. Горбачёв уже не устраивал никого - ни левых, ни правых. Кто мог его заменить? Оглядывая президентское окружение, Лукьянов не мог не видеть, что имеет наибольшее количество шансов. Янаев годился лишь на промежуточную роль: съезд никогда бы не согласился с его кандидатурой. А Лукьянову была обеспечена мощная поддержка группы «Союз». «Левых» же мог привлечь его имидж трезвого, выдержанного политика. Недаром Лукьянов тратил на его создание столько времени и сил.

Эксперты парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств государственного заговора Г. Белоусов и В. Лебедев обратили внимание следствия на то, что во время выборов президента России кандидатура Анатолия Лукьянова рассматривалась в РКП как противовес Борису Ельцину. В обнаруженной экспертами записке «О некоторых аспектах тактики предстоящей предвыборной кампании на пост Президента Российской Федерации» предлагалось «распылить силы пропагандистской машины противника» с помощью 10-12 кандидатов от РКП, «ни один из которых не должен и не может рассчитывать на победу», организовать «мощное и хорошо скоординированное наступление на позиции Ельцина», «не допустить его всенародного избрания», для чего ввести в борьбу во втором туре «нового, альтернативного Б, Ельцину и ведущему кандидату РКП, деятеля - например, А. Лукьянова...»

Курс Горбачёва на подписание Союзного договора перечёркивал политические перспективы Лукьянова. Будучи опытнейшим аналитиком, он конечно же понимал, что подписание Союзного договора рано или поздно приведёт к роспуску Верховного Совета СССР.

За месяц до августовских событий - на июльском пленуме ЦК КПСС - Лукьянов сказал: «Мы подошли к водоразделу, когда каждый из нас, каждый коммунист должен определить свою позицию. Сделать это обязывает время, глубокий кризис, охвативший всё общество, падение доверия к органам власти, нарастание антикоммунистической истерии, ставшей в ряде мест легальной политикой государственного руководства. Что означал бы сейчас немедленный и противоправный роспуск съезда и Верховного Совета СССР? Он означал бы одно: гибель единственных конституционных структур, где пока ещё представлены интересы 15 союзных республик и других национально-государственных образований, структур, которые олицетворяют общесоюзные интересы, ценность Союза, его международные обязательства... Уже в ближайшее время советские люди должны почувствовать, что партия не допустит развала Союза...»

Эти слова вызвали бурю аплодисментов.

В своём последнем официальном выступлении - 14 августа на сессии

Новгородского областного Совета народных депутатов - Лукьянов сказал: «Я получаю примерно 250-300 писем в день. Конечно, не все удаётся просмотреть, но в любом случае учёт ведётся тщательный. И меня очень настораживает то, что примерно в 50 процентах писем, посвящённых наведению порядка в стране, говорится о наведении порядка любым путём, любыми средствами. Это от боли людской, это надо учитывать. Поэтому могу сказать, что самым жёстким образом выступаю за наведение порядка в стране демократическими, законными методами, но, если нужно, и суровыми методами. Другого пути нет...»

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса А. Лукьянова от 24 августа 1991 г. [5]:

Вопрос:

- Что Вам известно о событиях, которые происходили в стране с 18 августа по сегодняшний день? Какова Ваша роль в этих событиях?

Ответ:

- Я начну с роли. Я должен сказать честно, что никаким организатором, а тем более идейным вдохновителем заговора, как пишет пресса, я не был и быть не мог. Меня не было здесь с 30 июля до 18 августа. Я находился сначала в командировке, а потом сразу же вылетел с разрешения Михаила Сергеевича в отпуск на Валдай.

...Мне дважды звонил В.С. Павлов и сказал, что надо обязательно приехать. Я настаивал приехать 19 августа, как мы и договаривались с Михаилом Сергеевичем по телефону. Он сказал, что самолёт полетел в Крым. Я решил, что речь идёт о самолёте, с которым Михаил Сергеевич прилетит в Москву. Надо собираться. Вертолёт уже стоит. Поэтому я достаточно быстро, раз так настаивает премьер-министр, вылетел. Перед отлётом я попросил, чтобы в Москве на работу подошли мой помощник В. Иванов и начальник секретариата Н. Рубцов. Мало ли какие могут быть вопросы. Когда я прилетел, они уже были на месте. Мы нашли документы по Союзному договору, который надо было заключать. Взял Конституцию, материалы по Союзному договору и пошёл к Павлову, это рядом, на втором этаже...

Вопрос:

- Когда и в каком часу Вы разговаривали с Горбачёвым?

Ответ:

- У меня записано: «13 августа длительный разговор с Горбачёвым о договоре, о позиции Ельцина по Совету Федерации, ситуации в стране. Мы договорились, что я раньше приеду, а он вечером, позднее. Он говорил, что неважно себя чувствует, что у него радикулит...

---

[5] 24 августа Анатолий Лукьянов был допрошен в качестве свидетеля. После ареста он отказался давать показания, протестуя тем самым против необоснованного, на его взгляд, обвинения.

Вопрос:

- Вы не покидали кабинет 19 августа? О вводе войск в Москву знали?

Ответ:

- Нет, о вводе войск я не знал. Мне никто ничего не докладывал.

Вопрос:

- Помощники Ваши выходили из Кремля? Видели, что он оцеплен войсками?

Ответ:

- Я Вам скажу, что войска в Москве есть, я всё же знал, но что ввод... Это было слышно, чисто на слух.

Вопрос:

- Как Пуго охарактеризовал ситуацию?

Ответ:

- Пуго охарактеризовал ситуацию, как в целом более или менее спокойную, что в Москве войска, пока нет столкновений, но, наверное, будут митинги.

Вопрос:

- То есть, что народ не согласен с вводом войск, Вам стало известно со слов Пуго?

Ответ:

- Не только, это совершенно стало ясно из разговоров с депутатами 19 августа... Говорят, Силаев утверждает, что я не так себя вёл. Но мы по всем вопросам договорились. Когда они ушли, то у меня появилась одна мысль - прорваться на радио.

Вопрос:

- А 19 августа у Вас такой мысли не было?

Ответ:

- ...У меня сохранилась часть бумажки.

Вопрос:

- Это тот текст, который Вы хотели огласить по радио?

Ответ:

- Да, он заканчивался так: «Если это не будет передано, пусть работники телевидения, радио передадут народу: «Верховный Совет будет делать всё, чтобы вызволить нашу Родину из беды.» Видите, она вся мятая, это я уже нашёл потом».

«Главное - отделить Яковлева и Шеварднадзе от Горбачёва...»

Горбачёв, безусловно, был обречён.

Трудно сказать, с какого момента. Скорее всего, с марта 1990 года, когда из Конституции СССР была исключена 6 статья «О руководящей и направляющей роли КПСС». Горбачёв верил, что КПСС сможет и в условиях многопартийности играть в обществе главенствующую роль и смог заразить этой верой партаппарат. Однако к 28 съезду КПСС (июль 1990 года) дым иллюзий для большинства рассеялся.

«Один мой хороший товарищ как-то рассказал мне характерную историю, - вспоминает в своей книге «Муки прочтения бытия» Александр Яковлев. - Перед 28 съездом КПСС в гостинице, где жили делегаты, собралась небольшая группа - человек пятнадцать влиятельных секретарей обкомов и крайкомов - и под выпивку, на «партийной основе», говорили о том, что главное для них - отделить Яковлева и Шеварднадзе от Горбачёва, а уж с самим Горбачёвым они как-нибудь справятся».

В кулуарах 28 съезда распространялась ксерокопия газеты «Русский голос», которая писала: «Нам нужен новый Гитлер, а не Горбачёв. Нужен срочно военный переворот. В Сибири у нас ещё много неосвоенных мест, ожидающих своих энтузиастов, проваливших дело перестройки».

28 съезд стал апогеем травли Александра Яковлева. Яковлеву пришлось попросить слово для повторного выступления. Обращаясь к съезду, он сказал: «Конечно, всё это оставляет рубцы на сердце, но я хотел бы сказать организаторам этой скоординированной кампании, тем, кто стоит за их спиной: укоротить мою жизнь вы можете, но заставить замолчать - никогда!» 28 съезд КПСС открыл дорогу в эмпиреи партийного руководства новичку - первому секретарю Красноярского крайкома КПСС Олегу Шенину. Он стал членом Политбюро ЦК КПСС. Валентин Павлов - членом ЦК КПСС В нарушение официально провозглашённого курса на многопартийность, съезд оставил в руководящем органе партии - ЦК КПСС министра обороны СССР Язова и председателя КГБ Крючкова.

Александр Яковлев был выведен из состава Политбюро и секретариата ЦК КПСС по «личной просьбе».

«Вокруг Ельцина нет ни одной светлой, прогрессивной головы...»

Нет никаких сомнений, что 28 съезд был не просто демонстрацией силы - в ходе его была избрана и опробована тактика сопротивления реформам Горбачёва.

От Горбачёва наряду с «умеренными реформаторами», типа Яковлева, Шеварднадзе, отсекались и «радикалы». Здесь ставка была сделана на раздувание взаимной неприязни Горбачёва и Ельцина,

вспыхнувшей на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС, с трибуны которого Ельцин обвинил Горбачёва и его окружение в создании вокруг генсека атмосферы подобострастия. Натравливая Горбачёва на Ельцина, реакция вбивала клин между Горбачёвым и радикальными реформаторами, тем самым расчищая себе дорогу к ключевым постам в партии и государстве.

КГБ монополизировал каналы информирования президента и располагал немалыми возможностями по части влияния на него. Информация, поступающая из КГБ, постоянно убеждала Горбачёва, что Ельцин и его окружение при любых обстоятельствах не пойдут с ним вместе, что Ельцин использует политические лозунги для прикрытия исключительно личных целей, которые заключаются в том, чтобы занять место Горбачёва.

Вот несколько типичных цитат из донесений КГБ, обнаруженных следствием. «Ельцин настойчиво подчёркивает, что главная задача сейчас - «свалить» правительство Рыжкова...». «Гдлян намеревается опубликовать текст докладной записки, направленной им и Ивановым в 1986 году на имя М.С. Горбачёва. Публикации этих материалов Гдлян придаёт очень важное значение, поскольку, по его мнению, в них «хорошо просматривается одна вещь: лжец Горбачёв вместе с членами своего политического кружка пойман за руку. Если хорошо преподнести, то этот материал просто сражает...». «По данным от источника в руководстве МИД РСФСР, Ельцин планирует активизировать свои усилия с целью использования событий в Прибалтике, прежде всего в Литве, для возможного отстранения М. С. Горбачёва от власти в СССР...»

Горбачёву внушалось, что Запад крайне отрицательно относится к Ельцину, что «обстановка в руководстве Российской федерации тяжёлая и противоречивая», что Ельцина там с трудом переносят, что «вокруг него нет ни одной ясной и прогрессивной головы», что он «тяжело болен» и вот-вот рухнет, скошенный если не болезнью, то своими же сподвижниками.

Навязывая Горбачёву искажённую, однобокую информацию, его подталкивали к действиям в «нужном» направлении.

27 марта 1991 года, в канун внеочередного съезда народных депутатов России, на котором фракция коммунистов собиралась сместить Ельцина с поста председателя Верховного Совета РСФСР, в Москву были введены войска. Поводом, как тогда это объяснили, послужило письмо на имя президента СССР, подписанное 29-ю депутатами, которые просили Горбачёва оградить съезд от морального террора манифестантов - сторонников Ельцина. Тогда вину за бряцанье оружием свалили на премьер-министра Валентина Павлова. Только узкий круг лиц знал, что в действительности ввод войск в Москву санкционировал Горбачёв. А Павлов был всего лишь исполнителем. Решение о вводе армейских подразделений президент принял под информационным нажимом Владимира Крючкова и Бориса Пуго, которые приводили «неопровержимые доказательства», что в день открытия съезда

манифестанты предпримут штурм Кремля.

Политические обозреватели отмечали огромный контраст между блестящими, уверенными действиями Горбачёва на международной арене и его крайне непоследовательными метаниями внутри страны в поисках выхода из затянувшегося кризиса. Перспектива мгновенного перехода к рыночным отношениям пугала его. Эти опасения Горбачёва умело подогревало окружение.

На рабочем столе президента множились докладные про то, что Запад, в том числе и США, оценивает программу «500 дней» как «нереалистичную» и «далёкую от жизни».

Чем дольше медлил Горбачёв, тем больше ухудшалась обстановка в стране. Топтание на месте для экономики, вынужденной жить по старым административным законам в условиях падения государственной дисциплины, неразберихи и неопределённости, было равносильно смерти. Переход к рынку в этих условиях становился всё более проблематичным и по-настоящему страшным.

«Сместить Горбачёва... Всё свалить на демократов...»

Вся эта политическая буффонада преследовала одну цель - ввести в стране режим чрезвычайного положения, чтобы повернуть события вспять. ЧП стало последней надеждой советско-партийной бюрократии, идеологией её выживания.

Горбачёв не отрицал возможность введения ЧП. Но на конституционной основе и исключительно в тех регионах, где в связи с этническими конфликтами проливалась кровь. Этой проблеме был посвящён ряд заседаний в конце 1990 и начале 1991 года. Он даже отдавал распоряжения готовить соответствующие документы. И всё же ЧП, несмотря на мощное давление, не вводил.

Документы свидетельствуют: Горбачёва задумывали сместить ещё на апрельском (1991 г.) пленуме. План смещения генсека, разработанный будущим членом ГКЧП Александром Тизяковым, и обнаруженный у него при обыске, вкратце выглядит так:

«... - Организовать телеграммы с требованием к ЦК КПСС наведения порядка в экономике».

- 3 телеграммах должны быть и политические требования. Политическая стабилизация через: приостановление деятельности Советов всех уровней и депутатов, наведение порядка в работе средств массовой информации, оградить советский народ от разгула преступности, разгула демократии...

- Образование ВКУ (Временный комитет управления - первоначальное название ГКЧП - Прим. авт.) с передачей ему всей полноты власти;

- освобождение от обязанностей генсека и избрание и.о.;

- ВКУ образует новое правительство СССР...

Организационные мероприятия:

- Надо, чтобы народ просил КПСС навести порядок в СССР и обращался к ней, как единственной политической силе, способной решить эту задачу! Из этой кампании надо извлечь, получить и огромный политический капитал. Это обеспечит восстановление авторитета КПСС - лучшего момента для восстановления былой славы с 1985 г. не было.

- Надо, чтобы на собраниях выдвигались главные требования: отставки генсека и наведения порядка с введением чрезвычайного положения.

- Надо сыграть на всех трудностях на рынке питания и потребительских товаров. Свалить это на «демократов», неквалифицированные Советы всех уровней с их шоу-программами.

- Выступления на пленуме подготовить тех, кого надо. И у микрофонов.

- Президиум избрать из 3-х человек. Председательствующий абсолютно надёжный человек и хорошо ориентирующийся.

- Прессу, кроме «Правды» и «Советской России», не пускать...»

Их остановило скорее всего, то что Горбачёв незадолго до пленума в очередной раз со своим окружением обсуждал возможность введения ЧП.

Когда же закрывая пленум ЦК КПСС, Горбачёв в своём заключительном слове вдруг заявил, что он никогда не поддержит тех, кто в ЧП «видит средство возврата к политической системе, существовавшей в доперестроечный период», стало ясно: президента надо убирать. Верить ему более было нельзя.

Пресса, политики предупреждали, что дни Михаила Горбачёва сочтены. Предупреждений было много, но им никто не верил. В том числе и сам Горбачёв.

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса министра иностранных дел СССР Александра Бессмертных от 6 ноября 1991 года:

- ...20 июня 1991 года мы закончили раунд переговоров с Бейкером в американской резиденции в Берлине. Я возвратился в своё посольство для встречи с министрами иностранных дел других стран, как это обычно у нас бывает.

Позвонил Бейкер и сказал, что он очень хотел бы со мной срочно встретиться. Меня это очень удивило, так как мы только что беседовали.

Я говорю: «Джим! В чём дело? Что произошло?»

Он мнётся: «У меня срочное дело. Очень хотелось бы встретиться».

Я сказал, что у меня запланирована встреча. Если нужно, пусть

подъезжает, поговорим.

Он: «У меня несколько деликатное дело. Я не хотел бы... Если я поеду, то вслед двинется огромное количество машин с охраной, в городе создастся большой шум... Подключится пресса». «Если можешь, - говорит, - я буду тебя ждать в гостинице, где я остановился, но желательно так, чтобы не было особого шума».

Я говорю: «Что?! Действительно очень срочно? У меня беседа!»

Он отвечает: «Я бы на Вашем месте в принципе отложил все дела и подъехал».

... Я попросил у совпосла машину, чтобы без сирены, охраны, мотоциклистов выехать из советского посольства.

Прибыл я довольно быстро. Со мной был начальник Управления США и Канады МИД СССР - Мамедов, на случай, если понадобится эксперт. Мы с ним зашли в кабинет. Но Бейкер сказал, что он бы предпочёл вести беседу один на один. И мы остались вдвоём.

Бейкер говорит: «Я только что, в промежутке между нашей беседой, получил из Вашингтона информацию. Я так понимаю, что она может быть построена на разведывательных источниках. Речь идёт о попытке смещения Горбачёва!»

Я, конечно, опешил и так на него смотрю внимательно. В руках у Бейкера листок бумаги.

«Это дело сугубо деликатное, - говорит, - и нам нужно как-то такую информацию передать. По нашим данным, в смещении будут участвовать Павлов, Язов, Крючков».

Бейкер ещё кого-то назвал, но троих он назвал точно.

«Вопрос, - говорит, - срочный. Его нужно довести до сведения Горбачёва».

Он спросил меня, есть ли прямая, совершенно защищённая связь с президентом.

Я ответил, что полностью защищённой нет, тем более, если речь идёт об этих персонах... Сказал, что очень сомневаюсь в достоверности того, что ему сообщили, что это, видимо, какое-то недоразумение.

«Нет! - говорит Бейкер. - Мало ли что? Всё же надо передать».

Я ему ответил, если за этим действительно что-то есть, то у меня просто нет защищённой связи, у нас в посольстве есть только связь «ВЧ», но она находится под контролем КГБ.

Тогда Бейкер предложил имеющуюся информацию передать, воспользовавшись американским посольством в Москве.

Я, в свою очередь, пообещал позвонить помощнику президента Черняеву, чтобы тот связался с посольством.

Бейкер говорит: «Тогда мы поручим послу Метлоку. Его уже

запрашивают. А Вы звоните Черняеву и попросите его быстро организовать встречу. Таким образом Горбачёв получит сведения. Это абсолютно надёжно, и никто ничего не перехватит».

...Я приехал из Берлина в Москву 22 июня. Было возложение венков на могилу Неизвестного солдата, где присутствовало всё руководство страны.

После церемонии Михаил Сергеевич пригласил меня к себе в кабинет и попросил рассказать о работе, проделанной в Берлине.

Когда мы зашли в кабинет, то я поинтересовался об информации, которую сообщил ему Метлок.

Михаил Сергеевич кратко сообщил, что ему информация известна. Он поблагодарил меня за то, что я ему всё рассказал, и также сказал, что с этими «деятелями» поговорил, круто поговорил.

Вопрос:

- Когда Бейкер говорил о готовящемся смещении Горбачёва, называлось ли при этом какое-то определённое время.

Ответ:

- Нет. Никаких обстоятельств не называл. Он сказал, что это может произойти в ближайшие дни, что-то в этом духе.

Уже теперь я понимаю, о чём шла речь. Когда я приехал 22 июня, всё было ясно. Всё это было связано с выступлением этих деятелей на закрытой сессии Верховного Совета...

«Опирайтесь на Крючкова!»

Всё указывало на то, что развязка близка.

20 июня Крючков направляет Болдину «Информацию о высказываниях представителя окружения президента». На конверте написано: «Вскрыть лично». А внутри приписка: «Валерий Иванович, прошу переговорить». Болдин должен был довести до Горбачёва донесение КГБ, преследующее цель внушить президенту, что главная его опора в конфликте с Павловым - Крючков.

15 августа решением Центральной Контрольной Комиссии из партии был исключён ближайший соратник Горбачёва Александр Яковлев.

16 августа Александр Яковлев в открытом письме к коммунистам «Об опасности реваншизма» заявил, что в стране создалась теневая структура власти, которая вот-вот выйдет из-под контроля народовластных структур. «Что касается президента, - писал он, - то очевидны попытки отвести ему роль заложника теневой структуры...»

Досье следствия. Документ без комментария

Информация КГБ СССР «О высказываниях представителя окружения М.С. Горбачёва от 20 июня 1991 года»:

По данным из окружения М.С. Горбачёва, в ближайшие 2-3 дня им должно быть принято решение, которое существенным образом повлияет на дальнейшее развитие событий в СССР, окончательный выбор основных направлений внутренней и внешней политики. Это связано с шагами, которые были предприняты в последнее время кабинетом министров и его председателем Павловым. М.С. Горбачёв расценил эти действия как попытку определённой группы людей, сконцентрированных вокруг Павлова, резко укрепить власть правительства в стране, не допускать радикальных реформ во внутренней политике и экономическом развитии, отодвинув тем самым М. С. Горбачёва на второй план, подорвав его личный авторитет в стране и за рубежом.

Особую озабоченность ближайшего окружения М.С. Горбачёва вызвал тот факт, что линия Павлова получила активную поддержку у Язова, Крючкова, а также частично Пуго (позиция последнего не однозначна). М. С Горбачёв также озабочен наметившейся линией Верховного Совета СССР на резкую критику позиций президента на его переговорах по созданию федеративного Союза. В частности, большинство в Верховном Совете резко возражает против линии Горбачёва на то, чтобы передать в ведение республик целый ряд важных функций, принадлежащих в настоящее время центральному правительству СССР, в первую очередь, его предварительного согласия на требования некоторых республик о фактическом роспуске министерства внешних экономических связей и передаче прав на внешнеторговую деятельность в ведение республиканских властей.

Ситуация для М. С. Горбачёва осложняется тем фактом, что в правительственных кругах США и стран Западной Европы также оценивают сегодняшнее положение в результате действий Павлова и его кабинета министров как реальное ослабление позиций президента СССР и снижение возможности для него влиять на дальнейшее развитие событий, определять выбор основных направлений внутренней и внешней политики СССР. В частности, в ближайшем окружении Дж. Буша полагают, что М. С. Горбачёв практически исчерпал свои возможности как лидер такой страны, как СССР. Вместе с тем, с учётом надвигающихся президентских выборов в США, для республиканской администрации было бы крайне нежелательным в данный момент отказываться от поддержки М. С. Горбачёва, оказываемой ему в течение длительного времени. Параллельно в администрации Буша и правительствах других западных стран пытаются определить возможную кандидатуру на замену Горбачёва, которая могла бы быть положительно оценена в политических и общественных кругах Запада. На данном этапе такая кандидатура пока не просматривается. Президент Буш и его ближайшее окружение категорически отказываются рассматривать в качестве возможной фигуры для замены Горбачёва Б. Н. Ельцина.

В окружении Буша полагают, что приход Ельцина к власти в СССР приведёт к «катастрофическому развитию событий и кардинальному пересмотру позиций США и ведущих западных стран по вопросу их политики в отношении СССР». Окружение Буша также считает крайне

неправильными действия Горбачёва по практической поддержке программы экономического развития СССР, подготовленной Явлинским вместе с американскими учёными. В администрации Буша считают, что этот план абсолютно нереалистичен. В первую очередь, он не учитывает «русских национальных особенностей, которые будут играть существенную роль при выполнении любой программы экономического развития в такой стране, как СССР». По существующему мнению в администрации Буша, лишь отдельные компоненты этого плана могут представить практический интерес и быть реализованы. В этой связи с настороженностью воспринимается линия М. С. Горбачёва на то, чтобы «сделать ставку на программу Явлинского и вести дело к тому, чтобы сделать его премьер-министром СССР».

В окружении Буша также расценили действия Лукьянова во время его визита в Лондон как первую серьёзную попытку начать возможную работу «по замене М. С. Горбачёва». Они считают, что Лукьянов во время переговоров в Лондоне пытался «показать себя Западу как возможный преемник Горбачёва».

С учётом указанных факторов, как считают в ближайшем окружении Горбачёва, у него сейчас существуют следующие варианты выхода из создавшегося положения. Первый из них - начать активную борьбу против Павлова и поддерживающих его Крючкова, Язова и др. С настоятельными рекомендациями действовать именно в этом направлении выступает А. Н. Яковлев. В ближайшем окружении М. С. Горбачёва также считают, что он не исключает для себя варианта повторения «действий Ельцина», то есть, выйти из КПСС как силы, которая препятствует «дальнейшему демократическому развитию СССР». После этого он должен будет, по логике вещей, пойти на союз с Ельциным и радикальными «демократическими» силами, поддерживающими его.

В настоящее время, по негласному указанию Горбачёва, через его пресс-секретариат начата работа по сбору компрометирующих данных на Павлова. В частности, ведётся анализ критических публикаций и высказываний ведущих западных политиков и экономистов.

Вместе с тем в ближайшем окружении М. С. Горбачёва считают, что он в последнее время практически лишился поддержки бывших ближайших соратников: Шеварднадзе предпринимает усилия по созданию оппозиционной КПСС партии и намерен её возглавить. Бакатин после президентских выборов в России не выполняет ни одного из указаний Горбачёва, абсолютно устранился от всяких дел в Совете безопасности, деятельность которого в значительной степени парализована. Такие соратники М. С. Горбачёва, как Черняев и Болдин, не способны серьёзным образом влиять на развитие событий и оказывать реальное содействие президенту.

В ближайшем окружении М. С. Горбачёва полагают, что наиболее логичным, разумным и приемлемым для дальнейшей судьбы СССР было бы повторение М. С. Горбачёвым варианта действий, связанных с обстановкой в своё время вокруг программы «500 дней», когда Горбачёв в

самый последний момент отверг эту программу и поддержал линию Рыжкова.

В этой связи в окружении Горбачёва отмечают, что было бы важно с учётом внутренних и внешних факторов «не загонять М. С. Горбачёва в угол, а попытаться найти компромиссное решение между ним и Павловым и поддерживающими премьер-министра группами и силами». В частности, по словам источника, было бы целесообразно создать ситуацию, когда М. С. Горбачёв пошёл бы на фактическое согласие с линией Павлова с одновременным предоставлением ему возможности публично «скорректировать некоторые элементы программы Павлова и его политической линии».

По словам источника, в ближайшем окружении М. С. Горбачёва считают, что наиболее влиятельной фигурой, которая могла бы согласовать с президентом такую тактику, является В. А. Крючков.

«У Горбачёва психическое расстройство»...

Подготовка к заговору уже шла полным ходом. Ожидалось, что церемония подписания Союзного договора должна состояться не раньше осени. Но президент, проявляя нетерпение, уговорил руководителей республик подписать договор уже 20 августа, заявив, что для этого случая даже прервёт отпуск.

Перед отлётом в Форос в последний день жаркого июля Горбачёв встретился в Ново-Огарёве с президентом Казахстана Назарбаевым и президентом России Ельциным.

Союз стоял на грани глобальной реформы. Горбачёва и других лидеров привело к ней осознание того, что причины затяжной стагнации, не обошедшей ни одну из республик Союза, - в полном кризисе имперской распределительной системы, недееспособности структур всесоюзной власти.

Новый Союз требовал новых подходов к управлению экономикой. Предстояло очистить центр от многочисленного нагромождения административных структур, значительно обновить высшие этажи власти. Показать народам республик, что подписание Союзного договора не просто формальность, а начало нового этапа в жизни страны.

Разговор шёл без посторонних, но президентов не покидало ощущение чьего-то незримого присутствия. Первым в этом признался Ельцин.

- У меня такое впечатление, что Крючков слышит каждое наше слово, - сказал он своим собеседникам.

Они пошутили по поводу того, что у Крючкова везде есть «уши», но сочтя, что КГБ вряд ли отважится прослушивать разговор трёх самых значительных политических фигур, продолжили беседу.

- То, о чём мы договорились, существенно меняло расстановку сил в

стране, - свидетельствует Борис Ельцин. - После подписания Договора место Валентина Павлова должен был занять руководитель одной из республик. Было достигнуто согласие о замене Язова, Крючкова. Но кого поставить вместо них, решили обсудить позже. Министерства в основном упразднялись. Речь шла о ликвидации 60-70 министерств!..

6 августа, на второй день после того, как Горбачёв улетел с семьёй в Форос, Крючков вызвал двух сотрудников КГБ Егорова и Жижина и приказал им составить стратегический прогноз последствий введения в стране ЧП. К работе над прогнозом от министерства обороны был привлечён командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачёв.

После двух дней работы в условиях особого комфорта и секретности на спецобъекте КГБ в деревне Машкино под Москвой эксперты пришли к выводу: объявлять ЧП нецелесообразно. Не наступил ещё тот критический момент, когда народ согласен на что угодно, лишь бы был наведён порядок.

- Но после подписания Союзного договора вводить ЧП уже будет поздно. - возразил экспертам Крючков.

- 14 августа Крючков снова вызвал нас, - свидетельствует Алексей Егоров. - Обстановка, сказал он, сложная. Горбачёв не в состоянии оценить её адекватно. У него психическое расстройство... Будет вводиться ЧП.

За день и ночь работы на том же объекте КГБ в деревне Машкино совместно с Павлом Грачёвым они набросали по заданию Крючкова перечень мер, которые следовало принять, чтобы обеспечить ЧП.

Материал, ставший основой Постановления ГКЧП № 1, утром 16 августа был на столе Крючкова.

Вскоре после этого, в 11.30, Олег Бакланов прибыл в КГБ к Крючкову.

Долгий, полуторачасовой, разговор между ними дал толчок заговору. Главные фигуры предстоящих событий пришли в движение.

В 14.00 Крючков отдал распоряжение своему заместителю Гению Агееву скомплектовать группу связистов для полёта в Форос, чтобы отключить у президента связь.

«К президенту с ультиматумом поедут...»

На следующий день, 17 августа, в 16 часов заговорщики встретились на секретном объекте Комитета госбезопасности «АБЦ», расположенном на тихой окраинной улице Москвы. Адрес был хорошо знаком. Сауна, плавательный бассейн, видеозал, кухня, холлы, номера, которые могли бы составить честь любому фешенебельному отелю, делали «АБЦ» одинаково удобным, как для отдыха, так и для работы. Здесь Крючков принимал гостей. На «АБЦ» попариться приезжали Язов, Шенин, Бакланов, Пуго... Высокие заборы, сверхбдительная охрана позволяли им здесь быть самими собой, спокойно обсуждать любые, даже самые деликатные темы.

И всё же решающий разговор Крючков вынес на открытый воздух. На небольшом круглом столе в беседке, расположенной неподалёку от основного здания, стояли бутылка водки и бутылка виски, лёгкая закуска. Язов, Шенин и Павлов предпочли водку, остальные - виски.

Разговор начался с ехидного сообщения Павлову, что его после 20-го уберут.

«Я хоть сейчас готов в отставку!» - в своей обычной лихой манере отпарировал тот и, уйдя от «личной» темы, стал высказывать озабоченность за судьбу Отечества. Положение, говорил премьер, катастрофическое. Страна стоит на пороге голода. Какая-то всеобщая вакханалия. Никто не хочет исполнять распоряжения. Одна надежда на ЧП.

- Я регулярно докладываю Горбачёву о тяжелейшем положении, - завёл свою любимую пластинку Крючков. - Но он реагирует неадекватно. Прерывает разговор, переводит его на другую тему. Не верит моей информации...

Завершил Крючков предложением создать комитет по чрезвычайному положению. К Горбачёву направить делегацию. Пусть передаёт власть комитету. Если откажется - оставить в Крыму. Объявить, что болен... Янаев вступит в обязанности президента. На сессии Верховного Совета СССР узаконить это...

Только начался обмен мнениями - кончилась водка. За ней и закуской послали Егорова. Когда он вернулся, в беседке уже обсуждали, кому лететь в Крым.

Шенин и Бакланов, как понял из разговора Егоров, уже дали на это согласие. Язов предложил направить к Горбачёву Валерия Болдина как человека наиболее близкого к президенту, пошутив при этом: «И ты, Брут?»

- Раз надо, я поеду, - отозвался Болдин.

Павлов стал настаивать на том, чтобы к Горбачёву поехали люди, представляющие реальную власть - армию и КГБ.

- Нам с Язовым нельзя, мы должны быть в Москве, - возразил Крючков.

От армии поначалу намеревались отправить начальника Генерального штаба Моисеева, но потом, посчитав, что он не сможет «повлиять» на Горбачёва, заменили его решительным и громогласным Валентином Варенниковым.

От КГБ Крючков откомандировал в Крым начальника Службы охраны Юрия Плеханова.

Язов предложил согласовать действия армии, КГБ и МВД.

- Участие МВД ещё не определено, - сообщил Крючков, - Пуго пока ни о чём не знает.

- А Янаев? Лукьянов? Бессмертных? - подал голос Павлов. - Надо и их

поставить в известность о нашем решении.

- Янаев тоже пока не в курсе, - сказал Шенин. - Но я с ним поговорю. Он согласится. А вот Лукьянов сильно колеблется, говорит, что Горбачёв запретил ему появляться в Москве до своего прилёта. Надо Лукьянова вызывать...

... В 18.15, когда обсуждение всех вопросов завершилось, Язов с военными отбыл с объекта «АБЦ». Остальные по предложению Крючкова остались на ужин.

В машине, по дороге домой, Язов посочувствовал Горбачёву: «Подписал бы Договор, а потом в отпуск отправлялся. И всё было бы хорошо...»

Захват власти

Ночной разговор в Кремле

То, что происходило в Кремле на закате солнца 18 августа 1991 года, напоминало всё ту же буффонаду.

Почти всё было готово к действу. Задерживался лишь Янаев. Наконец он вошёл в кабинет хмельной, прыгающей походкой. «Мы тут сидим, важные дела обсуждаем, а вице-президент где-то гуляет», - с театральной укоризной сказал Павлов, который сам задержался. И тоже был навеселе.

Крючков, увидев вошедшего следом за Янаевым Лукьянова, уступил ему своё место. Сам сел рядом.

Можно было начинать. Выдержав паузу, Крючков сообщил о том, что Горбачёв отказался принять предложение «группы товарищей», летавших в Крым, о передаче полномочий ГКЧП, и к этому добавил, что президент не может исполнять свои обязанности по состоянию здоровья. Он болен...

- Если болен, то должно быть медицинское заключение, - забеспокоился Лукьянов, - или заявление самого президента.

- Заключение врачей будет позже, - сказал Крючков. - А своими личными впечатлениями товарищи, когда вернутся, поделятся.

- Вычеркните меня из членов ГКЧП! - всё более заводился Лукьянов. - Я как представитель законодательной власти не могу быть в составе комитета...

Весь последующий час в центре внимания был Лукьянов. В полемике, завязавшейся между ним и собравшимися, не участвовал только Янаев. Он молчал, лишь изредка вставляя в разговор вслед за Павловым короткие односложные реплики: «Да что ты...». «Да брось ты...».

В 22.15 вернулась делегация из Крыма.

Из протокола допроса Дмитрия Язова:

- ... Зашли с шумом Шенин, Бакланов, Болдин, Плеханов и с ними начальник личной охраны президента Медведев. Все под хмельком. Расселись и стали по порядку рассказывать. Первым Шенин...

Следователь:

- Расскажите его словами, о чём он говорил.

Язов:

- Примерно час Горбачёв не принимал, потом они зашли сами в его рабочий кабинет. Горбачёв со всеми поздоровался. Увидев Плеханова, сказал: «А Вы с какой стати здесь?» и выставил его за дверь. Обрисовали ему обстановку в стране, что катимся в пропасть. И сказали, что неплохо бы Вам, Михаил Сергеевич, уйти в отставку или временно поболеть. Что-то в этом роде.

Следователь:

- Это Шенин говорил?

Язов:

- Да, Шенин. Бакланов повторил примерно то же самое.

Следователь:

- К чему, по их словам, свелось окончание разговора с президентом?

Язов:

- Он их выгнал, подписывать документы не стал. В общем мы, дескать, «засветились». И если сейчас расходимся ни с чем, то мы на плаху, а вы - чистенькие...

Все стали убеждать Янаева подписать Указ о вступлении в обязанности президента, который из своей папки извлёк Крючков.

- Неужели Вы не видите? - говорил Крючков. - Если не спасём урожай, наступит голод, через несколько месяцев народ выйдет на улицы, будет гражданская война.

Официанты КГБ внесли чай, кофе. Над столом клубился табачный дым. Янаев курил одну сигарету за другой.

Пробежав бегло текст, он сказал:

- Я этот Указ подписывать не буду.

Воцарилась мёртвая тишина.

- Считаю, что президент должен вернуться после того, как отдохнёт, поправится, придёт в себя, - продолжал Янаев. - Кроме того, я не чувствую себя ни морально, ни по квалификации готовым к выполнению этих обязанностей.

Трудно сказать, чем это было: минутой искреннего сомнения или тактической уловкой с прицелом в будущее - в случае чего никто не посмеет сказать, что он рвался в президенты.

Все загудели, стали успокаивать Янаева, что ГКЧП возьмёт все заботы на себя, а ему чуть ли не останется только подписывать Указы. Что касается Горбачёва, если он поправится, то, разумеется, вернётся к исполнению своих обязанностей.

Они, похоже, настолько «вошли в роль», что начали верить в то, что говорят. Что Горбачёв действительно болен. Что речь идёт исключительно о его «временной» отставке.

- Подписывайте, Геннадий Иванович, - мягко сказал Крючков.

Янаев потянулся за пером.

Под Указом появилась его нерешительная, выдающая дрожанье рук, подпись.

Цена этого робкого росчерка была огромной. Он зафиксировал захват власти.

Мосты были сожжены.

Язов, Пуго, Крючков, Павлов, Бакланов вслед за Янаевым взялись за перья. Подписывали документы - «Заявление Советского руководства», «Обращение к советскому народу», «Постановление ГКЧП № 1», внося в них по ходу обсуждения поправки.

Распахнулась дверь. На пороге стоял министр иностранных дел Александр Бессмертных. Его нашли на отдыхе в Белоруссии. Он приехал в чём был: в джинсах, куртке.

Часы показывали 23.25.

Крючков ввёл его в курс событий, сообщив, что министр включён в члены ГКЧП.

- Да вы что?! - взмолился Бессмертных. - Со мной ведь никто из зарубежных стран разговаривать после этого не будет! Это же неразумно!

Он достал синий фломастер и вычеркнул свою фамилию из списка ГКЧП.

Болдин сидел скрючившись. Его мучила больная печень.

Когда все документы были подписаны, Крючков предложил интернировать некоторых лидеров демократического движения, сказав, что составлен список, в котором более десятка человек.

- Тысячу надо! - зашумел Павлов.

... Около полуночи Плеханов вышел провожать Болдина в кремлёвскую больницу.

Вслед за Болдиным Кремль покинул Язов.

Когда он проезжал ворота, на часах Спасской башни было 0.16.

Наступило 19 августа 1991 года.

Досье следствия. Документ без комментария

Заявление Советского руководства

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым Михаилом Сергеевичем обязанностей президента СССР и переходом в соответствии со статьёй 127(7) Конституции СССР полномочий президента СССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу:

в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества;

исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик;

руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

1. В соответствии со статьёй 127(3) Конституции СССР и статьёй 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоёв населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР сроком на 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе: Бакланов О. Д. - первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В. А. - председатель КГБ СССР, Павлов В. С. - премьер-министр СССР, Пуго Б. К. - министр внутренних дел СССР, Стародубцев В. А. - председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А. И. - председатель Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д. Т. - министр обороны СССР, Янаев Г. И. - и.о. президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Г. Янаев В. Павлов О. Бакланов.

18 августа 1991 года.

Что делал Лукьянов ночью в Кремле? (Версия Анатолия Лукьянова)

Свои действия с 18 на 19 августа Лукьянов описывает так.

Отдыхал на Валдае. В 18.00 позвонил Павлов. Попросил срочно прибыть в Москву, сказав, что самолёт полетел в Крым. Решив, что речь идёт о самолёте, отправившемся в Форос за Горбачёвым, чтобы доставить его на подписание Союзного Договора, стал собираться в дорогу.

Позвонил в Москву, чтобы на работу, пока вертолёт в воздухе, прибыли помощник Иванов и начальник секретариата Верховного Совета СССР Рубцов.

По прибытии в Кремль взял Конституцию СССР и направился в кабинет Павлова, где узнал, что образован комитет по чрезвычайному положению. Обязанности президента в связи с болезнью Горбачёва временно возложены на Янаева.

«Что вы хотите?» - спросил Лукьянов. «Навести порядок в стране», - ответили они. Павлов сказал, если будет заключён Союзный договор, правительство перестанет существовать, его распустят. Лукьянов стал говорить, что и у него самого есть замечания к Договору, что он даже изложил их письменно в ответ на вопросы избирателей, которые возмущаются, что Договор не соответствует решению Верховного Совета. Но несогласие с Союзным договором и введение чрезвычайного положения, возмутился Лукьянов, это совершенно разные вещи.

Лукьянов сказал, что задуманное ими - это авантюра, что за ними никого нет, что их действия поставят страну на грань гражданской войны, вызовут возмущение республик, которые уже парафировали Договор.

Он потребовал, чтобы его немедленно связали с Горбачёвым. Крючков ответил, что связи нет.

Из протокола допроса Анатолия Лукьянова от 24 августа 1991 г.:

...Следователь:

- Как Вы реагировали на слова Крючкова, что с президентом нет связи?

Лукьянов:

- У меня был такой накал, что я не задавал никаких вопросов Крючкову. Я твёрдо ставил вопрос: «Что вы делаете!»». Где-то в это время приехали Болдин, Бакланов и, если мне память не изменяет, начальник личной охраны президента Медведев. Это меня больше всего насторожило. Что такое?

Прибывшие Бакланов и Шенин доложили, что Михаилу Сергеевичу было предложено уйти в отставку. Доложили, что Михаил Сергеевич возмутился..., отказался что-либо подписывать и заявил, что он может иметь дело только с Верховным Советом или съездом, если надо такие вопросы решать. Тут я вижу, что это самый настоящий заговор, о моём

участии в котором и речи быть не может. Шенин или Павлов, кто-то из них, сказал: «Но Вы можете дать записку по Договору?» Я ответил, что если она их интересует, то я пришлю, но больше меня здесь не будет.

Следователь:

- В каком часу Вы ушли и куда? Лукьянов:

- У меня записано: «В 23 часа 15 минут вернулся в кабинет...»

Ссылки Лукьянова на время с точностью до минуты объясняются его многолетней привычкой записывать каждый день, вести хронологический дневник своей жизни. Итальянский журналист Джельетто Кьеза назвал эту привычку «почти маниакальным увлечением регистрировать события, которое выходит за обычные рамки понятной для советского партдеятеля необходимости всегда иметь под рукой доказательства своей деятельности, контактов, краткого содержания бесед».

Утром 19 августа Лукьянов в своём дневнике сделал такую запись: «6.00. По радио передавали документы о чрезвычайном положении и почему-то моё Заявление».

ГКЧП «прикрылся» Заявлением, которое он передал ночью через своего помощника заседавшим в кабинете Павлова! Да оно никакого отношения не имеет к ГКЧП! Заявление, переданное по радио, было датировано 18 августа, хотя в действительности оно было написано в отпуске 16 августа на Валдае. И под ним такая дата и стояла! Они не только предали огласке его Заявление, но и ввели общественность в заблуждение, что он его написал ночью, оправдывая действия ГКЧП. Да такое Заявление написать за час или полчаса невозможно! Он работал над ним на Валдае два дня, а может, и больше!

Ночью он только внёс две коррективы в документ. Поменял прежнее название «Ответ на вопросы» на «Заявление» и уточнил время публикации проекта Союзного договора, поскольку это произошло не день назад, как было написано им 16 августа, а три.

Реакция Лукьянова была мгновенной: он поручил своему помощнику немедленно позвонить в ТАСС, чтобы в завтрашних газетах его Заявление было опубликовано с подлинной датой, а сам начал борьбу с ГКЧП.

Все эти страшные дни Лукьянов убеждал заговорщиков вывести войска из Москвы, предупреждал о недопустимости применения насилия, требовал связи с М. С. Горбачёвым, саботировал заседания ГКЧП.

Из протокола допроса А. Лукьянова от 24 августа 1991 г.:

- ...19 августа в 10.20 ко мне пришли председатели Верховных Советов 13 автономных республик, которые приехали на подписание Союзного договора и не знали, что делать. Ельцин не принимал. Они пришли сюда. Как быть? У меня в дневнике записано: «...Нет никакой необходимости вам вводить ЧП, укрепляйте власть Советов на местах. Укрепляйте правопорядок и дисциплину на производстве, ведите уборку».

...И вот в 11.35 добираюсь до Болдина и говорю: «Указ совершенно

незаконен, мне нужна связь любым путём».

Следователь:

- А Вы не предпринимали попыток выйти на Михаила Сергеевича через Украину, чтобы они послали к нему человека?

Лукьянов:

- ...Когда я сказал, что мы выйдем, Крючков только засмеялся и говорит: «Туда не пройдёт никто».

...20 августа у меня была полуторачасовая беседа с Руцким, Силаевым, Хасбулатовым. Мы договорились по целому ряду вопросов. После этого Ельцин подписывает Указ, в котором чёрным по белому написано, что «переговоры с председателем Верховного Совета СССР Лукьяновым, по существу размежевавшимся с так называемым ГКЧП, подтверждают антиконституционность образования и действия этого комитета».

21 августа я после разговора с Руцким почувствовал, что надо брать всю власть. Хватит! Плевать на всё это!

Звонок утром Язову: «Созвать коллегию и вывести войска!»... Я лечу вечером к Михаилу Сергеевичу! Всё! Никакие депутаты ничего не поддержат»...

Следователь:

- Во сколько Вы были у Язова?

Лукьянов:

- У меня написано в 11.30. Говорю: «Самолёт немедленно!» Они говорят: «Нет самолёта». Там были Язов, Крючков, Бакланов и Тизяков. Шенин, по-моему, при мне сразу ушёл. Не помню. У меня в этот момент были застланы глаза, и я требовал одного: «Самолёт!»...

Помощник Лукьянова Владимир Иванов и начальник секретариата Верховного Совета СССР Рубцов на допросе подтвердили, что Лукьянов в ночь с 18 на 19 августа Заявления не писал. Оно лежало у него готовым в бумагах и было датировано 16 августа. Выходит, ГКЧП действительно передёрнул факты. Использовал Заявление Лукьянова для своего прикрытия, жертвуя его честным именем во имя заговора. Но всё оказалось не так просто...

Что делал Лукьянов ночью в Кремле! (Версия следствия)

Итак, Лукьянов знал, что президент ничем не болен, кроме радикулита, который не может мешать ему исполнять обязанности главы государства. Знал, что тот изолирован в Форосе. И сам, как опытный юрист, квалифицировал действия тех, кто собрался 18 августа в кабинете Павлова, как заговор. Зачем же в таком случае он отсылает своё Заявление тем, кто, по его мнению, нарушает Закон? Чтобы убедить их

отказаться от задуманного? Но Заявление, напротив, служило моральным оправданием действий Янаева и ГКЧП.

Лукьянов в своём дневнике, утверждает, что появление в радиоэфире его Заявления, было для него полной неожиданностью. Но с какой целью тогда Лукьянов вносил поправки в него? Для чтения в тесном кругу ГКЧП?

Почему Лукьянов на рассвете 19 августа, узнав, что Заявление было использовано ГКЧП для «прикрытия», не отозвал его, а лишь исправил в нём дату? Почему позволил, чтобы на следующий день, 20 августа, его опубликовали все без исключения не запрещённые ГКЧП газеты?

Почему, написав Заявление 16 августа, Лукьянов, не передал его тогда же прессе? Собирался опубликовать после подписания Союзного договора? Но оно в этом случае уже теряло всякий смысл.

И как мог Лукьянов работать над Заявлением 16 августа, если в этот день он отдыхал, причём интенсивно? С утра совершил лодочную прогулку в соседний Дом отдыха, после обеда был на рыбалке.

- Я приехал на место рыбалки в пятом часу, - вспоминает директор Валдайского рыбзавода П. Лымарь, - Лукьянов плавал в лодке по озеру. Рядом была ещё одна лодка, в которой сидели сотрудники КГБ - видимо, для охраны председателя Верховного Совета СССР... Я с собой захватил несколько рыбин, карпов, которых тут же минут за 20-30 закоптил. Около семи вечера они причалили к берегу. Я разложил копчёных карпов на капоте «Волги»... Лукьянов сказал, что «рыба просто так не естся», и кто-то достал бутылку водки. Эту бутылку мы выпили практически вдвоём - я и Лукьянов...

В резиденцию Лукьянов вернулся после 20 часов. В 21.00 отправился на ужин...

Всё прояснил неожиданный звонок в Прокуратуру России начальника секретариата Верховного Совета СССР Николая Рубцова на следующий день после его допроса. Он сказал, что хочет сделать важное заявление.

Из заявления Н. Рубцова от 25 сентября 1991 г.:

- ... Вчера на допросе я дал неверные показания. Я полностью подтверждаю их до того момента, когда Лукьянов пришёл к себе в кабинет после совещания у Павлова. Дальше события развивались так. Анатолий Иванович сел за стол, сказав, что он должен сейчас написать один документ. Анатолий Иванович взял чистые листы бумаги и стал писать, надиктовывая себе вслух текст Заявления по Союзному договору, которое на следующий день появилось в средствах массовой информации вместе с документами ГКЧП... По ходу работы он вносил в текст те или иные поправки. Писал он быстро, весь процесс написания занял примерно минут пятнадцать. По ходу работы Лукьянов к нам с Ивановым не обращался, я один раз подсказал ему - Анатолий Иванович неправильно употребил название референдума...

Что касается причин, по которым я дал неверные показания, то они заключаются в том, что Анатолий Иванович примерно 23-24 августа

обратился ко мне с личной просьбой, сказав наедине, что могут быть разные разговоры по поводу написания им текста Заявления и попросил меня сказать, что я здесь ни при чём и что ничего не знаю. Я так и поступил. Но вчера я провёл бессонную ночь и решил, что не могу кривить душой...

Сегодня утром я позвонил помощнику Лукьянова Иванову и сказал, что намерен рассказать всё, как было на самом деле. Я не уточнял, о чём идёт речь, так как Иванов и сам понял, о чём разговор. Он спросил, как он, Иванов, в этом случае будет выглядеть. На это я ответил, чтобы он подумал, а я решил поступить таким образом...

Из заявления помощника Председателя Верховного Совета СССР Владимира Иванова:

- ... Сегодня, 25 сентября я сам, по собственной инициативе, обратился в Прокуратуру РСФСР с тем, чтобы рассказать о действительных обстоятельствах написания Лукьяновым А. И. Заявления по Союзному договору...

После того, как Лукьянов вернулся от Павлова, я зашёл к нему в кабинет. Он писал какую-то бумагу. Через какое-то время он попросил меня найти Постановление Верховного Совета СССР по Союзному договору от 12 июля 1991 года. Я нашёл это Постановление и принёс его Лукьянову. Лукьянов продолжал писать свою бумагу, заглядывая в Постановление Верховного Совета СССР. Я понял, что он пишет своё Заявление по Союзному договору. Лукьянов при этом мне сказал, чтобы я его переписал и отнёс этим людям. Когда я переписал черновик, то увидел, что под ним стоит дата 16 августа 1991 года. Я, переписав черновик, не стал ставить на нём дату, так как в действительности на календаре было 18 августа. Когда принёс Заявление, поинтересовался, какую ставить дату. На это Лукьянов махнул рукой - ставь 18 августа... Заявление Лукьянов написал очень быстро, возможно, минут за двадцать...

Из протокола допроса Владимира Иванова от 4 октября 1991 года:

- ... Однако, когда 19 августа мне Лукьянов поручил позвонить в ТАСС и сообщить, что дату написания Заявления надо поставить 16 августа, то меня в ТАСС спросили, а как быть с фразой «опубликованного три дня назад?»... После консультации с Лукьяновым и ТАСС решили вообще ссылку на дни убрать из текста.

Меня Лукьянов не просил никому не рассказывать, что я присутствовал при написании им текста Заявления по Союзному договору. Но несколько раз в разговоре подчеркнул, что он написал это ещё на Валдае, из чего я понял, что следует в случае необходимости подтвердить это...

Эти и другие свидетельства позволяют восстановить истинную картину действий Лукьянова.

В Москву Лукьянов летел вовсе не в надежде, как он это утверждает,

встретить там Горбачёва. В действительности Лукьянов знал не только то, что Горбачёва нет в Москве, но и то, что к нему в Крым вылетела делегация. Вот что пишет в Заявлении от 23 августа 1991 года на имя президента СССР Валентин Павлов:

«... 18 августа я находился на даче. За это время я созвонился с Лукьяновым А. И. и Янаевым Г. И., так как мной владело беспокойство, не провокация ли всё это. Знают ли они о поездке и её задачах. Оба подтвердили, что они в курсе положения дел, поддерживают беспокойство и позицию Кабинета о порядке подписания Договора и ждут вестей с юга. На моё категорическое требование вернуться в Москву, т. к. без них я больше ни с кем никаких встреч и разговоров иметь не буду, и тот и другой сказали, что к вечеру будут. Лукьянову я лично сказал, что вопросы слишком серьёзные, люди поехали советоваться с М. С. Горбачёвым, и ему надо сесть в вертолёт и лететь в Москву...»

Быть может, Шенин во время встречи на объекте «АБЦ» сослался на разговор с Лукьяновым, не имея на то оснований? Но записи в журнале правительственной связи подтверждают: Олег Шенин звонил Лукьянову 16 августа в 11 часов 49 минут. Разговор длился 7 минут.

Вертолёт для Лукьянова был заказан ещё 17 августа. В этот день Язов вызвал своего адъютанта и приказал ему на завтра, 18 августа, готовиться вылететь за Лукьяновым на Валдай.

Чтобы исключить любую случайность и гарантировать присутствие Лукьянова вечером в Москве 18 августа, помимо двух заранее заказанных вертолётов, за председателем Верховного Совета СССР в дом отдыха «Валдай», отправился ещё один вертолёт министерства гражданской авиации СССР.

Лукьянов говорит, что прилетел в Москву по настойчивой просьбе Павлова, который звонил ему дважды. В действительности Павлов побеспокоил его только один раз, после чего Лукьянов сам звонил Павлову.

На вопрос, во сколько он прибыл в Кремль, Лукьянов ответил: «Вертолёт до Москвы должен лететь примерно два часа, значит, где-то в 21 час я появился у себя в кабинете...» И здесь Лукьянов умышленно искажает истинную картину. Намеренно сдвигая срок прилёта, Лукьянов стремится сократить время своего участия в совещании ГКЧП. В действительности Лукьянов прибыл в Кремль в 20 часов 20 минут. Лукьянов присутствовал на организационном заседании ГКЧП значительное время. Всё свершилось при нём. При нём посланцы ГКЧП, вернувшись из Фороса, рассказывали, что президент отказался принять ультиматум, что он изолирован, что они «засветились» - и теперь их судьба находится в руках тех, кто послал их к Горбачёву. Лукьянов не встал, не вышел, он слышал всё...

Свидетельствует Валентин Павлов:

- Рассказ прибывших товарищей был коротким. Вполне определённо было сказано, пока президент будет выздоравливать, кто-то из двоих,

Янаев или Лукьянов, должен взять на себя исполнение обязанностей президента...

Янаев всё пытался узнать у вернувшихся из Крыма, что именно произошло с Горбачёвым, действительно ли он болен, почему не Лукьянов должен исполнять обязанности президента. Но ему ответили: «А тебе-то что? Мы же не врачи... Сказано же - он болен!» Тогда Янаев стал говорить: «А как же тогда объяснить, почему я беру на себя исполнение обязанностей президента? Почему именно я? Пусть Лукьянов берёт это на себя...» Было видно, что Янаев проявляет нерешительность в этом вопросе.

В ответ Лукьянов заявил: «По Конституции ты должен исполнять обязанности президента, а не я. Моё дело - собрать Верховный Совет СССР». Они начали спорить между собой, откуда-то появились Конституция СССР и Закон о правовом режиме чрезвычайного положения. Обсуждали этот вопрос довольно энергично...

Власть захватывалась на глазах главы парламента. И при его участии.

Ни в Конституции СССР, ни в одном другом законе СССР госкомитет по чрезвычайному положению как высший орган власти не упоминался. Согласно Закону СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» союзные республики обладают всей полнотой власти на своих территориях. ГКЧП узурпировал и это право. Закон гарантировал президенту СССР неприкосновенность. Только съезд народных депутатов имел право сместить его. ГКЧП и Янаев сделали это самолично. Согласно Закону СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» ЧП является исключительно временной мерой, которая объявляется при стихийных бедствиях, крупных авариях или катастрофах, эпидемиях, а также массовых беспорядках. Ни одного повода для введения ЧП в ночь с 18 на 19 августа не было.

Действия ГКЧП посягали на законы не только союзные, но и республиканские, в частности, России. Российская Конституция гласит: «Вся власть в РСФСР принадлежит многонациональному народу РСФСР. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов...» 19 августа народам России не с того ни с сего приказали во всём подчиняться самозванному ГКЧП. Была нарушена и 104 статья Конституции России, в которой затверждено, что высшим органом государственной власти в РСФСР является съезд народных депутатов РСФСР. ГКЧП и съезд в расчёт не брал.

Всё «сопротивление» Лукьянова ограничилось тем, что он настоял на удалении своей фамилии из списка членов комитета, убедил Янаева, что тот, якобы, действует в соответствии с Конституцией, да ещё в «Заявлении Советского руководства», в той его части, где речь шла о степени распространения ЧП, посоветовал заменить слова «на всей территории СССР» на слова «в отдельных местностях СССР», что по форме более соответствовало Конституции. На этом глава парламента посчитал

свой служебный и нравственный долг исчерпанным.

Он спросил ещё сердито, но уже сломленно:

- Что у вас есть? Дайте план.

Свидетельствует Дмитрий Язов:

- Я ему ответил, что никакого у нас, Анатолий Иванович, плана нет. «Но почему же, есть у нас план», - сказал Крючков. Но я-то знал, что у нас ничего нет, кроме этих шпаргалок, которые зачитывались в субботу на «АБЦ». Я вообще не считал это планом и знал чётко и ясно, что на самом деле у нас никакого плана нет...

Свидетельствует Валентин Павлов:

- После доклада приехавших всё внимание было переключено на Янаева и Лукьянова. Последний просил снять его фамилию из ГКЧП, он, мол, со всем согласен и разделяет, но ему нужно вести будет Верховный Совет по этому вопросу, и для дела её пока снять... Вообще-то он считает, лучше чтобы первым был Верховный Совет России, пусть он сам проявится, как нарушитель Конституции СССР, хотя, может, и будет для страны поздно...

Похоже, Лукьянова сломило то, что Крючков не испугался изолировать президента. На Горбачёве можно было ставить крест. Расклад сил был не в его пользу. Армия, КГБ, МВД, партийное чиновничество - все объединились против Горбачёва. Разве можно победить эту страшную силу?

Лукьянов поднялся к себе в кабинет и стал писать Заявление.

Свидетельствует Николай Рубцов:

- Он закончил работу примерно в 0.20. Поднял телефонную трубку и кому-то позвонил. По тому, что Лукьянов назвал абонента Владимир Александрович, я понял, что он разговаривает с Крючковым. «Документ готов», - сказал Лукьянов.

Затем, как я понял, Крючков передал трубку Олегу Шенину. После того, как Лукьянов прочитал ему практически весь текст своего Заявления, он сказал, чтобы я переписал его набело и отнёс туда, к ним...

После того, как работа была завершена, Лукьянов отпустил Рубцова и Иванова домой, а сам остался ночевать в Кремле.

Гром над Белым домом

Каким было утро 19 августа!

...Для Шенина

В 3.30 Олег Шенин провёл у себя совещание с секретарём ЦК КПСС Юрием Манаенковым, первым секретарём Московского горкома КПСС Юрием Прокофьевым и прибывшим из Свердловска Александром

Тизяковым. Он сообщил о создании ГКЧП и призвал включиться в работу.

Для Юрия Манаенкова это не было новостью. Он ночевал в ЦК. Шенин попросил его ещё накануне, 18 августа, не уходить вечером домой, так как может быть срочная работа. В 20 часов помощник Манаенкова принёс ему пакет с надписью «Вскрыть лично». С такими пометками конверты приходили регулярно. Работа в условиях суперсекретности ещё со сталинских времён стала в ЦК правилом. Манаенков посмотрел по ТВ информационную программу «Время» и лишь после этого в 21.40 вскрыл конверт. В нём было «Обращение к советскому народу» и другие документы ГКЧП.

Вскоре после полуночи он по распоряжению Шенина вызвал в ЦК руководителя советского телевидения Леонида Кравченко.

- В это время я находился у себя на даче, - вспоминает Кравченко, - Манаенков по телефону сказал, что есть «очень важная и интересная информация» и мне необходимо приехать. По прибытию в ЦК Манаенков сообщил мне, что вводится ЧП и телевидение должно работать, как в дни похорон видных деятелей КПСС и государства.

Документы ГКЧП я получил от Олега Шенина в 5.20. Передал их он мне с победным, торжественным видом.

Время нас уже поджимало. Ведь всё это должно было быть в эфире уже в шесть утра. Я заехал в ТАСС, а оттуда помчался в Останкино. Когда я подъезжал, к телецентру уже подтягивались войска...

...Для Крючкова

Крючков покинул Кремль вместе со своим заместителем Грушко когда уже занимался рассвет.

В 3.30 у себя, в КГБ СССР, он провёл совещание руководителей центрального аппарата.

Он был среди своих. Свои должны были знать правду. Крючков сообщил, что Горбачёв отказался принять ультиматум и что он изолирован.

- Крючков сказал, что перестройка, как она задумывалась, кончилась, - вспоминает начальник Управления КГБ по Москве и Московской области генерал-лейтенант Виталий Прилуков. - Демократическое руководство страдает непрофессионализмом и в силу того не смогло по-настоящему взять власть в свои руки.

В 4 утра на стол Крючкова легли аккуратно отпечатанные документы ГКЧП в их окончательном варианте.

В 5.01 он приказал своему заместителю Валерию Лебедеву отправить командующему Московским военным округом Калинину чистые бланки распоряжений об административных арестах.

В 9 утра после оперативного совещания с руководством, на котором обсуждались действия КГБ в условиях ЧП, Крючков отправился в Кремль

на первое заседание ГКЧП.

...Для Язова

Из Кремля Язов заехал ненадолго на загородную дачу, проведать свою больную жену.

В 3.30 он уже проводил совещание в Министерстве обороны. Язов объявил собравшимся, что в связи с болезнью президента его обязанности на себя возложил Геннадий Янаев. Объявляется ЧП. Возможно резкое обострение обстановки в Москве. Нужно быть готовыми ввести в столицу войска. Отдельная бригада специального назначения воздушно-десантных войск, дислоцирующаяся в подмосковном посёлке Медвежьи Озёра, получила приказ к 6 часам заступить на охрану телецентра «Останкино», Тульская воздушно-десантная дивизия - сосредоточиться в районе аэродрома «Тушино».

В пятом часу утра Язов дал команду ввести войска в Москву, начав движение в 7.00.

Приказ был выполнен с военной чёткостью.

Одновременно на столицу двинулись Таманская мотострелковая дивизия в составе разведбатальона, трёх мотострелковых полков и танкового полка (127 танков, 15 боевых машин пехоты, 144 бронетранспортёра, 216 автомобилей, 2107 человек личного состава) и группа войск Кантемировской танковой дивизии в составе разведбатальона, мотострелкового полка и трёх танковых полков: 235 танков, 125 боевых машин пехоты, 4 бронетранспортёра, 214 автомобилей, 1702 человека личного состава.

В 6.00 Язов провёл совещание с руководством Вооруженных Сил СССР.

В 9.28 подписал шифрограмму о приведении всех войск СССР в повышенную боевую готовность.

- ...Позвонил Крючков, - вспоминает то утро Язов. - Никого не могу, говорит, найти. Спрашиваю, кого он разыскивает. Отвечает: Павлова, Янаева, Бакланова - никого нет. Куда же они, спрашиваю, могли деться? Так они же, говорит, до утра у Янаева пьянствовали...

...Для Павлова

Телефон на даче Валентина Павлова трезвонил почти без перерыва. Но премьер не в силах был поднять телефонную трубку.

- Где-то около семи утра мне позвонил охранник премьер-министра и попросил срочно приехать, - свидетельствует врач кремлёвской больницы Дмитрий Сахаров. - Павлову, сказал он, плохо.

Я приехал. Павлов был пьян. Но это было не обычное, простое опьянение. Он был взвинчен до истерики. Я стал оказывать ему помощь...

...Для Проселкова

В квартиру активиста правозащитного союза «Щит» Николая Проселкова ломились. Дверь под ударами молодцов из управления защиты конституционного строя КГБ СССР трещала, угрожая вот-вот рухнуть.

Проселков, изготовясь к отражению атаки, в одной руке держал баллончик со слезоточивым газом, в другой - топор...

Началась операция по задержанию инакомыслящих.

Из протокола допроса начальника Управления по защите конституционного строя КГБ СССР генерал-майора Валерия Воротникова:

- ...Утром 19 августа меня пригласил к себе заместитель председателя КГБ СССР Лебедев и передал мне список лиц, которых, если в том будет необходимость, надо задержать. Речь шла о 18 гражданах. Они стояли в списке первыми, и их фамилии были подчёркнуты.

Первое, что бросилось в глаза, это фамилии Александра Яковлева, Эдуарда Шеварднадзе. Они в списке стояли самыми первыми.

Всего же в списке значилось более 70 фамилий.

Вместе со списком я получил 18 незаполненных бланков с распоряжением коменданта Москвы об административном аресте. Лебедев пояснил, что их надо заполнить по поступлению команды на задержание...

Арестованных следовало доставить в воинскую часть 54164 воздушно-десантных войск, дислоцирующуюся в подмосковном посёлке Медвежьи Озёра. К утру 19 августа к их приёму была готова просторная казарма.

- Проселков отказался открыть дверь, - вспоминает старший оперуполномоченный КГБ Николай Алфимов, - мы начали её отжимать. Образовался небольшой просвет, из него потянуло каким-то едким запахом. Я услышал сзади крик своих коллег: «Газ!»

Когда дверь распахнулась, Проселков направил струю слезоточивого газа на сотрудников, которые ворвались в квартиру. Они схватились за глаза и отпрянули назад.

Я бросился на Проселкова - он ударил меня топором. Меня обожгло. К счастью, раны оказались неглубокими. Общими усилиями мы скрутили Проселкова и спустили его вниз в машину...

...Для Ельцина

Утро 19 августа Ельцин встретил на своей даче в Архангельском, куда приехал сразу из аэропорта после возвращения из Алма-Аты, где встречался с руководителем Казахстана Нурсултаном Назарбаевым.

Ельцина разбудила дочь, попросив включить телевизор, по которому передают «что-то непонятное». Президент включил телевизор. Диктор

торжественно читал: «Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территорий... Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушение правопорядка...»

Президент России врезался в середину текста. Но для него всё стало ясно.

Он терпеливо выслушал до конца Постановление ГКЧП, затем повторение Указа Янаева о вступлении в обязанности президента СССР...

Высшие российские руководители эту ночь провели там же, в Архангельском - на госдачах. Пока жена Ельцина обзванивала их, сам президент вёл переговоры с руководителями республик.

- Я позвонил председателю Верховного Совета Украины Кравчуку, президенту Казахстана Назарбаеву и председателю Верховного Совета Белоруссии Дементею - рассказывает Борис Ельцин. - Не скрою, меня огорчила их слишком спокойная реакция. Руководители республик говорили, что у них пока слишком мало информации и они сейчас не могут определиться. Я же им говорил, что информация у меня есть и что это переворот.

В начале восьмого позвонил Янаеву. Мне сообщили, что он всю ночь работал и сейчас отдыхает. Пока правительственная связь работала, стал требовать соединить с Горбачёвым. Через некоторое время, после настойчивых просьб, мне сообщили, что там, в Форосе, решили со мной не соединяться. Это было сказано после некоторой паузы, в связи с чем у меня сложилось впечатление, что телефонистка ходила с кем-то советоваться, как отвечать.

- Я застал Ельцина в глубокой задумчивости, - свидетельствует председатель Верховного Совета России Руслан Хасбулатов. - Все однозначно сошлись на том, что произошёл переворот. Сначала решили вступить в переговоры с заговорщиками, но потом пришли к единому мнению: никаких переговоров с незаконным ГКЧП быть не может.

Стали сочинять «Воззвание к народу». Записывал его от руки я, но творчество было коллективное: подсказывали Ельцин, Силаев и другие. Отпечатать «Воззвание» было не на чем. Подписали рукописный текст. На ксероксе размножили его, и каждый получил по нескольку экземпляров.

Свидетельствует председатель Совета Министров России Иван Силаев:

- Мы опасались, что нас здесь «накроют». Решили разъезжаться поодиночке, надеясь, что кому-нибудь да удастся доставить в Москву «Воззвание». На выезде на Можайское шоссе увидел несколько машин - чёрных «Волг» - и вокруг них крепких ребят. Но они не остановили меня. Моя машина прошла мимо них на полном ходу... На работе стала отказывать спецсвязь. Вскоре мы остались без неё. Опасаясь, что вообще скоро останемся без всякой связи, мы приняли решение срочно

встретиться с иностранными дипломатами...

В 10.15 Руслан Хасбулатов открыл экстренное заседание Президиума Верховного Совета РСФСР.

В 10.30 Иван Силаев и Борис Ельцин встретились с приглашёнными иностранными дипломатами.

В 12.10 Борис Ельцин выступил с танка номер 110 Таманской дивизии перед москвичами, собравшимися у российского Белого дома. Он сказал: «В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отречён от власти законно избранный президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом...»

...Для Горбачёва

В ту ночь Горбачёв не спал. Безудержно звенели цикады. Было слышно, как стоящий в море сторожевой корабль периодически запускал двигатель.

Всё окружение президента знало о его разговоре с посланцами ГКЧП. Им тоже не спалось.

Первым, кому обо всём рассказал Горбачёв, был его помощник Анатолий Черняев.

- Вскоре после отъезда делегации ГКЧП Горбачёв через охранника вызвал меня к себе, - свидетельствует Черняев. - Вижу, все Горбачёвы, кроме маленькой внучки, стоят у Главного дома. Раиса Максимовна, дочь Ира, зять Анатолий. Горбачёв в шортах и ещё в фуфайке. Я говорю: «Михаил Сергеевич, вы не запаритесь?» Он отвечает: «Тут запаришься!». И стал рассказывать мне, что произошло: «Явилась вот эта публика - сволочи. Особенно этот мой Болдин, уж от него такого не ожидал. Предъявили мне фактически ультиматум - либо я передаю полномочия Янаеву и им вообще, либо подписываю Указ о чрезвычайном положении. Если не то, не другое - в отставку!»...

К утру «Заря» напоминала крепость, изготовившуюся к отражению штурма. Ворота с внешней стороны дачи были заблокированы военными автомобилями. Вертолётная площадка во избежание приземления на неё уставлена тяжёлыми грузовыми машинами.

Радио и телевидение были отключены.

Отдежуривший персонал с дачи не выпустили. На ночлег разместились, кто где мог. В спортзале, гостевом домике. Водители спали в своих машинах.

В 6 утра маленький радиоприёмник «Сони» донёс до президента новость о создании ГКЧП.

В 9.00 Генералов на совещании поставил сотрудников охраны в известность, что президент не может исполнять свои обязанности «по состоянию здоровья». Выслушав обещание Генералова «повысить

зарплату», сохранить работу при президенте, «кто бы им ни стал», охранники разошлись...

И столкнулись с живым и невредимым Горбачёвым, который шёл по аллее...

Свидетельствует офицер охраны Александр Синягин:

- Я был свободен от службы. После совещания отдыхал. Спал, смотрел кино, играл в биллиард...

...В это время в Москве люди уже ложились под гусеницы танков.

...Для Кравчука

Около семи утра командующий Киевским военным округом Виктор Чечеватов разыскал на даче председателя Верховного Совета Украины Леонида Кравчука и сообщил ему, что с ним хочет встретиться прибывший в Киев Главнокомандующий сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР Валентин Варенников.

В 9 часов утра в кабинете Кравчука, помимо него,

Варенникова ждали первый секретарь компартии Украины С. Гуренко и исполняющий обязанности премьер-министра Украины К. Масик.

- Войдя в кабинет, он сказал: «Здравствуйте. Генерал Варенников», - вспоминает Леонид Кравчук. - На что я ему сказал: «Валентин Иванович, я ведь Вас знаю, не надо представляться. Садитесь, пожалуйста». Он сразу включился: «Вы очевидно слышали, что в стране произошёл переворот. Наконец, власть перешла к решительным и смелым». Эта фраза мне очень запомнилась. Я тут же сказал Варенникову, что слышал об этом, однако подробностей не знаю. Если можно, дайте дополнительную информацию. Он начал пространно рассказывать, что в стране тяжёлая ситуация, что мы потеряли вес, как внутри страны, так и на международной арене, что в тяжёлом состоянии у нас находятся Вооружённые Силы, короче говоря, всё, что было приобретено - всё растеряно. Это становится нетерпимым, а поэтому создан Государственный комитет по чрезвычайному положению.

Я спросил, где Горбачёв. Он говорит, что Горбачёв в Крыму, но он себя плохо чувствует. Далее я сказал, что мне известно, что он был у Горбачёва и есть ли заявление Михаила Сергеевича о том, что он подаст в отставку по болезни. Варенников ответил: «Нет, но будет»...

Свидетельствует исполняющий обязанности премьер-министра Украины Константин Масик:

- Варенников вынул из папки ксерокопию Постановления ГКЧП номер 1 и стал в солдафонской манере излагать его отдельные статьи. Он потребовал от нас сплотиться, как никогда. Организовать движение транспортных средств и проводить их досмотр, вводить комендантский час. Я сослался на Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения в СССР», который предусматривает введение ЧП в союзных республиках только с согласия Верховных Советов этих республик.

Варенников оборвал меня и заявил: «Вы не обратились, так мы вам поможем.» Далее он дословно сказал: «На Западной Украине нет советской власти, сплошной «Рух». В западных областях надо ввести чрезвычайное положение. Прекратить забастовки. Закрыть все партии, кроме КПСС, их газеты, прекратить и разгонять митинги. Вам надо принять экстренные меры, чтобы не сложилось мнение, что вы идёте прежним курсом...»

Свидетельствует командующий Киевским военным округом Виктор Чечеватов:

- В ходе разговора согласились, что надо знать и управлять обстановкой на Украине. То ли Масик, то ли Кравчук в этих целях предложили образовать комиссию, в которую включить руководящих лиц КГБ, МВД, армии, министерств и ведомств».

В 10.45 Варенников отправил в ГКЧП шифротелеграмму, в которой сообщал: «Кратко с руководством Украинской ССР разобрали все пять документов, которые были переданы по первой программе московского радиовещания, рассмотрели Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Кравчук и Масик вначале всё это восприняли негативно (Гуренко молчал), давая понять, что всё это их не касается, если что-то надо предпринимать, то это будет выноситься на заседание Верховного Совета. Вынужден был несколько обострить ситуацию и дать понять товарищам, что фактически Закон уже начал действовать... В итоге встречи Кравчук и другие товарищи согласились с предложениями, и в настоящее время ими проводятся мероприятия в этом духе...»

Когда утром 19 августа, Кравчук по просьбе Ельцина позвонил Горбачёву, его соединили с Ялтой. Удовлетворившись ответом телефонистки, что «Михаил Сергеевич просит не беспокоить», Кравчук положил телефонную трубку.

На территории Украины в изоляции находился президент СССР, чьи демократические реформы сделали Украину свободной. Но её государственные деятели не спешили на помощь форосскому пленнику.

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса Л. Кравчука от 22 ноября 1991 года:

...Вопрос:

- Давно ли Вы знакомы с Варенниковым и в каких отношениях состояли с ним? Как можете охарактеризовать этого человека?

Ответ:

- Варенников был командующим Прикарпатского военного округа и членом ЦК Компартии Украины. Я его видел, но сказать, что с ним лично знаком, не могу. Если он был недалеко, то здоровался с ним. Он очень жёсткий человек, очень решительный. Голос и мышление чисто командирские. Он никогда не говорит нормальным человеческим языком. Он всё время говорит командирским языком. В последнее время я его

видел на учениях Одесского военного округа, там был и Горбачёв М. С. Я туда летал по приглашению Горбачёва М. С. Варенников докладывал Горбачёву как командующий сухопутными войсками о передвижении войск. Говорил также командирским языком и очень громко.

Вопрос:

- Кем, когда и каким образом была организована встреча с Варенниковым В. И. 19 августа 1991 года, и как она проходила?

Ответ:

- ...Я взял со стола Закон о чрезвычайном положении и говорю Варенникову, что действия не согласуются с этим Законом... При этом я спросил у него, распространяется ли на нашу территорию власть ГКЧП. Он молчит. В это время позвонил Председатель КГБ СССР Крючков. Я сказал ему, что у меня находится Варенников. Крючков сразу же передал ему привет. На это приветствие Варенников промолчал. Я сказал Крючкову, что у нас есть маленькое расхождение. По нашим размышлениям, ГКЧП создан не в конституционном порядке. Услышав это, он насторожился. Далее я поблагодарил Крючкова за разговор...

Зная из разговора с Крючковым мою позицию, Варенников сразу начал: «Я Вам советую, Леонид Макарович, более внимательно подойти к этому вопросу. Я Вам советую изменить курс...» Я остановил его и сказал, что он забывает, что находится в кабинете председателя Верховного Совета, а не в Киевском военном округе...

Далее я спросил у Варенникова, где документы ГКЧП. Ведь я, как председатель Верховного Совета, должен иметь документы, чтобы принимать решения и действовать, а не слушать сообщения по радио. Эти документы должны быть подписаны, с круглой гербовой печатью.

Я их должен вынести на Президиум Верховного Совета и обсудить, с голоса же ничего не обсуждается.

Вопрос:

- Что Вам было известно о состоянии здоровья Горбачёва М. С.?

Ответ:

- Я не мог предположить, что Горбачёв М. С. болен. Незадолго до этих событий я был в Крыму и встречался с Горбачёвым за ужином. Он был здоров. Мы прогуливались с ним, вели разговоры о перспективах. Он сказал, что едет в Ново-Огарево, где будут подписывать документы. Я ему сообщил, что сейчас мы не можем в этом участвовать, так как Договор не совсем нам подходит, и у нас есть на этот счёт решение Верховного Совета. Горбачёв немного со мной не согласился, сказав, что мы ещё изменим свою точку зрения. Разговор был доброжелательный.

Когда мне сказали о болезни Горбачёва, я сразу задал Варенникову вопрос в лоб: «Где документы о том, что Горбачёв болен». У меня сразу возникло подозрение, что это дело не чистое. Тогда же утром был передан текст Заявления Лукьянова - текст скользкий, в сторону мощного

государства. Среди красивых слов в этом тексте было забыто вообще о суверенитете, о Конституции, о Законах республик, то есть всё было похоронено...

Засада в «Архангельском»

Начальник «Альфы», спецгруппы КГБ по борьбе с терроризмом, Виктор Карпухин сидел в своём кабинете, склонившись над топографической схемой. Подняв голову, он испытующе оглядел собравшихся и, указав на схему, спросил:

- Какими силами можно взять этот объект? Вопрос в первую очередь, адресовался начальнику

отделения Анатолию Савельеву, наиболее опытному из присутствовавших. В «Альфу» Савельев пришёл со дня её образования, в 1974 году. Участвовал, за вычетом отпусков и залечивания ран, во всех операциях, в том числе и в Кабульской операции по свержению Амина.

Изучив схему, являющуюся планом какого-то участка с постройками, выяснив высоту заборов и количество охраны, Савельев ответил:

- Работа не сложная. Двадцати человек хватит. Какой объект был изображён на схеме, начальник

«Альфы» не сказал. А Савельев не спросил. В КГБ лишние вопросы задавать не принято. Он решил, что речь идёт о каком-то объекте в Нагорном Карабахе, где на днях в качестве заложников было захвачено несколько военнослужащих.

Когда в самом конце дежурства, уже на рассвете, Группу подняли по тревоге и колонна машин вслед за штабной «Волгой» помчалась по Комсомольскому шоссе в сторону аэропорта «Внуково», Савельев окончательно решил, что предстоит полёт в Закавказье.

Однако вскоре головная машина свернула в сторону. Спустя некоторое время вслед за «Волгой» колонна остановилась на обочине дороги у какого-то лесного массива. Солнце поднималось над лесом. Лёгкий серебряный туман, клубившийся по его границам, таял на глазах.

Было 19 августа, 4.20 утра.

Карпухин разъяснил, что «Альфа» прибыла в расположение правительственного загородного посёлка «Архан-гельское-2», где среди других дач находится и дача Ельцина. И довёл до Группы приказ руководства КГБ СССР «обеспечить безопасность переговоров Бориса Ельцина с руководством СССР.» С этой целью надо найти проход в лесу к дачному посёлку «Архангельское-2», чтобы по нему доставить к шоссе Ельцина.

- Мы с заместителем начальника Группы Владимиром Зайцевым, взяв с собой нескольких сотрудников, через лес направились к дачам, - рассказывает Анатолий Савельев. - Лес оказался довольно густым, непролазным. К тому же выяснилось, что дачу от нас отделяет ещё и

небольшая река. Я задавал Зайцеву недоумённые вопросы. Если мы «должны обеспечить безопасность переговоров», почему не проехать открыто к дачам и не пригласить Ельцина? Почему пробираемся через лесную чащу скрытно, выискивая проход? Разве по нему в состоянии будет пройти президент, если даже нам, тренированным для боевых действий людям, это нелегко?.. Вопросы оставались без ответа. Зайцев ведь тоже выполнял приказ: провести рекогносцировку местности и всё...

Вернувшись почти через час плутаний по лесу, группа разведчиков услышала по радиоприёмнику в машине сообщение о том, что в стране введено чрезвычайное положение. Теперь уж ни у кого не осталось никаких сомнений, зачем они здесь.

Но время шло, шоссе с каждой минутой становилось всё более оживлённым, а приказа не было. Москвичи, спешащие на работу, удивлённо разглядывали одетых в пятнистую форму военных.

Чтобы оградить себя от любопытствующих взглядов, отогнали транспорт в укромное место, замаскировав его.

Ельцин промчался мимо на полнном ходу в сопровождении охраны в Москву.

Лишь после этого по рации прозвучала команда. Но не та, которую ждали на рассвете: «Всем возвращаться в расположение Группы».

Отменил операцию Крючков. Он принял это решение около пяти утра, почти одновременно с прибытием «Альфы» в «Архангельское-2».

Ельцина спас ряд обстоятельств.

Заговорщики не уложились в предварительно намеченные сроки. «Альфа» должна была задержать Ельцина ещё вечером, сразу после его прилёта из Алма-Аты.

Свидетельствует начальник 7 Управления КГБ СССР Евгений Расщепов:

- 17 августа, примерно в 11 часов дня, я был вызван к председателю Комитета государственной безопасности Крючкову, который сообщил мне, что Горбачёв болен и обязанности президента переходят к Янаеву. Группе «Альфа», продолжил он, предстоит обеспечить безопасность переговоров Советского руководства с Борисом Ельциным.

В тот же день, чуть позже, детали предстоящей операции обсуждались на совещании у заместителя министра обороны Владислава Ачалова. Он проинформировал собравшихся, в числе которых были начальник группы «Альфа» Виктор Карпухин и командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачёв, о том, что по возвращению из Алма-Аты в воскресенье 18 августа самолёт Ельцина под благовидным предлогом будет посажен не во «Внуково», а на военном аэродроме «Чкаловский».

Командир особой дивизии КГБ должен был пригласить Ельцина в здание аэровокзала, где, как я понял из разговора, у него должен был

состояться разговор с министром обороны Язовым.

Перед подразделением воздушно-десантных войск и Группой «Альфа» ставилась задача нейтрализовать охрану Ельцина...

Место для операции было выбрано идеальное. «Чкаловский» - военный аэродром. Ни один посторонний сюда не мог попасть. К тому же на «Чкаловском» «Альфа» проводила учебные занятия по освобождению самолётов от заложников и знала здесь каждый закуток.

Однако в ходе обсуждения было высказано опасение: вдруг Ельцин, человек весьма настороженно относящийся ко всякого рода неожиданностям, прикажет посадить самолёт не на «Чкаловский», а на какой-нибудь другой аэродром. Скажем, «Быково». Что тогда?

На следующем совещании ту же самую операцию обсуждали применительно к «Архангельскому». Начальник 7 Управления Евгений Расщепов получил задание провести разведку на даче Ельцина.

- 18 августа, обследовав вместе с Карпухиным «Архангельское», - вспоминает он, - мы обратили внимание, что в посёлке много вооружённых милицейских нарядов, в том числе и подвижных милицейских групп. Это указывало на то, что идёт подготовка к встрече высокопоставленного гостя.

О результатах я доложил заместителю председателя КГБ СССР Грушко.

После приземления самолёта, когда служба наружного наблюдения убедилась в том, что президент России отправился в «Архангельское», я доложил об этом Грушко. Он приказал мне держать наготове Группу «Альфа» и ждать распоряжений от Крючкова...

В соответствии с планом операции, Ельцина предстояло отправить на базу охотхозяйства министерства обороны «Завидово», расположенную на границе Московской и Тверской областей...

Но на полёт в Форос, беседу с Горбачёвым, возвращение делегации ГКЧП в Москву и состоявшийся затем тяжёлый, вязкий разговор в Кремле ушло значительно больше времени, чем предполагалось. Отставание от ранее разработанного плана составляло несколько часов. Проводить в дневных условиях операцию по интернированию Ельцина в дачном посёлке, насчитывающем более пяти десятков хорошо охраняемых дач, было не с руки.

Согласие Лукьянова поддержать ГКЧП внесло коррективы в тактику заговора. Сторонники жёстких мер, утвердившись во мнении, что Лукьянову удастся протащить в парламенте вопрос о переходе полномочий президента к Янаеву, склонились к тому, чтобы придать заговору «ползучий», внешне законный характер. Кремлёвские врачи получили от Плеханова задание составить медицинское заключение, которое убедило бы всех в том, что Горбачёв не может исполнять свои обязанности. Ельцин, выступив против Янаева, а в том, что он начнёт «выступать», никто не сомневался, окажется в роли нарушителя законов,

с которым можно не церемониться.

Крючкову импонировал совет Лукьянова занять выжидательную позицию, дав тем самым Ельцину «проявиться», а народу - понять, что демократический лидер России против наведения порядка в стране.

Но танки на улицах даже при развитии событий «по Лукьянову» отнюдь были не лишни. Армия, КГБ, по замыслу Крючкова и его сторонников, должны были сыграть роль сдерживающего фактора. Опираясь на военную силу, можно было, не мудрствуя лукаво, осуществить кадровые перестановки в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах, где к руководству пришли представители «Демократической России.»

Такая тактика блестяще оправдалась в 1968 году в Чехословакии. Крови пролито там было мало, а результат получен стопроцентный. Под прикрытием танков была произведена кадровая чистка, затем пленум ЦК Компартии Чехословакии, а вслед за ним и правительство узаконили «временное» присутствие советских войск в ЧССР - и «социализм с человеческим лицом» тихо скончался.

И всё же Крючков направил «Альфу» в «Архангельское». Вернуть её было никогда не поздно.

Пока Группа двигалась по направлению к «Архангельскому», Крючков со своим окружением держал совет.

На рассвете 19 августа не только решалась судьба Ельцина, но и формировалась окончательная модель заговора.

...Начальник Группы «Альфа» Виктор Карпухин доложил: «Архангельское» забито отдыхающими. Светло, как днём. На шоссе наблюдается напряжённое движение автотранспорта. Охрана дачи усилена. Активные действия не желательны...»

Крючков скомандовал «Альфе»: «Отбой!».

Но охота на Ельцина на этом не прекратилась...

Эйфория

«Тема Ельцина» вновь всплыла на первом заседании ГКЧП, начавшемся в 10 часов утра в Кремле. Теперь они от неё никуда не смогут деться.

У Янаева собрался ГКЧП в полном составе, кроме Павлова. За столом сидел, наливаясь гордостью, главный колхозник страны Василий Стародубцев. Его в Кремль вчера вызвал Валентин Павлов. О том, что включён в ГКЧП, Стародубцев узнал по дороге в Москву.

Александр Тизяков, лидер крупных промышленников, прилетел из Свердловска ещё 18 августа. Ночью, после встречи с Шениным в Кремле, он уже не смог заснуть. Известие о том, что создан ГКЧП, радостно взволновало его: «Наконец-то!»

На заседании ГКЧП обсуждалась линия поведения: передать имеющийся компромат на активистов демократического движения в средства массовой информации, прежде всего на ТВ, выбросить на прилавки магазинов всё, что есть в запасе, снизить цены на некоторые ходовые товары, чтобы люди почувствовали, что новая власть лучше старой.

Янаев периодически заглядывал в шпаргалку «О некоторых аксиомах чрезвычайного положения», заботливо подготовленную для него. «Аксиомы» были таковы:

«... - Нельзя терять инициативу и вступать в какие-либо переговоры с «общественностью». На это часто «покупались» из-за стремления сохранить демократический фасад - и в результате общество постепенно проникалось идеей, что с властью можно спорить, а это первый шаг к последующей борьбе.

- Нельзя допускать самые первые проявления нелояльности (митинги, голодовки, петиции) и информацию о них. В противном случае они становятся как бы допустимыми формами сопротивления, за которыми следуют более активные формы. Если хочешь обойтись «малой кровью» - «дави» противоречия в самом начале.

- Не стесняться идти на ярко выраженный популизм. Это закон завоевания поддержки масс. Сразу же вводить понятные всем экономические меры - снижение цен, послабление со спиртным и т. д., появление хотя бы ограниченного ассортимента товаров массового спроса. В такой ситуации не думают об экономической целесообразности, темпах инфляции, других последствиях.

- Нельзя растягивать во времени информирование населения о всех деталях преступлений политического противника. В первые дни оно жадно ловит информацию. И именно в это время на него надо обрушивать информационный шквал (разоблачения, раскрытие преступных групп и синдикатов, коррупция и т. п.) - он будет воспринят.

- Нельзя перегибать палку с прямыми угрозами. Лучше пускать слухи о твёрдости власти (контроль за дисциплиной на производстве, в быту, якобы систематические массовые рейды по магазинам, местам массового отдыха и др.).

- Нельзя медлить с кадровыми решениями и перестановками...»

Прежде чем на введение ЧП последует какая-либо реакция, должно было пройти некоторое время. Ждали результатов.

О том, как прореагировал Ельцин на создание ГКЧП, было уже известно.

- Ельцин отказывается сотрудничать, - капризным тоном сказал Крючков. - Я с ним разговаривал по телефону. Пытался его вразумить. Бесполезно.

Прозвучало предложение арестовать.

Бакланов пометил в своих записях, которые вёл по ходу заседания: «...Брать Б. Н.»

И всё же арест Ельцина опять был отложен.

Многое указывало на то, что в парламенте удастся узаконить принятое ночью решение. События развивались благоприятно для ГКЧП. Ельцину, прежде собиравшему по первому зову миллионные митинги, в этот раз во время его выступления с танка внимало до удивительного малое число москвичей.

После полудня поступила первая официальная информация, подготовленная отделом по вопросам обороны и безопасности при президенте СССР. На 13 часов 20 минут 80 крупнейших секретных и полусекретных предприятий страны работали в обычном режиме. «Трудящиеся предприятий, - говорилось в информации, - высказывают пожелание на последовательное и твёрдое выполнение мероприятий, объявленных в Постановлении ГКЧП № 1.»

Не только в Москве, по всей стране к 16 часам не было отмечено ни одной забастовки, ни одного сколь-либо заметного митинга. Руководители союзных республик в подавляющем большинстве заняли примиренческую позицию. Даже президент Грузии, Гамсахурдиа, кичившийся своей независимостью от Москвы, заявил о готовности расформировать национальную гвардию. В своих записях Бакланов отметил: «Гамсахурдиа - «за».

- Везде было спокойно, - вспоминает 19 августа Крючков. - Первая реакция обнадёживала, даже пошла какая-то эйфория...

В кремлёвской больнице врачи работали над заключением, которое объявляло Горбачёва тяжело больным.

- Между 12 и 13 часами мне позвонил Генеральный директор ЛОО при Кабинете министров СССР Щербаткин и, сославшись на Плеханова, сказал, что необходимо подготовить медицинское заключение о состоянии здоровья президента «с усилением в последние дни», - вспоминает главный врач кремлёвской больницы Владимир Синюткин. - Плеханов, по его словам, просил передать, что это делается исключительно в интересах Михаила Сергеевича, чтобы помочь избежать ему суда и тюремного заключения...

У здания Верховного Совета РСФСР находились танки Таманской и десантники Тульской дивизий.

В центре города, в Доме культуры им. Дзержинского, засели сто вооружённых автоматами и пистолетами боевиков КГБ, доставленных сюда скрытно рано утром 19 августа.

- Еще накануне, 18 августа, - свидетельствует работник КГБ СССР Ф. Макиевский, - заместитель председателя КГБ Агеев приказал мне подготовить отряд, который в случае необходимости смог бы взять под контроль здание Верховного Совета России. Я возразил, заметив, что в здании - правительство, народные депутаты. Знал Агеева как

рассудительного, спокойного человека, но высказанное мною замечание взорвало его. Стал кричать, требуя не рассуждать, а выполнять приказы...

Подразделение, о котором шла речь, носило ничего не говорящий номер 35690 и столь же невыразительное название «Отдельный учебный центр КГБ». Свои же называли иногда подразделение просто Группой «Б». Обученные не хуже, чем боевики «Альфы», сотрудники Группы «Б» специализировались на зарубежных акциях. В случае обострения международной обстановки, в ситуациях, угрожающих безопасности СССР, они должны были с санкции президента действовать за пределами Отечества, а в случае так называемого «особого периода» - в тылу противника, взрывая мосты, нарушая коммуникации, захватывая штабы.

Профессионалов захвата от здания Верховного Совета России отделяло всего двадцать минут быстрого хода.

Ельцину некуда было деться. Как и Горбачёв, он был затворником.

...Механизм заговора набирал обороты.

37-я десантная бригада из Калининградской области передислоцировалась на аэродром в столицу Латвии - Ригу. 234-й парашютно-десантный полк усилил Таллинский военный гарнизон. 21-я десантная бригада десантировалась на аэродром Вазиани и поступила в распоряжение командующего Закавказского военного округа...

В 12.35 приступили к выявлению и подавлению радиостанций, препятствующих «нормализации обстановки», 167 постов радиоразведки и помех.

После 14.00 ГКЧП закрыл все демократические издания. С целью «задавить противоречия в самом начале» около 16 часов Янаев подписал Указ о введении в Москве чрезвычайного положения.

Стародубцев и Тизяков украсили своими автографами документы ГКЧП, принятые без них ночью с 18 на 19 августа.

Им выделили личную охрану и по просторному кабинету в Кремле, которые они заняли с неприличной поспешностью...

«Он нас ненавидел...»

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

Стародубцев Василий Александрович. 1931 года рождения. Русский.

В 1966 году закончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного обучения. По специальности агроном-экономист. Кандидат сельскохозяйственных наук.

Председатель колхоза имени Ленина Тульской области. Председатель Крестьянского союза СССР. Народный депутат СССР. Член ЦК КПСС.

Награжден золотой Звездой Героя Социалистического Труда, тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции и «Знак почёта».

- На заседании ГКЧП 19 августа Стародубцев сидел слева от меня. - вспоминает Дмитрий Язов. - У него такая размашистая подпись. Я видел, как он с удовольствием начертал её на документах ГКЧП, подписав тем самым себе приговор.

Стародубцев не просто поставил подпись. Глава Крестьянского союза СССР вслед за Янаевым и другими членами ГКЧП захватил власть, принадлежавшую президенту СССР. На долю Стародубцева, исходя из количества членов ГКЧП, пришлась одна восьмая президентской власти.

Он всегда был жаден до власти и славы. С удовольствием принимал всевозможные почётные должности и звания, ставил свою подпись под совместными статьями и заявлениями. Любил покрасоваться на ТВ.

Колхоз имени Ленина стал парадной витриной колхозно-совхозного строя. Своими успехами он должен был наглядно доказывать преимущество коллективной собственности перед частной. На то, чтобы витрина выглядела респектабельно, система не жалела средств. По полям колхоза имени Ленина бегали итальянские комбайны, стародубцевских коров оплодотворяли законсервированной спермой канадских быков. Улицы колхоза застраивались современными коттеджами. Ничего этого не было и не могло быть в других колхозах.

Демократическое руководство, в первую очередь Горбачёв, доверяли ему беспредельно, прислушиваясь к его мнению при выработке аграрной политики.

Председатель Совета Министров СССР Рыжков на развитие стародубцевской агрофирмы выделил не один миллион долларов.

Кому, казалось, и доверять, как не Стародубцеву. За ним и его двумя братьями - тоже аграриями - закрепилась слава непримиримых борцов с тоталитарной системой. Два брата Василия - Дмитрий и Фёдор, тоже председатели колхозов в Тульской области, - стали жертвами всевластия первого секретаря Тульского обкома партии Юнака - лица, приближённого к Брежневу. Хотя их судили за хищения, все понимали, что первопричиной был конфликт между братьями и партийным наместником. Об этом много писала в своё время советская пресса, освобождённая перестройкой от гнёта цензуры.

Однако по мере развития событий становилось всё более ясным, что Василий Стародубцев, сражаясь вместе с братьями против Юнака, боролся отнюдь не с системой, а за место под её солнцем.

Стоило системе, ничем не изменившейся за время перестройки, обласкать и ещё более возвысить Стародубцева, как он тут же стал в ряды её самых яростных охранников.

Реформы, ставящие целью многоукладность экономики, угрожали колхозно-совхозной монополии, во главе которой стоял Стародубцев. Её существование было возможным при отсутствии у крестьян выбора - быть

им в колхозе или вести своё хозяйство. Появись реальный выбор, отомри административно-распределительная система, и аграрный король оказался бы голым.

На выборах президента России он стал доверенным лицом Рыжкова.

Будучи невеждой в политике, ослеплённый почестями и вниманием, он не замечал того, как из кумира постепенно превращался в шута, которому в сложной многоходовой политической игре, отводится роль «человека из народа». Его уговаривали оставить политику все, кому была не безразлична его судьба, кто поддерживал его в трудные времена и радовался за него, когда эти времена миновали. Но он не слушал искренних друзей.

С пути, ведущего прочь от демократии, его не надоумили сойти даже сокрушительные итоги выборов. В его районе, где он ещё вчера был непререкаемым авторитетом, за Бориса Ельцина проголосовали 76 процентов избирателей! В ответ он ставит свою подпись под зовущим к свержению демократического руководства «Словом к народу».

- Вам, Михаил Сергеевич, - подталкивая Горбачёва к введению ЧП, говорил он на апрельском 1991 года пленуме ЦК КПСС, - пора дать критическую оценку тем коммунистам, которые настойчиво наполняют наш социалистический выбор капиталистическим содержанием. Вы, как президент и как Генеральный секретарь ЦК КПСС, имеете все полномочия, чтобы поднять народ и партию на активную работу над выполнением сложных задач нашего трудного времени. И Вы обязаны это сделать...

Характеризуя Стародубцева, Председатель Совета Министров России Иван Силаев сказал следствию:

- Он нас ненавидел...

«Самая лучшая демократия, когда власть у меня...»

Досье следствия. Справка о лице, проходящем по делу о заговоре с целью захвата власти

Тизяков Александр Иванович. 1926 года рождения. Русский.

По специальности инженер-металлург. В 1958 году окончил Уральский политехнический институт.

Кандидат экономических наук.

Участвовал в Великой Отечественной войне.

Жил и работал в Свердловске. Последняя занимаемая должность - генеральный директор научно-производственного объединения «Машиностроительный завод имени Калинина».

Президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства и связи СССР.

Награжден орденами «Знак Почета», «Трудового Красного Знамени», «Октябрьской революции» и многими медалями.

Тизяков, как и Стародубцев, возглавлял монополию. Но только промышленную. Ассоциация, которая была создана по его инициативе в ноябре 1989 года и которую он сам же и возглавил, объединила все крупные государственные предприятия страны.

На всякого, кто изъявлял желание выйти из-под опеки монополии, Тизяков смотрел как на своего врага. Главный инженер конструкторского бюро «Новатор» Вячеслав Горбаренко вспоминает, какой была реакция генерального директора Тизякова на решение «Новатора» выйти из состава научно-производственного объединения и стать самостоятельной хозяйственной единицей: «Тизяков был взбешён, у него побелели глаза, тряслись руки. Он старался сдержаться, но не мог... Позже, когда заводу отмечалось 125 лет, Тизяков в отместку лишил наше конструкторское бюро права приобрести по льготным ценам закупленные за валюту на Западе товары».

Как и Стародубцев, он был безмерно тщеславен. Считал себя великим экономистом, говорил, что «за полторы минуты» поставит на место академика Шаталина, экономическую программу Явлинского называл не иначе, как «детским лепетом», академика Агангебяна - «кабинетным недоучкой», на всех заводских совещаниях звучало, что только он может принимать верные решения. Незадолго до августа Тизяков включил в список работников, представляемых к наградам, и свою фамилию. Себе он затребовал Золотую звезду Героя Социалистического Труда.

Он не скрывал своих убеждений. По заводскому радио во всеуслышанье клеймил «изменника Горбачёва», афишировал свои связи с лидером коммунистов России Иваном Полозковым - оголтелым реакционером, делающим ставку в противостоянии законно избранным властям на так называемые «комитеты национального спасения». Когда в апреле Горбачёву удалось удержаться на посту генсека, открыто говорил при сослуживцах: «Пусть не радуется - скоро мы его из президентов погоним». Он переходил на мат, когда речь заходила о демократах, считая выше своего достоинства сотрудничать с руководителями местной исполнительной власти.

Любимая поговорка Тизякова: «Лучшая демократия такая, при которой вся власть у меня».

Научно-производственное объединение, возглавляемое Тизяковым, принадлежало к военно-промышленному комплексу, Тизяков, как и Стародубцев, работал в режиме наибольшего благоприятствования. Однако на него проливался финансовый дождь такой щедрости, которая даже и не снилась королю крупных аграриев.

Как и Крестьянский союз, Ассоциация, созданная Тизяковым, стала

силой, противостоящей проведению реформ. В конце 1990 года на своём конгрессе эта общественная организация приняла Обращение к президенту СССР, в котором заявила, что «время экспромтов в экономике кончилось» и в ультимативном тоне потребовала перевести экономику на рельсы чрезвычайного положения.

Тизяков был одержим идеей чрезвычайного положения. Остановить ход реформ стало смыслом его жизни.

Тизяков одним из первых стал разрабатывать механизм заговора. Это ему принадлежит идея создания ГКЧП как высшего органа власти.

- В начале февраля 1991 года я вместе с Тизяковым летел в одном самолёте в командировку в Москву, - вспоминает главный конструктор КБ «Новатор» Валентин Смирнов. - Тизяков сидел в кресле, расположенном впереди меня. Он что-то сосредоточенно писал. В просвет между креслами я увидел раскрытую страницу блокнота. На ней по пунктам излагался план заговора с целью реорганизации структуры управления страной. Как я понял, вся власть в СССР должна была перейти к ВКУ (Временный комитет управления СССР - первоначальное название ГКЧП. Прим. авт.), президент должен был только исполнять волю этого органа.

Когда Тизяков перелистнул страницу блокнота, моё внимание под пунктом 19 привлекла запись: «Нападки на армию, КПСС, КГБ, МВД. Выяснить, кто. Составить списки».

После того, как полёт закончился, я поделился увиденным с главным инженером КБ «Новатор» Вячеславом Горбаренко.

- Понимая, что обладаем важной информацией, мы довели её до сведения одного из народных депутатов, попросив его поставить в известность о планах Тизякова кого-нибудь из демократического руководства страны, - рассказывает Вячеслав Горбаренко, - но нашей информации не придали должного значения.

То, что увидел в самолёте Смирнов, было всего лишь малой частью документов, которые, готовя заговор, разрабатывал Тизяков. Его перу принадлежит большое количество Указов и всяческих программ.

Как и Крючков, Тизяков был убеждён, что к руководству партией пробрались люди, выполняющие задания западных спецслужб. В документе «Анализ положения в стране, причины провала перестройки и пути выхода из кризиса», который Тизяков готовил как манифест ГКЧП, говорится: «Радеющие и любящие свою державу люди не смогли бы допустить за шесть лет такого развала страны. Этот развал происходит именно по преднамеренному плану... Руководством КПСС делается всё, чтобы КПСС не нашла методов работы в новых условиях. КПСС обманута!» «Разве это, - вопрошает манифест Тизякова, - не требует: «Виновных к ответу!» Далее идёт список «виновных», к которым наряду с Горбачёвым, Яковлевым, Шеварднадзе причислен и... «верный ленинец» Егор Лигачёв.

Второй лозунг в манифесте: «Надо навести порядок в стране!» Ясное дело, что надо. Но каким образом? Рецепт Тизякова таков:

«Исполнительная власть должна быть сильной, и ей никто не должен мешать в работе... Общими силами надо бороться за спасение государства, сейчас речь идёт о вещах жизненно важных, неизмеримо более значительных, нежели судьба любого отдельного человека...».

В портфеле Тизякова следствие обнаружило целый пакет готовых Указов, которые должны были послужить делу реализации доктрины «сильного государства». Эти документы не оставляют никаких сомнений в том, что ГКЧП ставил своей целью задушить демократические реформы, вернуть общество к той системе, которая существовала в стране до 1985 года.

Жизнь в «сильном государстве», согласно Указам Тизякова, выглядела бы следующим образом.

Советы всех уровней распущены, деятельность всех партий, кроме КПСС, под запретом, кооперативное движение и неугодная пресса - тоже. Забастовки, стачки - дело подсудное. По ночам мирные граждане вздрагивают от выстрелов, т. к. один из Указов Тизякова разрешает (цитируем дословно) «командирам патрулей (офицерам) министерства обороны и КГБ, захвативших на месте преступления: кражи квартир, домов граждан, грабежа граждан на улицах, изнасиловании - расстреливать на месте без суда и следствия с составлением в последующем акта за подписью всех членов патруля и, если есть, потерпевших...».

А править «сильным государством» должен был, согласно опять же Указу Тизякова, Совет Министров СССР во главе... с самим Александром Тизяковым.

В нарисованный ГКЧП рай, с Павловым у ворот, народ бы не поверил.

19 августа 15.00-18.00

...Для Павлова

Министр угольной промышленности СССР Михаил Щадов докладывал Павлову:

- В Кузбассе начинается забастовка. Три шахты уже «лежат». Завтра за ними последуют другие. В Кузбассе надо вводить чрезвычайное положение...

Шло заседание кабинета министров СССР. Павлов сидел во главе стола. Лицо его было красным, почти багровым.

К обеду врач с большим трудом привёл его в чувство, и он явился на заседание ГКЧП. Его намеревались послать на пресс-конференцию, но он отказался, сказав, что ему надо встретиться с министрами. Никто не настаивал: разве можно в таком виде на люди?

Трудно пересказать то заседание кабинета министров. Павлов постоянно терял канву разговора, перескакивал с одного на другое.

Присутствовавшие так и не поняли, с какой целью их собирали. Большинство решило: чтобы выяснить отношение к созданию ГКЧП. Павлов почти каждого строго спрашивал: «Ты - за?»...

Свидетельствует Дмитрий Язов:

- После заседания кабинета министров, мне позвонил Павлов: «Давай, ты что там стоишь! Арестуй этих забастовщиков!» Кто-то из министров, видимо, ему сообщил о начавшейся забастовке. Здесь я понял, что он уже «созрел», слишком выпивши...

Это был последний выход Павлова «в свет». После заседания кабинета министров он уехал на дачу и более оттуда не показывался. Дальнейшему участию премьер-министра в заговоре помешал тяжёлый запой...

...Для Язова

Когда жена министра обороны СССР Эмма Язова, утром услышала лязг танковых гусениц и сообщение о создании ГКЧП, она не на шутку испугалась за мужа.

Около 15 часов к ней на дачу приехала приятельница, Наталья Аверьянова.

- Я застала Эмму плачущей, - свидетельствует Аверьянова. - Она стала говорить, что не понимает случившегося, что звонила мужу, с ним что-то не то и она хочет к нему ехать. Набрала номер мужа и попросила прислать на дачу машину.

Когда пришла «Волга», Эмма Язова попросила меня поехать с ней. Нога у неё выше колена была в гипсе. Она практически не ходила. Мы с майором, который прибыл в «Волге», сняли её с коляски и с большим трудом усадили в машину.

В Генеральном штабе министерства обороны у лифта нас встретил Дмитрий Язов. Мы прошли в кабинет, оставшись в нём втроём.

Эмма заплакала, видно было, что её слёзы ранят Язова. Он стал её успокаивать. Эмма в ответ стала говорить, что всё случившееся - это гражданская война, просила его весь этот кошмар остановить и позвонить Горбачёву.

Язов сказал: «Эмма, пойми: нет связи». Эмма опять стала плакать. После этого Язов сказал: «Эмма, ты пойми, я один».

В это время по спецканалу началась трансляция пресс-конференции ГКЧП. Эмма поинтересовалась, почему он не с ними. Язов, ничего не сказав, огорчённо махнул рукой. «Дима, - заплакала Эмма, - с кем ты связался! Ты же над ними всегда смеялся. Позвони Горбачёву...» Язов с раздражением в голосе повторил, что связи нет...

...Для Янаева

Янаев сидел в центре стола на сцене зала, битком забитом

советскими и зарубежными журналистами. Шла пресс-конференция.

- Дамы и господа, друзья, товарищи! - говорил он. - Я хотел бы сегодня заявить о том, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдаёт себе отчёт в глубине поразившего страну кризиса. Он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьёзные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса... В таком режиме, дамы и господа, работать, в каком работал президент Горбачёв все эти последние шесть лет... естественно, и организм изнашивается немножко. Я надеюсь, что мой друг президент Горбачёв будет в строю, и мы будем ещё вместе работать...

...Для Горбачёва

Перед обедом на сторожа «Зари» Вячеслава Генералова свалилась неожиданная новость: заместитель мэра Ялты в связи с тем, что Горбачёв более не является президентом, отказался поставлять продукты на дачу.

С целью уладить конфликт, Генералов направил в Ялту своего сотрудника.

Горбачёв тем временем с семьёй и своим помощником, Анатолием Черняевым, пошёл на пляж. Но не для того, чтобы искупаться...

- После полудня меня вызвал Горбачёв, - вспоминает Анатолий Черняев. - «Пора, - говорит, - принимать меры. Пойдём-ка, поговорим на балконе.» Но Раиса Максимовна предложила разговор перенести на пляж. Там, мол, уж точно не подслушают.

Разместились в пляжном шатре. Обсудив ситуацию, Горбачёв сказал: «Надо выдвинуть два требования. Записывай!» И я записал эти требования: «1. Предоставить самолёт для возвращения в Москву. 2. Восстановить связь.»...

Свидетельствует сотрудник личной охраны президента Олег Климов:

- После 15 часов из главного дома дачи вышел помощник президента Анатолий Черняев. Вручив мне пакет, в котором были требования президента, он попросил меня передать его Генералову для незамедлительной отправки в Москву...

Свидетельствует генерал-майор КГБ Вячеслав Генералов:

- После того, как я получил пакет с требованиями Горбачёва, я, не затягивая времени, позвонил Плеханову и зачитал ему текст записки. Через полчаса он нашёл меня по телефону, сказав, что требования Горбачёва переданы Янаеву...

...Заместитель начальника 9 отдела КГБ СССР в Крыму А. Костырев проводил собрание личного состава.

- Старшим на «Заре» является Генералов, - говорил он. - Все вопросы служебной деятельности решать только через него. Перестройка зашла в тупик: ГКЧП положит конец хаосу и анархии. В это сложное для страны

время, мы, сотрудники КГБ, должны проявить себя должным образом. Это проверка для нас на прочность.

Личный состав поинтересовался состоянием здоровья Горбачёва.

- Надо, - ответил Костырев, только что вернувшийся с «Зари», - ориентироваться на сообщения печати.

В 15.25 буй номер 3 выдал сигнал о нарушении водной границы «Зари». «Цель классифицируется как дельфин», - отметил в журнале дежурный сотрудник охраны.

В 16 часов на «Заре» включили телевидение.

Для охраны, свободной от службы, в кинозале крутили американский фильм «Кошмар в сумасшедшем доме».

Правда о ядерном карауле

В чьих руках советская «ядерная кнопка»? Не было, пожалуй, в дни путча вопроса более тревожного для мира. И более тёмного. Нельзя сказать, что со временем вопрос этот значительно прояснился. Свидетельством тому многочисленные «сенсации» в нашей и зарубежной прессе. 31 августа 1991 года итальянская газета «Карьере делла сера» опубликовала интервью с бывшим начальником Генерального штаба, в течение одного лишь дня занимавшим пост министра обороны, генералом Моисеевым.

- ...В те часы единственным человеком, который контролировал стратегические ядерные силы, был я. Президент был выключен, Язов - тоже. Могу сказать вам, что я обеспечивал безопасность и сделал это должным образом. Ничто не угрожало миру...

...Когда прервалась связь с дачей Горбачёва в Крыму, мы разъединили все средства связи и поместили в безопасное место ядерный портфель. Я говорю о кодах на пуск, которые были отменены. Никто не мог ими воспользоваться...

Это утверждение генерала Моисеева.

А президент Горбачёв незадолго до своей отставки в интервью французским журналистам заверял мировую общественность: «Только я могу начать ядерную войну».

Между тем, на уровне массового сознания бытует совсем иное представление о глобальных проблемах безопасности. В качестве иллюстрации процитируем статью доктора политических наук Дмитрия Ольшанского в еженедельнике «Россия» (27 ноября - 3 декабря 1991 г.). Для начала автор предлагает читателям такие, как он выражается, «факты».

«...18 августа, когда к Горбачёву в Форос прибыли эмиссары ГКЧП, всё ещё вроде бы было в порядке. Как всегда. Как положено. На месте, при Президенте, находился «хранитель безопасности» страны - дежурный офицер, «ядерный абонент», держатель того самого «чемоданчика»,

«портфельчика», в котором находятся ядерные коды, посредством которых Верховный главнокомандующий может привести в действие нашу стратегическую ядерную мощь. Так сказать, «нажать» кнопку.

После того, как депутация «чепистов» покинула Форос, офицер исчез. Неизвестно куда. Бесследно. Прямо-таки растворился. Вместе с чемоданом. И до сих пор нет ни одного сколь-нибудь официального сообщения о его последующей судьбе...»

Далее автор доводит до сведения читателей, что для генералов Генштаба «с 9 часов 40 минут первого дня путча началась сумасшедшая десятичасовая гонка», целью которой было заблокировать «ядерные замки», т.е. пункты спецсвязи, чтобы никто не смог воспользоваться «ключом», т.е. кодами, хранившимися в чемоданчике бесследно сгинувшего офицера безопасности.

Во время «сумасшедшей гонки», чуть было не закончившейся вооружённым столкновением с людьми из КГБ, генштабисты постоянно думали о пропавшем офицере и прорабатывали «три основные версии» случившегося с ним.

«Первая - самая успокоительная: парень с горбачёвским «ядерным чемоданчиком» просто «выполнил до конца инструкцию». А в ней, вроде бы, есть пункт о самоликвидации в критической ситуации. Так что «заблокировал» чемоданчик и взлетел вместе с ним на воздух...

...Вторая версия: парень скрылся, чтобы коды не попали в «чужие руки», допустим, «гэкачепистов». Не исключалось, что кто-то (скажем, сотрудники нашей армейской разведки или ещё кто-нибудь) мог помочь ему в этом. Но где он? В горах Бельбека? Или даже где-то в совсем ином месте? И что он будет делать с чемоданчиком? Контролирует ли он его? Да и вообще, не повредился ли от переживаний рассудок этого парня?

Данная версия плавно перетекала в третью, согласно которой «портфельчик» всё-таки попадал или уже попал в чьи-то совсем уже чужие руки...»

Статья большая и пересказать все «факты», которыми оперирует автор, не представляется возможным. Подчеркнём лишь только, что изложенное в ней подаётся как истина в последней инстанции, а лица, фигурирующие в этом захватывающем повествовании, известны всему миру. И потому действуют подобные публикации на умы и сердца простых граждан несомненно сильнее, чем голословные заверения в полной безопасности, изредка доносящиеся из коридоров власти.

Однако действительные события, происходившие вокруг «ядерного чемоданчика» президента, мало похожи на истории о Джеймсе Бонде или нашем Штирлице. Ни лихих погонь, ни жертвенных самоликвидации, ни хитроумных побегов - вообще ничего героического и романтического не случилось в то августовское воскресение, когда объект «Заря» был внезапно отрезан от мира.

В поездке на отдых Горбачёву сопутствовали девять служащих

Генерального штаба: три офицера связи специального оперативно-технического управления - майоры В. Мануилов, С. Соломатин, капитан В, Миронов и шесть сотрудников 9 направления Генерального штаба, подразделения, обеспечивавшего президенту СССР возможность управления стратегическими ядерными силами в чрезвычайной обстановке, при внезапном массированном ударе противника, - полковники В. Васильев, Л. Алёшин, В. Рындин, В. Рожков, подполковники В. Кириллов и И. Антипов.

Начальником группы был Васильев. На дежурство заступали по три человека - два офицера-оператора и один связист. Дежурная смена длилась сутки, начинаясь в 9 часов утра. Свободные от дежурства офицеры жили в Алупке в военном санатории. Ни радио, ни телевизора, ни телефона у них там не было. В случае необходимости они ходили звонить к сестре-хозяйке, у неё стоял городской аппарат.

Ядерная вахта на «Заре» располагалась в так называемом гостевом домике метрах в ста от президентских апартаментов. Операторы находились в одной комнате, связист - в другой. Доступ в помещение был ограничен, двери держали всегда закрытыми, обедать дежурные ходили по очереди. В распоряжении ядерного караула были следующие виды связи: специальная, связь ПМ или ВЧ, как называли её ранее, прямая связь с президентом и дежурной сменой охраны, а также обычная внутренняя связь - трёхзначная телефонная.

Ядерные адъютанты президента обязаны были выполнять только его приказы. Они не состояли в оперативном подчинении у сотрудников КГБ, однако согласовывали с ними действия на территории дачи. И, разумеется, их вход и выход контролировались охраной.

18 августа 1991 года на президентской даче дежурили офицеры-операторы В. Кириллов, И. Антипов и связист В. Миронов. Старшим в смене был подполковник Владимир Александрович Кириллов. В 16 часов 32 минуты по специальным аварийным сигналам аппаратуры офицеры-операторы узнали, что все виды связи в их помещении отключились. Погас также экран телевизора. Продолжал работать только радиотелефон, соединяющий ядерную вахту на даче со спецкоммутатором пункта правительственной связи в Мухалатке. Кириллов позвонил туда, попросил соединить с командованием в Москве, но ему ответили, что связи ни с кем нет. В 16 часов 35 минут дежурный связист смены Миронов доложил Кириллову, что из Мухалатки на его запрос о причинах отсутствия связи поступил ответ без комментариев - «Авария».

Вот что рассказал о дальнейших событиях этого дня Кириллов:

- ...Примерно в 16 часов 40 минут к нам в комнату постучал Генералов, мы открыли дверь, и он сообщил, что старшего хочет видеть генерал Варенников. Поскольку я был старшим, то я пошёл вместе с Генераловым к Варенникову, который находился в холле. Кроме него там были Плеханов, Бакланов и ещё примерно человек пять, которых я не

знал.

Варенников спросил у меня, в каком состоянии находится наш узел связи. Я ответил, что связи нет, на что он мне сказал, что так и должно быть и узел связи должен быть выключен. Я у Варенникова спросил, сколько это будет продолжаться, он ответил, что сутки. При этом он сказал, что президент всё знает.

После этого разговора они поднялись и ушли к дому, в котором находился президент, а мы продолжали заниматься восстановлением связи, пытались соединиться с Москвой, но ничего не получалось. После 17 часов спецкоммутатор в Мухалатке вообще перестал отвечать. Я подходил к охране и спрашивал, есть ли связь и что происходит, но они мне ответили, что связи нет и они не знают, что происходит.

Примерно в 17 часов 15 минут я подошёл к Плеханову с теми же вопросами, но он ответил: «Вас это не касается, продолжайте работу». В тот период я проверил прямую связь с президентом, но её также не было. Где-то в 17 часов 20-25 минут все лица, прибывшие на дачу, уехали, остался один Генералов. Около 19 часов он подошёл ко мне и сказал, что все режимные вопросы следует решать через него. Я спросил его о встрече с начальником нашей группы Васильевым, но Генералов ответил, что это невозможно, а если Васильев войдёт на территорию дачи, то выйти не сумеет...

Поскольку с ядерными адъютантами президента не случилось ничего достойного внимания до утра следующего дня, покинем Форос и перенесёмся в Москву, чтобы узнать, как реагировали на экстраординарную ситуацию в 9 направлении Генерального штаба ВС СССР, которое, как мы уже упоминали, должно было обеспечивать президенту возможность управления стратегическими ядерными силами в чрезвычайной обстановке.

Судя по свидетельским показаниям начальника этого суперважного подразделения Виктора Ивановича Болдырева, случившееся не только не подвигло штабных генералов на «десятичасовую сумасшедшую гонку за ядерными замками», но и вообще особого ажиотажа не вызвало. Впрочем, предоставим слово самому Болдыреву.

- ...18 августа 1991 года после 17 часов, более точное время указать не могу, по докладу основного центра Коммутации системы, мне стало известно, что в 16 часов 32 минуты связь с дежурной сменой при президенте СССР прекратилась. Мне сказали, что причина пока не установлена, но она выясняется.

На следующий день, т.е. 19 августа, в 7 часов 45 минут мне дежурный офицер Потапов или Перегудов, точно не помню, доложил, что причиной прекращения связи является повреждение кабеля оползнем в полутора километрах от Фороса. До прихода на работу по радио я узнал, что в стране действует ГКЧП, о подготовке и создании которого мне ничего известно не было. Тогда я понял, что за оползень повредил кабель связи...

Чтобы подивиться столь длительной безмятежности генерала, надо

знать то, что знал он:

- ...Система управления стратегическими ядерными силами предусматривает: наличие в системе абонентских комплектов президента СССР, министра обороны СССР и начальника Генерального штаба ВС СССР, объединённых пунктом управления...

...при отключении абонентского комплекта президента СССР от пункта управления разрушается вся система управления стратегическими ядерными силами, т. к. без комплекта президента СССР управление невозможно.

Таким образом, президент СССР был лишён возможности управления стратегическими ядерными силами с использованием специальной автоматической системы управления с 16 часов 32 минут 18 августа 1991 года...

Но только в 8 часов утра 19 августа начальник ядерного караула начинает предпринимать попытки разобраться в происходящем.

- ...Понимая, что произошло, я попытался связаться с дежурной сменой на Форосе, но смог дозвониться только до отдела правительственной связи в Ялте. Там соединить меня с моими дежурными отказались, сославшись на то, что линия не работает. Поэтому выяснить обстановку, создавшуюся у президента СССР, я не смог. А в 8 часов 30 минут меня вызвал начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР В. Г. Денисов и приказал эвакуировать в Москву абонентский комплект президента и группу офицеров, которые обслуживали его. На это я Денисову ответил, что связи с группой не имею...

А в это время в Форосе у полковника Виктора Тихоновича Васильева, начальника группы ядерных адъютантов президента, голова шла кругом от неожиданного поворота событий. 19 августа он должен был сопровождать Горбачёва в Москву на подписание Союзного договора, поэтому приехал на президентскую дачу пораньше, чтобы сменить дежурных и подготовиться к вылету. С ним были офицеры из очередной смены.

- ...Около 8 часов 19 августа, - вспоминает Васильев, - мы подъехали к посту внешней охраны, ворота были закрыты, их охраняли люди в форме пограничников. К нам подошёл старший лейтенант. Мы объяснили ему, кто такие, и предъявили пропуска. Он переписал наши фамилии, уточнил имена, отчества и ушёл.

Затем к нам вышел полковник, тоже пограничник, и сказал, что наши пропуска недействительны, а все вопросы решает Генералов. У меня и у других возник вопрос, что же случилось, на что полковник ответил:

«Слушать надо радио». Мы же ничего не знали, т.к. в санатории ни радио, ни телевизора у нас не было.

Тогда полковник, видя, что мы действительно ничего не знаем, вынес нам из домика охраны транзисторный приёмник. Мы услышали

«Обращение к советскому народу» и поняли, что произошло что-то не совсем объяснимое, т. к. по радио передали о том, что у Горбачёва плохое состояние здоровья и он не может исполнять обязанности президента. Мы же все знали, что М. С. Горбачёв здоров и должен сегодня лететь в Москву, т. к. вылет не отменяли и не откладывали.

Мы ждали ответа, вернее решения Генералова, больше часа и узнали о нём от того же полковника. Он передал нам, что смены не будет, никого не велено пропускать, а нам следует ехать к месту своей постоянной дислокации, т. е. в Алупку. Мы вернулись в санаторий...

Итак, генерал КГБ скомандовал начальнику ядерного караула: «Кругом, арш!», и тот безропотно подчинился. Другой реакции от него, собственно, и не приходилось ожидать. В конце концов, он был не Джеймс Бонд и не какой-нибудь камикадзе, а полковник Васильев - дисциплинированный военспец. И потому не надо было толковать ему про субординацию, про то, что в Москве есть начальство повыше и если что не так - пусть генералы Генштаба разбираются с гэбистом Генераловым.

И те действительно разобрались, причём, без всяких аффектаций, доказав тем самым, что КГБ и Генеральному штабу не было никакого резона устраивать «сумасшедшую гонку за ядерными замками», не говоря уже о том, чтобы заставлять своих людей кидаться друг на друга из засад.

Узнав от начальника 9 направления Болдырева о том, что у него нет связи с ядерным караулом президента, начальник Главного оперативного управления Генштаба Денисов тут же снял трубку и позвонил, после чего назвал Болдыреву номер телефона, по которому ему «разрешат связаться с группой». «Разрешавшим» был заместитель Крючкова Агеев. По его приказу заработали «волшебные» телефоны КГБ, Васильева нашли в санатории и велели ехать в Ялту, в отдел правительственной связи, откуда он позвонил Болдыреву.

Болдырев передал Васильеву приказ Денисова: «Сосредоточить всех офицеров в Ялте и быть готовыми к выезду на аэродром «Бельбек», где их будет ждать самолёт».

Васильев ответил, что не может вывести смену с президентской дачи, Болдырев перезвонил Денисову, Тот заверил, что всё образуется, и приказал только сообщить начальнику штаба ПВО Мальцеву список офицеров, которые должны вылететь из Фороса в Москву.

И действительно, уже к полудню прояснилась участь дежурной смены, запертой на президентской даче.

- ...Около 13 часов, - вспоминает Антипов, - зашёл Генералов и сказал, чтобы мы не волновались, всё будет нормально, и чтобы мы собрали свою аппаратуру, она ещё пригодится, и что есть приказ от Болдырева и Денисова вылететь нам в Москву,

Около 14 часов нам сообщили с КП, что приехал Васильев... Нас на автомашине КГБ отвезли на КП, за воротами ждал Васильев. Он

подтвердил, что есть приказ от Денисова через Болдырева нам выезжать. Мы перенесли нашу аппаратуру в РАФ, на котором приехал Васильев, и отправились за связистами, что были в Мухалатке на спецкоммутаторе, взяли их, потом поехали в Алупку, забрали тех, кто был там, и уже все вместе отправились в аэропорт «Бельбек»...

В 19 часов 40 минут ядерный караул в полном составе улетел в Москву на самолёте президента и увёз с собой его абонентский комплект, приведённый в нерабочее состояние путём стирания магнитной памяти. Во «Внуко-во-2» офицеры сдали встречавшим их представителям Генштаба оружие и аппаратуру, после чего были развезены по домам, за исключением Васильева, который как старший группы отправился к начальству на доклад.

Та поистине будничная простота, с которой президент, Верховный главнокомандующий Вооруженных Сил, был отстранён от контроля над стратегическим сверхоружием, неопровержимо свидетельствует о том, что фактически он никогда не владел ядерной кнопкой. Управление ядерными силами всецело находилось в руках генеральской верхушки армии и КГБ.

Между тем и мировую общественность, и президента всячески заверяли, что без президентского приказа «атомный кулак» не ударит, что вся система управления ядерными стратегическими силами «Казбек» замкнута на абонентский комплект президента, который устроен так, что даже попади он в чужие руки, злоумышленникам не удастся им воспользоваться, а в случае отключения его от системы вся она парализуется.

Вспомним, однако, цитировавшееся в начале этой главы утверждение начальника Генштаба Моисеева, что он был единственным человеком, контролировавшим стратегические ядерные силы в дни путча, и сопоставим их с показаниями Юрия Дмитриевича Маслюкова, длительное время являвшегося председателем Государственной военно-промышленной комиссии кабинета министров СССР и входившего в состав Совета обороны страны. Будучи допрошенным в качестве свидетеля, он на вопрос, состоится ли ответный ядерный удар, если президент СССР лишён возможности доступа к системе «Казбек», дал такой ответ:

- Аппаратура командной боевой системы позволяет осуществить ответный ядерный удар по процедуре работы, определяемой Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР. Данная процедура мне неизвестна. Иными словами, в случае, если нет ответа о получении сигнала президентом или министром обороны, либо отсутствует связь, то техническая возможность нанесения ответного ядерного удара имеется...

Да, «ударить», и не только в ответ, можно было и без президента. Вот почему в Генеральном штабе не вызвало особых волнений исчезновение связи с президентским ядерным караулом. Там знали истинную цену «чемоданчика».

Молчание Лукьянова

Поведение Лукьянова во время августовских событий было далеко не таким, каким он его сам рисует.

Свидетельствует председатель Верховного Совета Чувашской АССР Анатолий Леонтьев:

- Я был на приёме у Лукьянова утром 19 августа вместе с другими главами автономных республик, прибывшими на церемонию подписания Союзного договора. Он нас с готовностью принял. Разъяснил, что позиция, изложенная в его Заявлении не новая, что он и ранее говорил, что выработанный вариант Союзного договора идёт вразрез с волей народа, однозначно высказавшегося в пользу сохранения СССР. Объясняя, в связи с чем создан ГКЧП, Лукьянов охарактеризовал обстановку, как тяжёлую, говорил, что экономика разваливается, порядок разрушается, дисциплина падает.

Мы спросили о состоянии здоровья Горбачёва. Лукьянов ответил, что Горбачёв болен, но не на столько, чтобы опасаться за его жизнь. Однако исполнять обязанности президента он не может. Я и другие представители автономных республик высказались, что в таком случае нужно заключение врачей и заявление самого Горбачёва. Из ответа Лукьянова мы поняли, что это будет сделано, а на предстоящей сессии Верховного Совета СССР будут подтверждены полномочия ГКЧП и вице-президента Янаева Г. И....

Свидетельствует народный депутат СССР, член комиссии Верховного Совета СССР по законности и правопорядку Олег Бородин:

- 20 августа в составе большой группы депутатов, представляющих демократическое крыло в парламенте, мы пришли к Лукьянову. Мы ставили перед Лукьяновым два главных вопроса. Во-первых, признать действия ГКЧП незаконными, во-вторых, немедленно созвать сессию Верховного совета СССР. Лукьянов уходил от прямых ответов и даже пытался в какой-то мере обосновать действия ГКЧП, ссылаясь на сложную ситуацию в стране, письма трудящихся, которые поддерживают введение ЧП. Когда мы обратили внимание Лукьянова на нарушение порядка вступления вице-президента Янаева в исполнение обязанностей президента страны, он ответил, что существуют ситуации, когда это возможно и необходимо. Лукьянов заявил нам, что якобы 13 августа разговаривал с Горбачёвым и тот жаловался на давление и сердце. Лукьянов заявил, что читал медицинское заключение об ухудшении здоровья Горбачёва и что такое заключение у него есть. Кто-то предложил опубликовать это заключение, т. к. этого требует народ. В раздражённом, повышенном тоне Лукьянов потребовал не говорить от имени народа, угрожая прервать беседу. Мы вели стенограмму этой встречи...

Из стенограммы встречи Лукьянова 20 августа 1991 года с народными депутатами СССР, представляющими демократическое крыло:

...Лукьянов:

- 14 августа заместитель главы правительства России Лобов заявил, что не согласен с целым рядом положений Союзного договора, что Россия не будет выполнять целый ряд пунктов Договора. Поэтому Михаил Сергеевич просил на 21 августа собрать Совет Федерации,

В ответ мы получили издевательский ответ Ельцина, что после подписания Союзного договора никаких Советов Федераций и никаких союзных органов не существует.

Я подписал Постановление о созыве сессии. Мы несколько раз проигрывали схему сбора народных депутатов СССР. На сбор сессии уходит не меньше, чем четыре с половиной дня.

Идёт очень большой поток телеграмм, требующих суда над президентом. Моё отношение: не трогать президента. Он сделал для этого общества как никто другой.

А что касается заключения медицинской комиссии, то оно у меня есть.

Депутаты:

- Народ требует, чтобы его напечатали. Народ хочет знать, что с нашим президентом.

Лукьянов (кричит):

- Я не позволю говорить от имени народа.

Реплика:

- Но нас выбирал народ. А мы избрали Вас. Вы должны это помнить...

Свидетельствует вице-президент России Александр Руцкой:

- В состав делегации, направившейся к Лукьянову 20 августа, помимо меня, вошли председатель Верховного Совета РСФСР Руслан Хасбулатов и председатель Совета Министров России Иван Силаев.

Мы потребовали немедленно собрать Президиум Верховного Совета, провести экстренное заседание и принять решение о противоправности действий ГКЧП. Лукьянов ничего определённого не сказал. Он был в праве и в силах созвать Президиум Верховного Совета СССР и дать соответствующую оценку происходящему, но не сделал этого...

Свидетельствует председатель Верховного Совета России Руслан Хасбулатов:

- Лукьянов сказал, что не считает необходимым срочно собирать сессию, что мы ошибаемся в оценке ГКЧП. Он говорил: «Вернётся завтра президент, поручит всё тому же ГКЧП, а как вы будете в таком случае с ним сотрудничать?» На что я сказал, что с этим ГКЧП мы сотрудничать не будем, даже если его назначит президент...

Свидетельствует председатель Совета Министров РСФСР Иван Силаев:

- Ультиматум, составленный нами накануне, включал 10 требований. Первые три пункта касались президента: первое - в 24 часа предоставить возможность встречи с президентом, второе - организовать международный медицинский консилиум, третье - если президент может выполнять свои функции, обеспечить ему такую возможность.

А смысл последних, 9-го и 10-го, пунктов был таким: признать и объявить антиконституционными действия путчистов и отменить все их постановления.

Положили наш документ на стол - он сразу же нас упрекать стал. Вот вы дождались, вы неправильно себя ведёте, Горбачёв заболел, тяжело заболел, возможно, безнадёжно...

Свидетельствует ведущий программы «600 секунд» Санкт-Петербургского ТВ Александр Невзоров:

- Утром 19 августа часов в 11 утра я позвонил Лукьянову, чтобы узнать его отношение к случившемуся. Ответ Лукьянова сводился к тому, что поскольку он не является прямым участником происходящего, то не хотел бы давать интервью, так как сам ещё до конца не разобрался. Второй раз я позвонил Лукьянову в 22.30. Хотел поделиться с ним своими впечатлениями от всего происходящего и, главным образом, от выступления мэра Санкт-Петербурга А. Собчака. На мой взгляд, это выступление провоцировало на столкновение народ и войска. На это Лукьянов сказал, что всё в порядке. Это меня разозлило: как это можно так легкомысленно оценивать речь Собчака. Я спросил, что он собирается делать. Лукьянов ответил, что планирует поехать на дачу. Я просто был этим шокирован. Спросил его, что делают члены ГКЧП, на что он ответил, что тоже отдыхают...

...Лукьянов молчал. Его молчание было весомей, чем демонстрация силы армией и КГБ. Час, когда Лукьянов должен был выйти на сцену и заговорить, ещё не пришёл. До сессии Верховного Совета СССР оставалась неделя...

Досье следствия. Документ без комментария

«В случае болезни президента нужны врачи. А не танки на улицах...» (Обращение председателя европарламента Э. Барона кресло к Анатолию Лукьянову) [6]

Господин Председатель, уважаемый коллега, в момент, когда я писал Вам письмо с благодарностью за оказанное мне чудесное гостеприимство и интересные беседы, я узнал о государственном перевороте в СССР. Затем до меня дошла, хотя несколько необычным путём, информация о ключевой роли, которую, как представляется, Вы играете в настоящий момент.

Учитывая всю сложность происходящих событий, позволю себе поделиться с Вами информацией и высказать Вам один совет. Прежде

[6]Поступило в Кремль 20 августа 1991 года.

всего сообщаю, что мною принято решение созвать в крайне срочном порядке 23 августа в 14.00 заседание расширенного бюро Европейского парламента с тем, чтобы совместно с председателем Совета Министров ЕС обсудить нашу линию поведения.

Вы прекрасно знаете, с каким вниманием и интересом Европейский парламент следил за сложным процессом движения к демократии, который переживала Ваша великая страна. Поэтому в четверг Вы получите ясный ответ: мы будем с теми гражданами, женщинами и мужчинами, которые смело и решительно встали перед танками. Со своей стороны я бы мог Вам сказать, что я полностью поддерживаю требования, которые Вам направил президент Российской Федерации г-н Борис Ельцин.

Позвольте мне, как Вашему коллеге, дать совет, проистекающий из того, что в соответствии с Парижской Хартией, мы разделяем принципы парламентской демократии. Вы, надеюсь, согласитесь со мной в том, что в случае болезни президента СССР нужны врачи, а не танки на улицах. Исходя из моего личного опыта мог бы Вам сказать, что танки и избирательные урны несовместимы и, более того, танки могут только отсрочить, но никоим образом не решить проблем жизнеобеспечения.

С учётом большого количества дел, которые мы с Вами должны совместно осуществить с тем, чтобы сделать из нашего континента пространство мира и процветания, вызывает сожаление тот факт, что есть люди, которые испытывают ностальгию по прошлому и хотели бы остановить часы истории.

Я надеюсь, что Верховный Совет сможет защитить демократию и права человека перед лицом грубой силы.

Примите, господин Председатель и уважаемый коллега, заверения в моём высоком уважении.

Э. Барон Креспо.

Заявление Бакланова

Ситуация для заговорщиков обострилась к ночи. Пока шла пресс-конференция, вслед за объявлением решений ГКЧП «незаконными и не имеющими силы», Борис Ельцин подписал Указ о том, что подразделения МВД, КГБ и министерства обороны, расположенные на территории России, обязаны «незамедлительно исполнять все распоряжения президента РСФСР», то есть объявил армию, дислоцировавшуюся в России, своей.

Идеально сработавшая в Чехословакии модель дала трещину.

После пресс-конференции, на которой заговорщики откровенно оскандалились на весь свет, встревоженные Бакланов и Тизяков направились к Янаеву.

Крючков, Бакланов, Язов, Тизяков, Пуго - костяк ГКЧП - предпочитали жёсткие меры. Стародубцев готов был голосовать за что угодно. Куда все

- туда и он. Лукьянова можно было не брать в расчёт. В случае кардинального развития событий Верховный Совет и съезд были бы немедленно распущены: «чилийский вариант» заговора несовместим с парламентскими дебатами. Проблема заключалась только в Янаеве, который, будучи классическим советским чиновником, боялся ответственности пуще всего.

Во время обыска в Кремле следствие обнаружило недописанное заявление Бакланова. Этот документ - подтверждение того, что вечер 19 августа стал кульминацией борьбы за жёсткий исход событий.

«И.о. Президента СССР Янаеву Г. И. от члена ГКЧП Бакланова Олега Дмитриевича

Заявление

Уважаемый Геннадий Иванович! В связи с неспособностью ГКЧП стабилизировать ситуацию в стране, считаю дальнейшее участие в его работе невозможной. Надо признать, что...»

На этом заявление прерывается.

Бакланов пригрозил хлопнуть дверью.

С Украины к решительным действиям подталкивал Валентин Варенников.

В 20.58 в Москву была отправлена его шифрограмма с припиской: «Немедленно доложить».

Москва.

Государственный комитет по чрезвычайному положению.

Докладываю:

Оценивая первые сутки, пришёл к выводу, что большинство исполнительных структур действуют крайне нерешительно и неорганизованно. Правоохранительные органы фактически вообще не выполнили никаких задач. Это чревато тяжёлыми итогами.

Совершенно необъяснимо бездействие в отношении деструктивных сил, хотя накануне всё было оговорено. На местах мы не можем ничем объяснить гражданским руководителям и военнослужащим причины аморфного состояния в Москве. Идеалистические рассуждения о «демократии» и о «законности действий» могут привести всё к краху с вытекающими тяжёлыми последствиями лично для каждого члена ГКЧП и лиц, активно их поддерживающих. Но самое главное даже не в том, что каждого ждёт тяжёлая участь (лишение жизни и презрение народа), а максимальное дальнейшее ухудшение событий для страны. Реально государство будет ввергнуто в катастрофу. Мы не можем это допустить!

Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас К Москве. Мы все убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б. Н. Здание правительства РСФСР необходимо немедленно надёжно блокировать, лишить его водоисточников,

электроэнергии, телефонной и радиосвязи и т. д.

Сегодня судьба государства именно в разрешении этой проблемы, поэтому никто и ничто не должно остановить нас при достижении намеченной цели. Нерешительность и полумеры только подтолкнут экстремистов и псевдодемократов к ещё более жёстким и решительным действиям.

Главнокомандующий сухопутными войсками

Генерал армии Варенников.

19 августа 1991 года.

Еще днём, в 15.20, он отправил в Москву шифрограмму, в которой писал: «На Украине стало известно обращение Ельцина к народам России. Подавляющее большинство населения и воины военных округов отрицательно отнеслись к этому шагу и одновременно с возмущением высказываются по поводу возможности Ельцина Б. Н. свободно деструктивно действовать в отношении решений ГКЧП».

19 августа Янаев так ни на что и не решился...

Досье следствия. Документ без комментария

Стратегический прогноз и возможные пути развития ситуации в связи с введением чрезвычайного положения

Тезис первый. Об уровне контрастности нового курса по отношению к прежнему. Опасность справа и необходимость о ней заявить. Острая борьба за власть в период трёх недель. Основные сценарии:

1. Массовое гражданское неповиновение. Переворот слева. Возвращение к ситуации до 20 августа, но уже в режиме террора по отношению к коммунистам и высшим эшелонам государственного управления.

2. Резкий крен вправо. Обвинение существующего постгорбачёвского руководства в содействии Горбачёву. Обострение борьбы за власть с постепенным переходом её к силам ортодоксально-правой ориентации. Принцип - все, кто были с Горбачёвым - виновны. Возможный срок - от двух недель до двух месяцев.

3. Политика бездействия. Новых мер не происходит. Идёт запаздывание по всем остальным компонентам. Шок чрезвычайного положения проходит. Идёт осознание того, что всё это не всерьёз. Одновременно психологическая атака Запада. Средства массовой информации оказываются неспособными вести активную политику. Образ ситуации формируется нашими противниками. Режим гниения продолжается и углубляется. Срок сброса - до шести месяцев.

4. Жёсткий инициативный курс. Пакеты мер, следующие друг за другом с периодом в несколько недель. Ощущение социального облегчения. Внятное и «несуконное» объяснение с народом. Последний сценарий требует:

первая позиция - заявление об уровне контрастности курса и его преемственности;

вторая позиция - обеспечение максимальной легитимности. Резкое ускорение срока сбора законодательных органов;

третья позиция - новый тип работы со средствами массовой информации. Предъявление всей меры опасности сложившейся ситуации для народа. Внятное объяснение неконституционности и абсурдности действий последнего месяца. История перестройки. Образ и перспективы. В совокупности речь идёт о новых методах ведения психологической войны с Западом, который развернёт войну невероятной силы в этом регистре. К этому надо быть готовыми незамедлительно. Пик войны - десятый день от часа «Х», т. е. 30 августа;

четвёртая позиция - экономика и образ новых радикальных реформ. Цены. Образ будущего. Тупиковость политики предшествующего периода;

пятая позиция - межнациональные отношения. Незамедлительное определение новой политики в этой сфере. Мониторинг за реальной ситуацией. Постоянное маневрирование с привлечением всё большего числа сторонников. Эмиссариат в регионах, способный говорить с населением, а не традиционные люди;

шестая позиция - новое в КПСС. В течение месяца это станет вопросом чрезвычайной важности;

седьмая позиция - рабочая политика;

восьмая позиция - новый банк кадров. Инвентаризация публикаций и людей. Кто пришёл? На это общество должно получить чёткий ответ;

девятая позиция - криминалитет, вопросы борьбы с преступностью как политика;

десятая позиция - государство, его перспективы и формы устройства.

Мы опасаемся того, что несколько месяцев, отведённые для решительной инновационной политики, способной предотвратить нежелательные варианты развития событий, будут потеряны.

Какой была ночь с 19 на 20 августа!

...Для майора Евдокимова

Радио «Эхо Москвы» в вечерних и ночных выпусках особый акцент сделало на сообщении о том, что 10 танков под командованием Сергея Евдокимова перешли на сторону Бориса Ельцина и взяли под защиту Белый дом. Эта новость, подхваченная другими радиостанциями, разнеслась по всему свету.

Из протокола допроса заместителя начальника штаба танкового батальона воинской части 61896 Таманской танковой дивизии майора Сергея Евдокимова:

- ...Танковое подразделение, с которым я вошёл в Москву, встало на боевое дежурство у моста, расположенного напротив Верховного Совета РСФСР. О том, что в стране введено чрезвычайное положение, мы узнали от москвичей, которые окружили наши танки. Люди, разговаривая с нами, предлагали переходить на сторону Ельцина. В «звёздочки» моего и некоторых других танков ими были вставлены металлические прутья, чтобы мы не могли двигаться.

Вскоре меня разыскали народные депутаты России, которые сказали, что меня в Белый дом к себе приглашает вице-президент России Александр Руцкой.

Когда меня провели к Руцкому, он объяснил, что происходящие события являются заговором, что Горбачёв заблокирован в Крыму, что власть захватил ГКЧП, который планирует напасть на Белый дом, и предложил мне оказать помощь Верховному Совету РСФСР от возможного нападения. Я согласился. Он подошёл к макету и показал, где лучше расположить танки.

Вместе с депутатами я спустился вниз, к людям. Депутаты в мегафон объявили, что, якобы, танки под моим командованием перешли на сторону Ельцина.

К зданию Верховного Совета нам удалось перегнать только шесть из десяти танков. Уже были построены первые баррикады, наступила ночь, к Белому дому шёл народ и, чтобы избежать несчастных случаев, мы оставили остальные машины у моста.

Ночь я провёл в танке, покидая его лишь изредка...

...Для Стародубцева

После 8 часов вечера 19 августа новоиспечённый член ГКЧП Василий Стародубцев надел костюм, выдержанный в строгом стиле, оглядел себя придирчиво в зеркало и спустился в холл самой престижной и дорогой гостиницы ЦК КПСС «Октябрьская», куда его поселили после того, как он поставил свою подпись под документами Комитета. Внизу его ждала жительница Петропавловска-Камчатского Вера Сергеева (фамилия свидетеля изменена по этическим соображениям. Прим. авт.) с 16-летней дочерью Галиной.

Сергеева давно мечтала переехать с далёкого Сахалина в Центр России. Василий Стародубцев, с которым она познакомилась на Крестьянском съезде, обещал ей в этом помочь. Но обещания всё не реализовывались. Стародубцев постоянно ссылался на занятость. Наконец 13 августа он сказал, что решил её устроить вместе с дочкой в своём колхозе.

Утром 19 августа, услышав по радио сообщение о создании ГКЧП, в который вошёл и Василий Стародубцев, Сергеева, позвонила в Крестьянский Союз. Напомнив о данном ей обещании, она поинтересовалась у Стародубцева, что происходит. «Вечером я Вас сам найду и всё объясню,» - ответил Стародубцев,

Вечером он пригласил её для окончательного обсуждения трудоустройства приехать в «Октябрьскую».

Через несколько минут после того, как Сергеева вместе со своей дочерью в сопровождении Стародубцева поднялись на лифте в номер, раздался телефонный звонок. Звонили снизу. К Стародубцеву пришёл полковник, которого хозяин гостям представил Николаем.

Свидетельствует Вера Сергеева:

- Сказав, что ужин заказывать в номер долго и хлопотно, Стародубцев предложил нам с полковником сходить в буфет и там что-нибудь купить поесть. Я и полковник пошли в буфет, а Галина осталась в номере со Стародубцевым. В буфете полковник, к моему удивлению, купил только два пирожных, объяснив это тем, что они со Стародубцевым не едят пирожных, из чего я заключила, что они хорошо и давно знают друг друга. Минут через десять мы вернулись в номер и сели за стол... Полковник открыл шампанское, и Стародубцев предложил тост «За свободную Россию!»...

Свидетельствует Галина Сергеева:

- Телевизор был включён. По нему шёл в записи отчёт с пресс-конференции. Перед тем моментом, когда политический обозреватель «Известий» Бовин, должен был спросить Стародубцева, как он оказался в ГКЧП, Василий Александрович оживился, воскликнув: «Смотрите, смотрите, сейчас этот толстый зацепит меня!»...

Свидетельствует Вера Сергеева:

- Я, полушутя, сказала Стародубцеву, что ГКЧП на самом деле, как и говорят журналисты, смахивает на хунту. Лицо Стародубцева сделалось самодовольным, было видно: слово «хунта» польстило ему.

Затем я поинтересовалась, видит ли Горбачёв пресс-конференцию. Стародубцев всё с той же самодовольной усмешкой ответил: «Не знаю, телевизор, быть может, ему оставили.»

Я стала высказывать сочувствие Горбачёву и опасение за его здоровье. Стародубцев прервал меня: «Да ты не волнуйся, его просто заперли.»...

Свидетельствует Галина Сергеева:

- Около полуночи полковник Николай, которого Стародубцев почему-то вдруг назвал Алексеем, собрался домой. Стародубцев о чём-то долго с ним разговаривал в коридоре. А затем, когда полковник ушёл, бесцеремонно, прямо на наших глазах разделся до плавок и стал энергично приседать, делать зарядку...

Свидетельствует Вера Сергеева:

- Дочь Галина стала просить меня уйти. Но Стародубцев ответил, что без него нас из гостиницы не выпустят, что в номере есть вторая кровать и мы можем расположиться спать на ней.

После этих слов он лёг в постель, накрывшись одеялом. Нам ничего не осталось делать, как остаться. Дочь легла на вторую кровать, а я всю ночь просидела в кресле...

...Для Горбачёва

Посмотрев пресс-конференцию ГКЧП, Горбачёв вызвал сотрудника охраны Олега Климова и попросил выяснить, нет ли ответа на его требование, переданное днём через Генералова в Москву.

Генералов, когда Климов передал ему вопрос президента, сначала не знал, что ответить. Потом недовольно поморщился и сказал:

- Никакой информации из Москвы не поступало. Ночь стояла лунная и душная.

Посты были удвоены. Приехавшие вместе с Генераловым офицеры КГБ несли службу вооружённые автоматами. Все гаражи с машинами, оснащёнными спецсвязью, были опечатаны и взяты под охрану.

За зашторенными окнами семья Горбачёвых записывала с помощью любительской видеокамеры Заявление президента:

- То, что я хочу сейчас сказать перед телекамерой, я хочу, чтобы всё это стало известно народным депутатам СССР, Верховному Совету СССР, советской и мировой общественности. - говорил президент, - ... Я заявляю, что всё, что касается состояния моего здоровья, - это обман. Таким образом, на обмане совершён антиконституционный переворот. Законный президент страны отстранён от исполнения своих обязанностей... Я лишён правительственной связи, самолёт, который здесь находился со мной, и вертолёты также, отосланы, не знаю - в какое место и где они находятся. Я лишён всякой связи, контактов с внешним миром. Я - под арестом, и никто не выпускается за территорию дачи...

Свидетельствует зять Горбачёва Анатолий Виргинский:

- После окончания выступления я проверил качество записи. Всё получилось хорошо - цвет, звук. Потом мы с Ириной стали разбирать кассету. За неимением отвёртки воспользовались пилкой из маникюрного набора. Предварительно после каждого дубля, всего их было четыре, были сделаны надрезы на плёнке. По ним мы разрезали запись и каждую копию намотали на бумажные трубочки. Потом завернули каждую из четырёх частей в бумагу и заклеили скотчем. И стали думать, как передать плёнки в Москву...

«Ельцин будет отправлен в «Завидово»...»

Утром 20 августа членам ГКЧП был предложен безжалостный анализ совершённых ими просчётов. В документе «Оперативная разработка по обеспечению чрезвычайного положения, начиная с 20-го августа» аналитики из КГБ назвали первыми среди 11 важнейших ошибок следующие:

- Отсутствие реального обеспечения чрезвычайного положения в Москве.

- Отсутствие контроля за передвижением и переговорами ключевых политических фигур, являющихся источниками политической напряжённости и возможных беспорядков в городе и стране.

- Сохранение связей между источниками возможного неподчинения, организованными группами и движениями, настроенными на срыв мероприятий, которые намечены ГКЧП.

- Отсутствие согласованного комплекса мер по локализации и изоляции отдельных группировок и их лидеров.

- Неосуществление своевременного захвата антиправительственных средств массовой информации...

Ситуация изменилась. Причём со стремительностью, которой никто в ГКЧП не ждал. За истёкшие восемь часов она стала взрывоопасной и грозила выйти из-под контроля.

Ельцин, игнорируя введённое в Москве чрезвычайное положение, назначил на 12 часов у здания Верховного Совета России митинг протеста против ГКЧП. Лукьянов сообщал с беспокойством, что, судя по реакции народных депутатов, набрать две трети голосов в парламенте для обеспечения ГКЧП статуса законного образования, вряд ли удастся. Просочилась информация о действительном положении Горбачёва. Агентства со ссылкой на «компетентные источники» сообщали о том, что президент СССР здоров, но находится под «домашним арестом» в Форосе. Эта информация укрепила позиции российского руководства, и оно призвало ко всеобщей политической забастовке.

Стало ясно, что медлить с арестом Ельцина более нельзя.

Подготовка к захвату здания Верховного Совета России началась в 9 часов утра.

- Утром Крючков по телефону поручил мне связаться с заместителем министра обороны Ачаловым для разработки операции по блокированию и захвату Белого дома, - вспоминает заместитель председателя КГБ Гений Агеев. - Он назвал место, куда будет отправлен арестованный Ельцин. Это было всё тоже «Завидово»...

Досье следствия. Документ без комментария

Из «Оперативной разработки по обеспечению чрезвычайного положения, начиная с 20 августа»:

Цель - принятие экстренных мер по исправлению тактических ошибок, допущенных в период с 04 часов утра 20 августа текущего года.

Действия по исправлению ошибок начального периода введения ЧП:

- Незамедлительный анализ заявлений всех не взятых своевременно под контроль лидеров антигосударственной ориентации с целью

выявления и немедленного блокирования последствий их заведомо деструктивных и лживых призывов и обвинений.

- Создание службы (служб) сбора информации и штаба (штабов), ведущих, как минимум, ежечасный анализ и вырабатывающих экстренные стабилизационные меры. Наличие нескольких «точек схода» информационных потоков объясняются спецификой начального периода, возможными утечками информации и пр.

- Все документы должны выходить в виде Указов и. о. Президента СССР, что обеспечит конституционную законность принимаемых мер.

- Должны быть незамедлительно назначены лица, персонально ответственные за исполнение принятых решений по различным направлениям проведения стабилизационных мероприятий в условиях ЧП. Наделить указанных лиц необходимыми полномочиями и структурами (в т. ч. и на местах), обеспечивающими выполнение соответствующих обязанностей.

- Назначить руководство на местах (в республиках, краях, областях и т. п.), как правило, из лиц, уже занимающих эти посты с соответствующими указаниями выполнять исключительно указания и. о. президента, руководителей направлений в рамках только союзного законодательства...

- Во все типографии и организации, имеющие множительную аппаратуру, назначить людей, препятствующих размножению литературы, не разрешённой по условиям чрезвычайного положения. Аналогичные меры провести в системе средств массовой информации, издательствах газет и журналов...

- ...всем правоохранительным органам, военным комендантам, а при их отсутствии начальникам гарнизонов изолировать на определённый срок лиц, призывающих к организации забастовок, митингов, демонстраций и других актов гражданского неповиновения...

- Обеспечить предельно возможный режим глушения зарубежных передач...

- Выпустить Указ с предусмотрением к ответственным лицам исполнительной власти карательных санкций за несвоевременный сбор и сверхнормативные потери урожая...

Специальные меры:

- В течение двух ближайших дней обеспечить стратегическое выступление А. И, Лукьянова, в котором будет дана разработка сложившейся ситуации по ключевым проблемам, требующим идеологического разъяснения и не получившим развёрнутого объяснения.

Сюда входят:

- Весь блок вопросов о нарушении Конституции в предшествующий период. Моральная и государственная правность ЧП.

- Юридическая правность ЧП.

Янаев имеет право вводить ЧП, и все нормы соблюдены.

- Экономическая и хозяйственная правность ЧП. Бедствия, угрожающие народу.

- Доводы из мировой практики. Кто именно вводит чрезвычайное положение и почему (Де Голль и пр.)...

- Опровержение доводов деструктивных сил.

- Вопрос о том, что мы собрались всерьёз исправлять ситуацию, «без шуток».

Такая стратегическая роль должна сопровождаться серией статей о каждом из пунктов выступления, разворачивающих и аргументирующих его. Примерное количество - 10 акций на каждый подпункт...

Каким было утро 20 августа?

...Для Янаева

Янаев готовился к утреннему заседанию ГКЧП - редактировал Указ о чрезвычайных мерах по уборке и сохранению урожая: «...организовать привлечение на уборку зерновых, овощей, картофеля и других сельскохозяйственных культур, а также на заготовку кормов рабочих и служащих, студентов, учащихся и военнослужащих...»

- Когда я зашёл к нему, он был один, - вспоминает член Совета безопасности СССР Евгений Примаков. - Я посоветовал ему незамедлительно встретиться с Язовым и выводить войска. Он пообещал, что всячески будет содействовать тому, чтобы вернуть события в «нормальное состояние». И стал говорить, что он «заложник», что ему «выкрутили руки», что «у него не было выхода: или согласиться после двух часов уговоров, или...» - вместо продолжения, он выразительно приставил указательный палец к виску.

Потом, анализируя разговор, я особо выделил сказанное им: «В апреле я не поддался. А в этот раз не выдержал...»

Значит, они собирались сделать это ещё в апреле...

...Для Лукьянова

После разговора с Руцким, Силаевым, Хасбулатовым, которые предъявили Лукьянову письменное требование «в течение 24 часов с момента получения этого документа» организовать встречу с Горбачёвым, позвонил председатель Всесоюзной телевизионной компании Леонид Кравченко.

- Я попросил Лукьянова прийти на ТВ и прокомментировать сложившуюся обстановку, - свидетельствует Кравченко, - оговорив при этом, что если у него нет времени приехать к нам, то мы пришлём съёмочную бригаду к нему, запишем интервью в кабинете.

Лукьянов ответил, что он очень занят, что к этой истории никакого отношения не имеет, и в теледебаты по этому поводу вступать не желает...

Операцию назвали «Гром»...

В середине дня 20 августа в кабинете заместителя министра обороны СССР Владислава Ачалова собрался цвет советского генералитета. Здесь был командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачёв - будущий министр обороны России. Национальный герой, бывший командующий советскими войсками в Афганистане заместитель министра внутренних дел СССР Борис Громов. КГБ представлял первый заместитель председателя генерал-полковник Гений Агеев. Поблизости от него, в пятнистой спецназовской форме, сидел генерал Виктор Карпухин, начальник Группы «Альфа». Рядом - командир воинской части 35690 (Группа «Б») Борис Бесков...

Обсуждали, как взять Белый дом. Операция вчерне была разработана на совещании, состоявшемся с утра в КГБ под руководством Гения Агеева. Теперь к её обсуждению были привлечены армия и МВД.

У Ачалова собрались профессионалы. План, составленный ими, был безукоризнен.

Он предусматривал согласованные, синхронные действия трёх ведомств: армии, КГБ и МВД.

Десантники под руководством генерала Александра Лебедя, взаимодействуя с мотострелковой дивизией особого назначения министерства внутренних дел (ОМСДОН), должны были блокировать здание Верховного Совета со стороны посольства США и Краснопресненской набережной, взяв Белый дом в кольцо и перекрыв тем самым к нему доступ. В случае, если будет отток людей, предусматривалось направлять их вдоль Краснопресненской набережной в сторону расположенного поблизости международного туристского Центра.

Изюминкой операции было предложение Громова наступать на здание Верховного Совета России «клином». ОМОН (отряд милиции особого назначения) и десантники вклинивались в массу защитников, оставляя за собой проход, по которому к Белому дому продвигалась «Альфа», за ней - Группа «Б», а потом и - «Волна», подразделение КГБ Москвы и Московской области, в которое входят наиболее физически подготовленные сотрудники.

Роли всех участников операции были чётко расписаны.

«Альфа» гранатомётами вышибает двери, пробивается на пятый этаж, к кабинету Ельцина, и захватывает президента России.

«Б» подавляет очаги сопротивления.

«Волна», разбитая на «десятки», совместно с другими силами

управления КГБ Москвы и Московской области, осуществляет «фильтрацию»: выяснение личности и задержание подлежащих аресту, в числе которых - всё руководство России.

Включённые в «десятки» фотографы запечатлевают ответный огонь защищающихся, чтобы можно было сказать, будто те начали стрельбу первыми.

Спецназ КГБ блокирует все 20 выходов из здания.

Проход в баррикадах проделывают специальные машины. Три танковые роты оглушают защитников пальбой из пушек.

С воздуха атаку поддерживает эскадрилья боевых вертолётов...

...В разгар обсуждения в кабинет вошёл генерал Лебедь. Он только что побывал возле здания Верховного Совета и был заметно взволнован.

- Очень много собралось народа, - сказал он. - Сооружаются баррикады. Значительных жертв не избежать. В Белом доме много вооружённых людей...

- Ты генерал и должен быть оптимистом, - оборвал его вызванный Язовым из Киева Валентин Варенников. - Нечего проявлять пессимизм!

Зашёл ненадолго Язов, поинтересовался:

- Ну, что тут у вас?

Ачалов ответил, что для проведения операции недостаёт сил.

- Вызывайте подкрепление, - сказал Язов. - Действуйте решительно. Нельзя терять инициативу. Такая сила и простаивает...

Руководство операцией возложили на начальника Группы «А» генерала Карпухина. Ему предстояло координировать действия наступающих непосредственно на «поле боя» из специального передвижного пункта.

Об атмосфере совещания Борис Громов вспоминает так: «Его участники были настроены агрессивно, решительно, находясь в состоянии, близком к эйфории...»

Всё было решено.

Начало штурма - 3 часа утра 21 августа. Сигнал - красная ракета. Операцию назвали «Гром»...

15.00 - 18.00 20 августа

...Для Бакланова

Заместитель председателя Совета обороны при президенте СССР Олег Бакланов чувствовал себя удовлетворённым. События обретали правильное направление. Руководству, исполнительным органам автономных республик, краёв и областей направлена телеграмма о создании на местах структур, аналогичных ГКЧП. Теперь в каждой

области и городе будет свой Чрезвычайный Комитет. Все члены ГКЧП, в том числе и Янаев, завизировали Указ о введении комендантского часа в Москве. Первый секретарь московского горкома партии Юрий Прокофьев занялся созданием новой исполнительной власти в Москве. Завтра правительства Гавриила Попова уже не будет.

Бакланов провёл заседание оперативного штаба. Информация о событиях в стране с анализом возникающих проблем и перечнем предлагаемых мероприятий для их разрешения должна поступать в ГКЧП дважды - утром и вечером.

Пришли депутаты группы «Союз», в том числе и бравый полковник Петрушенко, который насмешил всю страну, громогласно осудив Горбачёва за то, что тот пренебрегает курсами военной переподготовки. Причём сам полковник так и не увидел ничего смешного в своём желании погонять президента и Главнокомандующего по плацу наравне с другими резервистами.

Встреча с депутатами проходила на отвоёванной у либералов территории - в опустевшем кабинете Александра Яковлева.

Потом Бакланов готовился к вечернему заседанию ГКЧП, которое должно было решить судьбу Бориса Ельцина. Просматривал документы об отмене Указов президента России. Вечером их предстояло утвердить.

На столе лежал подготовленный Янаеву на подпись Указ о введении президентского правления в Прибалтике, Молдавии, Грузии и ряде городов России, который приостанавливал полномочия органов государственной власти в этих республиках и городах. Но это планировалось на завтра, 21 августа. Сначала надо было поставить точку в затянувшейся охоте на Ельцина.

В этот день Бакланов пересел в бронированную автомашину...

...Для Ельцина

Площадь у здания Верховного Совета России бурлила. Уже три часа шёл митинг в защиту Белого дома. У микрофонов сменяли друг друга люди, известные всей стране: чемпион Олимпийских игр Юрий Власов, священник Глеб Якунин, вдова Сахарова Елена Боннэр...

«Ельцин! Ельцин!» - скандировала площадь, на которой негде было яблоку упасть. Люди были всюду, некоторые даже взобрались на памятник погибшим на баррикадах 1905 года.

Все ждали выступления Ельцина.

Наконец он вышел под прикрытием пуленепробиваемых щитов, которые держала охрана.

- В своих обращениях путчисты, - говорил Ельцин, - прибегают к испытанной годами демагогии, обвиняют в нынешних трудностях демократические силы, обещают восстановить экономику, обеспечить гражданам СССР лучшую жизнь, безопасность и процветание. Какая

лицемерная ложь!

...Можно построить трон из штыков. Но просидеть на нём долго? Убеждён, возврата к прошлому нет и не будет! Дни заговорщиков сочтены. Закон и конституционный порядок восторжествуют! Россия будет свободной!

- Свобода! Свобода! - площадь в едином порыве взметнула сжатые кулаки к высокому августовскому небу. - Свобода или смерть!

Многотысячный митинг в оккупированной ГКЧП Москве потряс Россию.

...Для Карпухина

Генерал Виктор Карпухин доводил до сведения личного состава поставленную задачу.

- Говоря о предстоящем штурме, - свидетельствует начальник отделения Группы «Альфа» Анатолий Савельев, - он, бравируя, заявил, что задача не сложная. Здание Верховного Совета устроено по примитивному коридорному типу. По обе стороны коридора расположены кабинеты. Ориентироваться и действовать не трудно...

- Военные должны были обстрелять из гранатомётов каждое окно со 2-го по 5-й этаж, после чего мы, ворвавшись в здание, провели бы «зачистку», - свидетельствует начальник отделения Группы «Альфа» Леонид Гуменной. - «Зачистка» производится следующим образом: сотрудник открывает дверь помещения, бросает гранату и даёт очередь из автомата...

На вопрос следствия, как он оценивает сложность задачи, поставленной перед «Альфой» 20 августа, ветеран Группы Анатолий Савельев ответил:

- Штурмовать дворец Амина в Кабуле было намного сложнее...

После полудня с военного аэродрома, расположенного вблизи небольшого городка Белграда на юге Украины, в воздух, тяжело разгоняясь, поднимались пузатые транспортные самолёты. В них, ощущая локти друг друга, сидели бойцы 217-го воздушно-десантного полка 98-й дивизии ВДВ.

Одновременно, с взлётной полосы военного аэродрома райцентра Арзиц, в небо уходил 299-й воздушно-десантный полк той же дивизии.

Десантники летели в Москву. Это было обещанное Язовым подкрепление. 217-й полк должен был приземлиться на военном аэродроме «Кубинка», а 299-й - на «Чкаловском».

Подготовка к операции «Гром» шла в соответствии с намеченным планом.

«Против ареста Ельцина никто не возражал...»

На начавшемся в 20.00 при большом скоплении приглашённых вечернем заседании ГКЧП Янаев зачитал своё заявление о том, что распускаемые слухи о готовящемся штурме Белого дома не имеют никакого основания, предложил утвердить его и обнародовать в ближайшем информационном выпуске ТВ.

- Возникло некоторое замешательство, - свидетельствует Леонид Кравченко. - По всему чувствовалось, что для Пуго, Крючкова, Шенина, Бакланова, Язова заявление Янаева было неожиданностью.

Развернулась полемика. Кто конкретно из присутствовавших что говорил, я не помню. В общем же смысл разговора был таким: нас, дескать, называют государственными преступниками, а мы, видите ли, ещё должны заявлять, что ни на какие здания не собираемся нападать...

Янаев спросил: «Неужели среди нас есть такие, кто хочет напасть на Белый дом?» Ответом было молчание.

Но Янаев больше к своему заявлению не вернулся.

Если это была игра, расчёт на то, чтобы ввести в заблуждение приглашённых относительно истинных намерений, то спектакль разыгрывался безукоризненно.

Крючков стал говорить, что обстановка в стране в целом, кроме Москвы, спокойная, что население в большинстве поддерживает ГКЧП...

Янаев строго осадил его, сказав, что ему докладывают совершенно другое: из тридцати поступивших телеграмм только одна в поддержку ГКЧП.

- Крючков возразил, что это неправда, - свидетельствует заместитель министра информации и печати СССР

Александр Горковлюк. - Но Янаев ответил, что ему докладывают так, как есть. На что Крючков с улыбкой заметил: «Вот и неправильно делают. Надо докладывать то, что надо, а не то, что есть»...

Когда зашла речь о том, что следует закрыть радиостанцию «Эхо Москвы», так как она дестабилизирует обстановку, Язов сказал, что военные хотели это сделать, но какой-то милицейский полковник встал на защиту радиостанции.

Завязалась ведомственная перепалка между Язовым и Пуго. «А Вы проверили, как это было?» «Ваши вечно всё путают». «Нет, это с Вашими вечно язык не найдёшь...»

Раздоры прекратились, когда все приглашённые были отпущены и в кабинете остались только свои.

- Крючков и Пуго, - показал Александр Тизяков, - внесли предложение об аресте Ельцина на «некоторое время», пока не будет восстановлена обстановка. Никто против изоляции Ельцина не возражал, в том числе и я...

Досье следствия. Документ без комментария

Из проекта «Программы режима особого функционирования экономики в СССР»:

- Запретить всем руководителям государственных предприятий выдвигать какие-либо требования сверх установленной цены за реализацию продукции по натурной или другой дополнительной оплате к потребителям продукции, изготовленной в объёме госзаказа, установить за нарушение, указанное в данном пункте, виновные привлекаются к уголовной ответственности с наказанием в виде штрафа до 1000 рублей или тюремного заключения сроком до трёх лет.

- Ввести на три года на всём железнодорожном транспорте СССР режим военного времени. Порядок введения, выделения воинских подразделений, другие мероприятия определить постановлением Совета Министров СССР.

- Приостановить действие Закона СССР о порядке разрешения коллективных споров (конфликтов).

- Внести временное изменение в Закон СССР о кооперации в СССР в части запрещения всем кооперативам СССР продавать продукцию (услуги) по ценам выше государственных.

- Приостановить деятельность всех незарегистрированных установленным порядком общественных организаций, проведение в стране митингов и демонстраций.

В случае нарушения виновные привлекаются к уголовной ответственности в виде штрафа до 3000 рублей или тюремному заключению сроком до трёх лет.

- ...Признать незаконными и распустить в течение недели со дня опубликования программы все общественные и другие образования, выступающие, как претенденты на создание своих органов власти в регионах. Виновных в невыполнении данного пункта или мешающих в указанных регионах нормальной работе государственных предприятий, привлекать к уголовной ответственности в виде штрафа 1000 рублей или тюремному заключению до трёх лет...

Оставалась надежда только на силу

Вечернее заседание ГКЧП окончательно показало, что «законный» вариант заговора рухнул.

- Янаев поинтересовался у приглашённых на совещание лидеров парламентской Группы «Союз» Чехоева и Блохина, удастся ли в Верховном Совете набрать две трети голосов, - свидетельствует Александр Горковлюк. - Те ответили: если люди увидят, что ГКЧП начал реализовать обещанное, то тогда можно рассчитывать на успех, если этого не произойдёт - надеяться нечего...

Члены ГКЧП перевели мрачные вопрошающие взгляды на

заместителя председателя кабинета министров Догужиева, который в связи с болезнью Павлова приступил к исполнению обязанностей главы правительства.

Догужиев, будучи опытным хозяйственником и экономистом, понимал, что за обещаниями ГКЧП «улучшить жизнь» нет ничего, кроме желания пустить пыль в глаза народу. Когда ГКЧП стал наседать на него с требованием незамедлительно представить населению страны доказательства того, что у новой власти слова не расходятся с делами, он, снимая с себя всякую ответственность за реализацию данного обещания, доложил без прикрас о реальном положении дел.

- Догужиев, - свидетельствует Язов, - с бумагами в руках комментировал ситуацию в экономике: этого нет, и этого нет, а этого осталось всего на несколько дней. Кредиты закрыты. Вы хотите что-то из детского? И детского кет ...

- Бакланов повелительным тоном распорядился, чтобы Догужиев предоставлял ГКЧП два раза в день - утром и вечером - статистику о положении дел в экономике, - свидетельствует Леонид Кравченко. - В ответ Догужиев в резкой форме ответил: разве Бакланов не знает, что сбор оперативной статистики давно отменён. И статданных не будет ни днём, ни вечером.

Догужиева поддержал заместитель премьера Маслюков.

- Цены понизить можно. Но где взять деньги на дотацию производства? В бюджете на это средств нет, - сказал он.

Как утопающий хватается за соломинку, вспомнили о неприкосновенных воинских запасах. Но тут «завёлся» Язов.

- Я-то знал, - вспоминает тот разговор Язов, - что армейские резервы рассчитаны только на армию, и то на несколько дней. А на 300-миллионное население страны запасов хватит всего на один день. Это же не решение проблемы...

Идеологическое противостояние, длившееся шесть лет, довело страну до истощения. Пришло время пожинать его горькие плоды...

По данным Всесоюзного центра изучения общественного мнения, 20 августа лишь не более 18 процентов горожан России верили, что приход к власти ГКЧП улучшит экономическое положение страны.

На второй день прихода к власти ГКЧП Центр опросил около 2 тысяч москвичей. На вопрос: «Считаете ли вы деятельность ГКЧП законной?», ответили «да» лишь 13 процентов, а 73 сказали «нет».

У ГКЧП осталась одна надежда - на силу.

К бою готовы!

28-летний москвич Александр Детков, которого на баррикадах многие знали под псевдонимом «Константинов», сквозь сетку начавшегося дождя пристально изучал в бинокль этажи расположенной напротив здания

Верховного Совета России высотной гостиницы «Украина».

Разведка докладывала, что гостиница «Украина» будет использована в случае штурма как снайперская позиция, оттуда можно прицельным огнём поддерживать нападающих.

Детков прибыл на защиту Белого дома в первый же день введения ЧП. Как бывшего десантника его включили в штаб самообороны.

Оборона была организована по военному принципу. Штаб разбил добровольцев на взводы и роты. Охрана каждого из подъездов здания Верховного Совета России поручалась двум-трём взводам и «огневым группам», вооружённым бутылками с зажигательной смесью.

В бутылках был бензин с пищевым желатином. Бензин наливали из баков автомашин. Желатин закупали в расположенных поблизости магазинах на собранные пожертвования.

Водка, прихваченная кое-кем на баррикады «для храбрости», изымалась и выливалась в Москву-реку, или передавалась в госпиталь самообороны. Штаб старался не допускать пьяных на баррикады. КГБ распространял провокационные слухи о том, что у Белого дома скопилось большое количество «пьяных хулиганствующих элементов». Таким образом готовилась почва для оправдания применения силы.

В первую ночь, с 19 на 20 августа, ряды защитников были до обидного редки. Складывалось впечатление, что Россия предала своего президента. Но 20 августа, после грандиозного митинга, казалось, вся Москва откликнулась на призыв защитить Белый дом. К вечеру огромная площадь перед ним была запружена людьми.

Баррикады, ещё вчера сугубо символические, превратились в мощные сооружения, которые преодолеть было крайне сложно. Подступы к ним перегораживались тяжёлыми грузовиками, кранами, асфальтовыми катками, железобетонными балками.

Посты докладывали, что в расположении защитников всё чаще появляются разведчики. Видели военных в автомобиле, которые с картой в руках производили рекогносцировку местности. Заметив, что на них обратили внимание, они поспешили прочь. Державшиеся группой человек в тридцать подозрительные фотографы с помощью фотовспышек снимали баррикады. Когда их попросили предъявить редакционные удостоверения, они тут же ретировались. Но потом вернулись, а когда в них полетели проклятья, вновь исчезли. Так они и мелькали весь вечер: то появятся, то исчезнут.

Около 21 часа на баррикадах появилась женщина. Она сказала, что у неё есть важная информация, и попросила провести в штаб самообороны. Там женщина сообщила, что её муж, офицер КГБ, получил задание штурмовать Белый дом.

Чуть позже она привела своего мужа в накидке, скрывающей лицо. Отказавшись назвать свою фамилию и должность, мужчина сказал, что на совещании, прошедшем в КГБ, перед группой «Альфа» поставлена задача

начать штурм Белого дома в 3 утра. «Альфа» должна появиться со стороны гостиницы «Украина». Её сотрудников можно отличить по большим сумкам типа баулов. Он сказал также, что «Альфа» вооружена специальными средствами, оказывающими ослепляющий эффект, и объяснил, какие надо меры принять, чтобы снизить их воздействие.

Из штаба Белого дома по радио обратились с просьбой к женщинам покинуть площадь.

Защитники, разбитые на взводы и роты, взялись за руки, образовав живые заградительные цепи.

Площадь изготовилась к отражению атаки.

Дождь всё лил и лил...

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса Руслана Хасбулатова от 25 октября 1991 г.:

- Для оказания сопротивления заговору мы вооружили депутатов, охрану, около 300 милиционеров, забетонировали выходы подземных коммуникаций, было что-то приготовлено на случай приземления вертолётов на крышу.

За границу послали министра иностранных дел Козырева с правом сформировать правительство в изгнании. Тут же в Свердловск послали резервное правительство. О том, куда оно убыло, знали Ельцин, Силаев и я...

Поступала однозначная поддержка из-за рубежа. Укреплялись баррикады у Белого дома. В подвалах здания обнаружили радиорубку и через неё вдохновляли защитников...

Сомнения «Альфы»

20 августа в Группе «Альфа» царило напряжение, какое обычно бывает перед выполнением боевой задачи.

В этот день Карпухин провёл с личным составом несколько совещаний, каждый раз всё более детализируя участие «Альфы» в операции.

Ветеран «Альфы» Анатолий Савельев не находил себе места. Группой в последнее время командовали все, кому не лень. Каждый мало-мальский столоначальник из КГБ считал за честь послать группу под пули. И вот новое «мокрое дельце». Предстояло поднять оружие на депутатов, правительство России!

Хотя приказ запрещал рассказывать о предстоящей операции рядовым сотрудникам, Савельев собрал своё отделение, чтобы поговорить начистоту с теми, с кем предстояло идти в бой.

- Нас снова хотят замарать в крови, - подавив в себе закипающее волнение, сказал он притихшим подчинённым. - Каждый волен

действовать, как подсказывает совесть. Лично я штурмовать Белый дом не буду...

Бунтарское настроение охватывало «Альфу».

На совещании, состоявшемся в 17 часов, заместитель начальника группы Михаил Головатов поинтересовался у прибывшего с очередной штабной планёрки в «верхах» Карпухина, есть ли письменное разрешение на штурм Белого дома.

- Карпухин ответил, что есть приказ правительства, - свидетельствует начальник отделения Леонид Гуменной. - Он повторил это строго несколько раз. Но это не произвело должного эффекта. Мы стали возмущаться, называя штурм безумством. Карпухин закричал, что мы стали слишком много говорить, что там, возле здания Верховного Совета, молодёжь, студенты, как он выразился, «сосунки», которых мы быстро раскидаем...

Закрывая дискуссию, Карпухин повелительно распорядился: «Провести рекогносцировку. Быть готовыми к выступлению.»

Группа начальников отделений направилась к Белому дому изучать театр будущих действий.

Открывшаяся картина ощетинившегося баррикадами Белого дома ещё более укрепила их в мысли добиваться отмены приказа.

Днём, разрабатывая операцию, никто не думал, что на защиту Белого дома придёт столько людей. По различным источникам, к вечеру на площади перед зданием Верховного Совета России в заслонах стояло от 50 до 100 тысяч человек. Всего же 20 августа в акциях сопротивления - строительстве баррикад, контроле за передвижением войск, обеспечении защитников Белого дома продуктами и медикаментами, выпуске и распространении листовок - приняли участие более миллиона человек.

Чтобы сокрушить защитников Белого дома, предстояло устроить невиданную кровавую бойню, перед которой померкли бы ужасы площади Тяньанмэнь. Среди десятков тысяч людей, готовых стоять насмерть, были личности всемирно известные - Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, Мстислав Растропович... В Белом доме находились зарубежные корреспонденты, представляющие самые престижные телекомпании и пресс-агентства.

- По уточнённому плану действий группа «Б» (Отдельный учебный центр КГБ) должна была «обработать» 1-й и 2-й этажи секретным оружием огромной разрушительной силы, - свидетельствует начальник отделения Группы «А» Леонид Гуменной. - После такой «обработки» оба этажа перестали бы существовать. А задача арестовать Ельцина, которую поставил Карпухин, была нереальной по той причине, что после «зачистки», произведённой нами, все, в том числе и президент России, были бы уничтожены...

На площади и внутри здания Верховного Совета России, по данным КГБ, находилось около 5 тысяч вооружённых защитников. То, что

готовится захват Белого дома, стало достоянием гласности. Сотрудники Группы «А» узнали о времени начала операции сначала по радио и лишь потом от Карпухина.

В этих условиях штурм, несмотря на огромный перевес, обернулся бы значительными потерями и для наступающей стороны. По оценке начальника отделения Леонида Гуменного, который участвовал в рекогносцировке, во время штурма Группа «А» потеряла бы 50 процентов личного состава. Каждый второй бы погиб...

То, на что во имя собственного спасения решилась «восьмёрка», выходило за рамки здравого смысла.

«Просим отменить приказ...»

По мере развития событий на смену воинственности пришли недоумение и страх. К вечеру эти чувства охватили многих участников планируемого штурма: от рядовых боевиков «Альфы» до генералов, ещё днём азартно разрабатывавших операцию и явно поддерживающих намерения ГКЧП.

Вот как описывает перемену настроений генерал Лебедь:

- По заданию заместителя министра обороны Владислава Ачалова после совещания, на котором был разработан план операции, я выехал на место предстоящих действий. Командующий ВДВ Павел Грачёв сказал перед выездом, чтобы я довёл начатое дело «до ума» и доложил о результатах.

Набросав на карту схему блокирования Белого дома, я направился в МВД к генералу Громову, чтобы уточнить план операции. Разговор не получился. Он не проявил никакого интереса к предстоящей операции. Взглянув на схему, он сказал, что согласен, как следует её даже не посмотрев. Вопросы взаимодействия остались без обсуждения.

Заместитель министра обороны Ачалов, прежде деятельный и энергичный, также отнёсся к моему плану безразлично, мельком взглянув на него, он оставил его у себя, не дав никаких распоряжений...

Вечером Виктор Карпухин принял решение доложить руководству КГБ, что штурм проводить «нецелесообразно». Прибывший на очередное совещание к Карпухину начальник ОУЦ Борис Бесков сообщил, что сотрудники Группы «Б» отказываются принимать участие в кровопролитии. Это переломило ситуацию. Все, кто присутствовал на совещании, отважились поехать к руководству КГБ с просьбой отменить операцию.

Свидетельствует Виктор Карпухин:

- Для Агеева наш отказ штурмовать здание Верховного Совета РСФСР был неожиданностью. Когда ему звонили, он отвечал по телефону раздражённо и также раздражённо после разговора бросал трубку.

Из высшего руководства, которое присутствовало у Агеева, никто

своё отношение к теме разговора не высказывал. Только начальник Третьего Управления КГБ А. Жардецкий, имея в виду демократов, сказал: «Они нас не пощадят». Из чего я заключил, что он за то, чтобы выполнять приказ.

По завершению совещания Агеев сказал, что доведёт наше мнение до Крючкова...

Все смотрели на Грачёва...

Последующие часы прошли в напряжённом ожидании. Все поглядывали друг на друга: армия - на КГБ, КГБ - на войска. Не выдвигаются ли они на исходные рубежи. МВД поглядывало на тех и на других.

За всю историю советского государства не было такого случая, чтобы воинские подразделения отказались выполнять боевой приказ. И все хорошо знали: расправа может быть короткой и жестокой.

Громов днём попытался убедить министра Пуго отказаться от операции. Но тот, улыбнувшись своей кроткой улыбкой, ответил: «Это приказ. А все приказы следует выполнять...» После полудня Громов передал по «афганской» связи в Белый дом, что готовится штурм. Позвонил командиру Особой мотострелковой дивизии имени Дзержинского, чтобы тот не выдвигался в центр Москвы. Если же такой приказ Пуго всё-таки отдаст, то входить в столицу без оружия и на колёсном, а не гусеничном ходу.

Павел Грачёв направил генерала Лебедя в расположение Белого дома, чтобы известить российское руководство о часе нападения и попросить призвать на площадь, как можно больше людей. «Передай им, - сказал Грачёв, - что нападающие не осмелятся стрелять в народ».

Лебедь, сняв с себя офицерские погоны и приметную десантскую тельняшку, поехал к зданию Верховного Совета. Все подступы к нему были перекрыты баррикадами. Он передал слова Грачёва первым увиденным защитникам.

Подготовка к штурму между тем продолжалась. От здания Верховного Совета был отведён десантный батальон, который сюда прибыл, как объявлялось ранее, для «охраны Белого дома». Вот такая оказалась «охрана». Приближается час штурма - а она покидает оборонительные рубежи.

К вечеру у Верховного Совета России осталось всего лишь несколько танков Таманской дивизии, в одном из которых находился майор Сергей Евдокимов.

- 20 августа командир дивизии лично ездил к зданию Верховного Совета России, чтобы увести танки, - свидетельствует заместитель командира Таманской дивизии Александр Чистяков. - Но убедившись, что часть танков, находящихся в центре огромной массы народа и баррикад, снять невозможно, решил их оставить...

Вечером, чтобы снять подозрения насчёт штурма, на свободу были отпущены Гдлян, Проселков, Камчатов. О недавних арестантах была проявлена невиданная забота. Из воинской части, где они содержались, их доставили к Белому дому на машине!

В это время генерал Варенников приказал перебазировать эскадрилью вертолётов, вооружённых ракетами, на аэродром в подмосковный Подольск для участия в операции «Гром».

...Около полуночи Грачёву позвонил Карпухин. Сказав, что он вместе с Группой находится под мостом на Калининском проспекте, поинтересовался настроением Грачёва.

Информация Карпухина не соответствовала действительности. Группа «Альфа» ночью 20 августа не покидала место своего расположения. Карпухин проверял чем «дышит» Грачёв.

Свидетельствует командующий ВДВ Павел Грачёв:

- Все ждали, когда выдвинусь с войсками я, всего лишь навсего. Если бы я пошёл, то все бы пошли вслед за мной. Никуда бы не делись...

Для того, чтобы успеть взять в оцепление здание Верховного Совета России, десантные войска должны были начать движение в 24.00.

Бой на Садовом кольце

В 0.20 член штаба обороны Белого дома Александр Детков услышал звуки стрельбы.

На Садовом кольце, на подступах к зданию Верховного Совета, завязался бой между пикетом защитников и БМП (боевые машины пехоты) Таманской дивизии.

Для того, чтобы ограничить доступ защитников к зданию Верховного Совета России, в Москве был введён комендантский час. По периметру Садового кольца выставлялись посты на БМП.

Таманцы получили приказ осуществлять режим комендантского часа. И выполняли его, не рассуждая.

Боевые машины двигались по направлению к Смоленской площади. Град камней, баррикада, сооружённая из троллейбусов, их не остановили. Головная машина с разгону врезалась в них в надежде пробить себе дорогу.

Еще до этого на пути железных машин встал, раскинув руки, военный корреспондент капитан 1-го ранга Михаил Гловко. Броневик толчком сбил его с ног.

Это послужило сигналом к атаке.

23-летний «афганец» Дмитрий Комарь запрыгнул на БМП 536, стараясь набросить на смотровую щель брезент, чтобы «ослепить» экипаж.

Наводчик стал вращать башню, надеясь сбросить с брони нападавшего. Но удалось сделать это механику-водителю. В результате резкого манёвра, Комарь оказался на асфальте.

Однако от удара броневика о колонну распахнулся десантный люк,

Комарь догнал БМП и запрыгнул в люк.

Механик под грохот предупредительных выстрелов так дёрнул машину, что Комаря выбросило из неё. При этом краем одежды он зацепился за крышку распахнутого люка. Броневик сдал назад, волоча за собой по асфальту беспомощное тело.

На помощь Комарю бросился 37-летний Владимир Усов. Но пуля предупредительного выстрела, срикошетив, сразила Усова.

Из постановления прокуратуры г. Москвы:

«...Во время посадки в БМП 521 члены экипажа горевшей машины Баймуратов и Нурбаев продолжали делать предупредительные выстрелы в воздух. В этот момент находившийся здесь Кричевский, бросив в них камень, сделал шаг в сторону БМП, но был убит выстрелом в голову. Кем конкретно из стрелявших причинено смертельное ранение не установлено, поскольку пуля в трупе отсуствовала...»

Сквозное ранение... На этот раз, не исключено, что стреляли прицельно. Но, похоже, уже из другой БМП.

Рота попятилась назад в тоннель...

Когда днём 21 августа защитник Белого дома Александр Детков приехал на место боя, он увидел на борту искорёженного ударом БМП троллейбуса, начертанную большими красными буквами надпись: «Смерть Комаря, Усова и Кричевского - на совести ГКЧП»...

Неподалёку стояла брошенная экипажем специальная машина для разбора баррикад. Детков с помощью лома вскрыл люк и погнал машину в качестве трофея к Белому дому.

Какой была ночь с 20 на 21 августа?

...Для Евдокимова

«Мятежный» майор Сергей Евдокимов в эту ночь спал. Но не в танке на площади у здания Верховного Совета России, а на значительном удалении от неё - в штабе полка.

Вечером 20 августа заместитель комполка по политической части Свинухов сказал ему: «Тебя вызывает командир полка».

Командир полка Денисов ждал в машине, в которой, помимо него, находились автоматчик и представитель особого отдела КГБ в полку.

Свидетельствует майор Сергей Евдокимов:

- Командир полка сказал мне, чтобы я не боялся, мы, мол, тебя

приехали не арестовывать, а взять с собой в штаб, чтобы выяснить твою позицию.

Я объяснил, что никаких заявлений о том, что перехожу на сторону России, не делал. Рассказал, что был у Руцкого и по его предложению перегнал танки к зданию, чтобы избежать конфликтов граждан с солдатами.

«Ну, пусть думают пока, что мы на их стороне»,- сказал командир полка.

В штабе я написал для особого отдела КГБ объяснение о своих действиях 19 и 20 августа. После этого меня направили отдыхать...

Утром 21 августа мне положили в машину сухой паёк и сказали, если кто будет интересоваться, где находился, отвечать: ездил за сухим пайком.

...Евдокимов вернулся к своему танку, стоящему в плотном кольце баррикад, к полудню 21 августа. В Белом доме шла сессия Верховного Совета России. Площадь уже жила предчувствием победы.

Когда сослуживцы поинтересовались у Евдокимова, где он пропадал ночью, он ответил как учили: «Получал сухой паёк»...

...Для Грачёва

На улице Матросская тишина в тени штаба ВДВ, расположенного бок о бок со следственным изолятором, будущим пристанищем ГКЧП, стояли двое - Павел Грачёв и советник президента России Юрий Скоков.

Стрелки часов перевалили за полночь. Войска ВДВ не двинулись с места.

Свидетельствует Юрий Скоков:

- Я приехал к Грачёву по распоряжению Бориса Ельцина. Вызвал по заранее обусловленному знаку его на улицу. Грачёв просил передать руководству России, что «он русский и никогда не позволит, чтобы армия проливала кровь своего народа»...

21 августа они встретятся вновь. И тогда уже в более спокойной обстановке Грачёв расскажет Скокову, что у него и главкома воздушных войск Евгения Шапошникова была договорённость: если ГКЧП начнёт штурм Белого дома, дать команду двум самолётам бомбить Кремль.

Вечером того же дня Скоков передал Грачёву копию подписанного Борисом Ельциным Указа о назначении его министром обороны России.

На следующий день, 22 августа, в 10 часов утра Борис Ельцин встретился с Грачёвым. Командующий ВДВ, поблагодарив президента за оказанную высокую честь, сказал, что пока он себя не чувствует готовым возглавить российские Вооружённые Силы.

В середине 1992 года, он отважится принять повторное предложение Бориса Ельцина и станет министром обороны России...

...Для Горбачёва

Горбачёв слушал «Би-Би-Си». Из потрескивавшего эфира звучали интервью политических деятелей России, прямые репортажи из здания Верховного Совета РСФСР...

Понимая, что эта ночь может оказаться критической, в доме Горбачёва на ночь разместились два врача президента и два охранника.

Наиболее преданные Горбачёву сотрудники личной охраны к ночи с 20 на 21 августа решили в случае, если возникнет прямая угроза для жизни президента, встать на его защиту.

Свидетельствует заместитель начальника отдела личной охраны президента СССР Олег Климов:

- Ночью мы с моим другом Голенцовым, обходя посты вокруг дома, остановились возле охранника Ефремова. Зная наше отношение к президенту, он сообщил, что у него в сейфе на хоздворе имеются 4 автомата и 4 ящика патронов. И предложил их нам незаметно переправить. Мы поняли: на него можно рассчитывать...

Готовился к «защите» президента и ГКЧП.

Вечером 20 августа адмирал флота Хронопуло получил приказ Валентина Варенникова «принять меры к тому, чтобы не допустить посадки на аэродроме «Бельбек» самолёта с группой захвата».

В 22.28 рота морской пехоты под командованием Оноприенко в составе 41 человека на 8 бронетранспортёрах с полным вооружением начала выдвижение к аэродрому «Бельбек».

В 23.45 в густой тьме южной ночи рота морских пехотинцев прибыла на «Бельбек»...

Язов командует: «Стой!»

Вернувшийся ночью 21 августа с заседания ГКЧП Дмитрий Язов напряжённо вслушивался в доклад своего заместителя Владислава Ачалова.

Ачалов сообщал, что обстановка вокруг здания Верховного Совета России напряжённая, что число защитников множится. Состоялось первое столкновение. Есть убитые. Если не отменить операцию, прольётся море крови. На что нас толкают?

Еще никогда Язов не был в столь трудном положении. Отменить сейчас операцию - всё провалится. Это всё равно, что самому себе яму выкопать.

И не дать команды «Стой!» тоже нельзя. Принять на себя грех за тысячи жизней было выше сил.

Да и кто согласится стрелять в своих, русских?! «Альфа» и та заартачилась, что же ждать от армейских...

Днём был Главнокомандующий военно-воздушными силами Шапошников. Сказал, не отводя глаз: «Надо выходить из создавшейся ситуации». На вопрос Язова - как выходить? - так же прямо, не как командиру, а как подчинённому строго и коротко ответил: «Достойно. Нужно убрать войска из Москвы». «А ГКЧП?» - поинтересовался Язов. «Объявить незаконным и разогнать», - ответил главком.

Попробуй таких сломай...

Язов снял галстук, который душил, как петля, и крикнул Ачалову:

- Иди в кабинет! Дай команду «Стой!»

По настроению Язова я понял, что наступил перелом, - свидетельствует Владислав Ачалов. - Я позвонил Грачёву и Громову, сообщив им, что Язов приказал войскам стоять.

Команда «Стой!» застала двигающийся к Белому дому 274-й батальон 27-й отдельной мотострелковой бригады войск специального назначения КГБ СССР на кольцевой дороге в районе посёлка Заречье. До здания Верховного Совета ему оставалось всего час хода...

Последний шанс

«Что, струсили!»

Около двух часов ночи 21 августа Язов вновь вызвал к себе Ачалова. Министр, как догадался Ачалов, только что закончил разговор с Крючковым. По его лицу полыхали красные пятна - признак крайнего возмущения.

- Поезжайте к Крючкову на совещание. Я больше с ним разговаривать не буду!

...Когда Ачалов и Варенников зашли в кабинет Крючкова, то увидели там Бакланова, Шенина и большую, человек двадцать, группу руководящих работников КГБ, одетых в штатское.

Пуго не было. МВД представлял Громов.

- Наше появление, - свидетельствует Ачалов, - было встречено недовольными возгласами: «Вы, военные, ничего не хотите! Ничего не можете!» Я стал рассказывать, что происходит в городе и к каким последствиям может привести штурм...

- Что, струсили? - зло спросил Бакланов [7]. Крючков бросил беспокойный взгляд на Ачалова. Завязался почти двухчасовой бесплодный спор. После отказа Язова участвовать в операции, ничего не оставалось,

[7]Цитата взята из показаний начальника Управления КГБ СССР В. Прилукова. Однако в последующем, на очной ставке, Прилуков отказался подтвердить, что Бакланов настаивал на осуществлении операции «Гром». Следствие объясняет такую позицию Прилукова его желанием помочь Бакланову уклониться от одного из серьезнейших обвинений, поскольку целый ряд других свидетелей показали, что на совещании у Крючкова Бакланов занимал крайне агрессивную позицию.

как отменить её. Но Бакланов не хотел этого понять. От него досталось на орехи всем, в том числе и Крючкову.

Свидетельствует Борис Громов:

- Бакланов упрекал Крючкова в том, что нарушена достигнутая ранее договорённость об отключении телефонов, электроэнергии в здании Верховного Совета. Предложил сделать это немедленно, в том числе оставить Белый дом без воды, в общем, полностью локализовать.

Когда Крючков поинтересовался у меня, введена ли в центр Особая мотострелковая дивизия имени Дзержинского, я сказал, что дивизия не выдвигалась, и в категорической форме высказался против операции, заявив, что внутренние войска в ней участвовать не будут...

Крючков негромко, размышляя вслух, сказал: «Что же, операцию надо отменять».

Свидетельствует Борис Громов:

- Бакланов стал говорить, что в таком случае надо каким-то другим путём захватить Ельцина и Российское правительство. Сказал: «Если мы их не возьмём, они нас повесят».

Крючков согласился с Баклановым, что надо отключить в здании Верховного Совета России телефоны, а что касается электричества, объяснил, что делать это сейчас уже бесполезно. На улице светает...

- Подводя резюме, - вспоминает Владислав Ачалов, - Крючков, сказал, что «надо ещё раз всё обдумать»...

Каким было утро 21 августа?

...Для Янаева

Рано утром Янаев позвонил Евгению Примакову и сказал, что хочет с ним встретиться.

На столе у Янаева лежал свежий номер «Правды» с его Указом, отменяющим все распоряжения Бориса Ельцина.

Примаков посоветовал Янаеву пойти незамедлительно на телевидение, распустить ГКЧП, сказать, что находился под постоянным давлением, и тем самым спасти себя.

На что Янаев буквально повторил слова Крючкова: «Надо подумать...»

...Для Лукьянова

Примаков, вернувшись к себе в кабинет, позвонил Лукьянову и зачитал ему текст заявления, которое он подписал вместе с членом Совета безопасности СССР Вадимом Бакатиным: «...считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, президент СССР М.С. Горбачёв здоров...»

Свидетельствует Евгений Примаков:

- Во время телефонного разговора Лукьянов всячески хотел показать, что он не принадлежит к ГКЧП. Однако, когда я прочёл ему сделанное накануне утром вместе с Бакатиным заявление против ГКЧП, Лукьянов сказал: «Не надо публиковать».

Я ответил: «Заявление уже опубликовано»...

...Для Горбачёва

Утром Горбачёв, узнав по радио о жертвах в Москве, передал через Генералова Янаеву требование прекратить войну с народом.

...В 11.20 на аэродром «Бельбек» направилось подкрепление - разведывательный батальон: 84 морских пехотинца с полным вооружением и 7 бронемашин.

В 13.00 батальон разместился вдоль взлётно-посадочной полосы. Был проведён инструктаж личного состава. В случае несанкционированной посадки самолёта должна была последовать команда «Приготовиться к работе!». С помощью звуковещательной установки надлежало предложить прибывшим сдаться. В случае отказа - уничтожить...

...Для Савельева

В 8.30 начальник Группы «А» Виктор Карпухин приказал Анатолию Савельеву взять нескольких сотрудников и срочно выехать на улицу Демьяна Бедного, где расположена радиостанция «Эхо Москвы».

- Надо её закрыть, - сказал Карпухин. - Она передаёт дезинформацию.

Савельев взял с собой пятерых дюжих ребят и отправился по указанному адресу.

В 10.40 радиостанция «Эхо Москвы» замолчала.

Это было первое и последнее задание, выполненное «Альфой» в тревожные августовские дни.

«Язов, вы предали нас...»

Утром 21 августа Язов нанёс ещё один сокрушительный удар по ГКЧП. Он отказался явиться на его заседание.

Свидетельствует Владислав Ачалов:

- Перед коллегией министерства обороны, назначенной на 8 утра Язовым, я стал свидетелем его разговора с Крючковым. Разговор был жёсткий. Язов говорил в трубку: «Я выхожу из игры. Сейчас собирается коллегия, которая примет решение о выводе войск из Москвы. Ни на какие совещания к вам я не поеду!»

Утреннее заседание ГКЧП длилось недолго. Встревоженные позицией Язова, уже через час заговорщики прибыли к министру обороны. Язов ничего утешительного не сообщил. Сказал, что коллегия министерства

обороны высказалась за вывод войск. Если не убрать армейские подразделения, вряд ли удастся избежать новых столкновений. Достаточно поджечь один танк с боекомплектом, включающим 40 снарядов, - и быть большой беде.

Из протокола допроса Дмитрия Язова:

- ...Бакланов возмутился, зачем, дескать, в таком случае надо было начинать? «Что ж, мы начали, чтобы стрелять?» - спросил я и сказал: «Умели напакостить, надо уметь и отвечать...»

Вопрос:

- Как он реагировал на это?

Ответ:

- Бурно. Все реагировали очень бурно.

Вопрос:

- Как Вы думаете, в чём заключалась миссия приехавших?

Ответ:

- Уговорить меня продолжать действовать.

Вопрос:

- Кто конкретно призывал к этому?

Ответ:

- Крючков призывал, говорил, что не всё потеряно, что нужно вести какую-то «вязкую борьбу». Тизяков, несколько нервничал, высказал в мой адрес целую тираду:

«Я... воевал, прошёл фронт. У меня нет никого. Только приёмный сын. Он один проживёт. Я готов на плаху. Но то, что Вы, Дмитрий Тимофеевич, сделали, - это подлость...»

Прокофьев начал: «Я провёл совещание, обнадёжил людей, а Вы предаёте...» Спрашиваю: «Ну, хорошо, скажи, что делать? Стрелять?»... Предложил лететь к Горбачёву. «Другого выхода нет, не понимаете что ли?» - спрашиваю их.

Кто-то вспомнил о Лукьянове, дескать, надо с ним обсудить обстановку. Я Крючкову говорю: «Вы все знаете, кто где находится. Звоните ему». ...Ну, в общем переругались. Подтверждаю слова Ельцина: «Как пауки в банке.» Прокофьев всё петушился: «Дайте мне пистолет, я лучше застрелюсь...»

Когда приехал Лукьянов, я сказал ему, что решил лететь к Михаилу Сергеевичу. Крючков стал ссылаться на то, что он договорился с Ельциным выступить на сессии Верховного Совета России. Я ему говорю: «Ты можешь выступать, а мы полетим. Только напиши записку, чтобы Горбачёву связь включили». Крючков в ответ: «Я тоже полечу»».

Когда все ушли, я пригласил начальника Генерального штаба

Моисеева, оставив его за себя. Отдал другие распоряжения...

Вылет был назначен на 14 часов. Язов позвонил жене, сказав, что улетает к Горбачёву. Та стала умолять не улетать, не попрощавшись с ней.

Язов согласился, но потом пожалел об этом. Надо на аэродром, а её всё нет и нет. Каждая минута дорога. 13.10... 13.15... В 13.20 она появилась. Прощаться уже не было времени. На мгновение обнялись - и в машину.

Попал в пробку. Начала выход из Москвы Таманская дивизия. Перекрёсток перекрыли. Все в очередь стоят. И министр тоже. Тут никак вперёд не пробьёшься.

И все вокруг на чём свет стоит ругают армию и ГКЧП.

В 14.15 принадлежавший президенту СССР самолёт, на борту которого были Крючков, Язов, Бакланов, Тизяков, Лукьянов и Ивашко, взял курс на «Бельбек».

Бегство в Форос

Всё рухнуло. В 13.10 Лукьянов в телефонном интервью главному редактору «Московских новостей» Егору Яковлеву сказал, что Горбачёва «незаконно удерживают» в Форосе, что он «не может не поехать к человеку, с которым его связывали 40 лет», что он полетит к нему во что бы то ни стало, даже если его «там прикончат».

Но это не мешало Лукьянову сидеть в самолёте рядом с Баклановым и расспрашивать о встрече представителей Комитета с Горбачёвым три дня назад, 18 августа, на «Заре». Спикер вникал в детали, стараясь обнаружить в словах, тоне, которым они произносились, пространство для манёвра в предстоящем нелёгком разговоре с президентом.

Позже многие будут недоумевать, зачем заговорщики полетели в Форос к президенту, столь грубо оскорблённому ими?

Конечно, в Москве сидеть сложа руки не было резона. Армия уходила. Верховный Совет России требовал возбудить против ГКЧП уголовное дело. Лукьянов, как только стало ясно, что заговор обречён, демонстративно отмежевался от ГКЧП, Янаев был полностью деморализован.

Государственная элита, овладевшая всеми способами мимикрии, уловив, куда качнулась чаша весов, отшатнулась вслед за Лукьяновым от ГКЧП. Те, кто ещё вчера за него «болел», стремительно «выздоравливали», выступая с изобличительными заявлениями. Даже секретариат ЦК КПСС осмелился, наконец, поинтересоваться судьбой своего Генерального секретаря.

Уже через пятнадцать минут полёта подтвердилась правильность принятого решения. В самолёт позвонил начальник Генерального штаба министерства обороны СССР Моисеев. Он сообщил Язову, что Ельцин намерен отдать распоряжение задержать самолёт в аэропорту и всех

членов ГКЧП арестовать.

Надежда на разговор без свидетелей

- Мы остались бы удовлетворёнными, если бы удалось разрешить нашу судьбу политическими методами, - так на вопрос следствия о мотивах полёта к Горбачёву ответил Владимир Крючков.

Они рассчитывали удачно сманеврировать внутри своей партийно-номенклатурной среды, которую шесть лет перестройки ничуть не изменили.

Дважды Горбачёву предоставлялся шанс вырваться из этой среды. Оба раза он его упустил. В 1989 году, когда занял одно из ста мест, зарезервированных для КПСС в новом составе народных депутатов. И в начале

1990 года, когда предпочёл быть избранным на пост президента СССР не народом, а съездом.

...По приезде на «Зарю» Крючков настаивал на том, чтобы Горбачёв сначала принял его одного, а уж потом всех остальных.

Какие аргументы могли быть использованы шефом КГБ в этой конфиденциальной беседе, если бы она состоялась, чтобы склонить президента к «политическим методам» разрешения конфликта?

В августе ещё никто не знал, что именно Горбачёв распорядился взять в военную осаду Кремль в марте

1991 года, в день открытия съезда, на котором была предпринята попытка отправить Ельцина в отставку. В августе финансовые аферы партии, Генеральным секретарём которой был Горбачёв, охранялись строже военных тайн. В августе замки секретного сейфа в кабинете руководителя аппарата президента надёжно стерегли документы, не предназначенные для посторонних глаз...

Горбачёв был идеальной фигурой для шантажа.

Телефон на троих

И ты, Брут!

Досье следствия. Справка на лицо, проходящее по делу о заговоре с целью захвата власти

> Болдин Валерий Иванович. 1935 г. р. Русский. Образование высшее. Окончил в 1961 г. Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, в 1969 г. - Академию общественных наук при ЦК КПСС. Специальность - учёный агроном-экономист. Кандидат экономических наук.

Работал в аппарате ЦК КПСС и в редакции газеты «Правда». С 1981 по 1985 гг. - помощник Секретаря ЦК КПСС. С 1985 по 1987 гг. - помощник Генерального секретаря ЦК КПСС. С 1987 по 1991 гг. - заведующий общим отделом ЦК КПСС. В 1990-1991 гг. - член Президентского Совета СССР. С мая 1991 г. - руководитель аппарата президента СССР.

Награжден орденами Дружбы народов и Трудового Красного Знамени.

Нет, недаром Дмитрий Язов помянул Брута, когда решился вопрос о полёте Болдина в Форос. Не было среди заговорщиков человека более близкого к президенту.

В начале семидесятых Болдин, закончив аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, сделал стремительную карьеру в «Правде» - от обозревателя до члена редколлегии, редактора сельскохозяйственного отдела. Его журналистским «коньком» в то время была успешная аграрная политика ставропольского партийного руководства, он немало сделал для того, чтобы имя молодого, энергичного провинциала Горбачёва почаще вспоминали добрым словом в столичных коридорах власти. Логично предложить, что и перейдя в 1981 году на работу в аппарат ЦК КПСС, Болдин продолжал по мере возможностей способствовать продвижению Горбачёва наверх.

Став первым лицом в государстве, Горбачёв не забыл о Болдине, максимально приблизив его к себе. С тех пор, как бы ни назывался занимаемый Болдиным пост - помощник генсека, руководитель аппарата президента - его роль не менялась, он стоял в конце всех дорог, ведущих к Горбачёву.

- ...Болдина, - свидетельствует старший референт аппарата президента СССР Анатолий Кудрявцев, - я могу охарактеризовать следующим образом: скрытен, между подчинёнными и собой соблюдал дистанцию в отношениях, любил воспитывать, очень пунктуальный, в работе с документами никогда не допускал нарушений заведённого порядка. На мой взгляд, Болдин отличался большой работоспособностью, насколько я знаю, в течение трёх лет он работал без отпусков и, даже находясь на больничном, продолжал работать. Впрочем, болел он редко. Обладал хорошей памятью.

Все документы к президенту проходили через Болдина. Он мог любой документ задержать, а мог представить в первую очередь. Вопросы личного приёма решались в секретариате президента. Насколько я понимаю, и наиболее срочные вопросы на высоком уровне решались там. Секретариатом президента руководил тоже Болдин...

Он как будто задался целью на собственном примере доказать, что недостатки человека всего лишь продолжение его достоинств: аккуратность оборачивалась педантизмом, работоспособность доходила до самоистязания, осторожность - до абсурда. Один из его личных водителей - в распоряжении Болдина. были два персональных автомобиля и шесть шофёров - так рассказывал о нём: «Я даже не знал, кем он работает. Выезжая куда-нибудь, он никогда не называл адрес, просто

указывал направление: прямо, теперь налево, здесь снова прямо... остановись...»

Примерно за неделю до августовских событий Болдин распорядился установить у себя в кабинете шреддер. Это удивило его подчинённых. Он крайне редко уничтожал документы. И особенно бережно, как выяснило следствие, относился к тем из них, что поступали из ведомства Крючкова. Сверхсекретные донесения шефа КГБ Болдин хранил в особо надёжном сейфе.

Неизвестно, для уничтожения каких бумаг понадобился шреддер в августе. Но одно можно утверждать с полной уверенностью - чтобы извести в бумажную лапшу все накопленные Болдиным документы, понадобилось бы очень много времени.

Среди первых распоряжений, отданных Горбачёвым сразу после освобождения 21 августа, был приказ кремлёвскому коменданту - не пускать Болдина в Кремль. А в ночь на 24 августа его арестовали. Потом был обыск...

День, когда открылись японские суперзамки болдинского сейфа, без преувеличения стал самым драматичным днём следствия. Там, в «кремлёвской кладовке», как про себя мы окрестили потайную комнату в кабинете руководителя президентского аппарата, расхожая фраза «политика - дело грязное» впервые столь тесно сомкнулась для нас с реальностью.

Большую часть собранной Болдиным коллекции секретов, составляли материалы технического контроля, т.е. попросту говоря записи подслушанных разговоров. Трудно сказать, в скольких квартирах и кабинетах стояли телефоны на троих - двое беседуют, третий молча слушает. От любопытствующего уха Большого Брата нельзя было отгородиться ничем. Даже очень высокопоставленные государственные деятели, располагающие особой, совершенно секретной связью, подвергались слуховому контролю. Делалось это, естественно, без всяких санкций, исключительно по устному пожеланию Крючкова.

А сфера его интересов была поистине безгранична. Слухачи из госбезопасности тщательно записывали разговоры Ельцина, Шеварднадзе, Александра Яковлева, Бакатина, Примакова и многих других союзных и российских руководителей, представителей демократически настроенной интеллигенции, активистов «Мемориала», «Московской трибуны» и прочих движений оппозиционного толка, народных депутатов, журналистов, в том числе и западных. Фиксировались не только беседы о политике. Крючкову было интересно всё: кто кого любит или не любит, с кем и как предпочитает проводить свободное время, в какой стране хранит, если смог заработать, валюту, какую еду считает самой вкусной... ну, и мало ли о чём ещё можно узнать из разговоров людей, которые вполне доверяют друг другу.

Руководитель президентского аппарата тщательно сберегал даже конверты, не говоря уж об автографах вроде предуведомления Крючкова:

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Это выдержки из материалов технического контроля» или резолюции Горбачёва: «Вл. Ал.! Надо бы сориентировать т. Прокофьева (без ссылки на источник)». Болдин прекрасно понимал, какое грозное орудие шантажа представляет собой содержимое его сейфа, неопровержимо доказывающее, что президент был в курсе антизаконной Деятельности шефа госбезопасности.

Вынужденные процитировать некоторые документы из «коллекции» Болдина, мы, естественно, не можем обойтись без купюр. Всё слишком личное или способное нанести моральный ущерб из текстов удалено. Тем не менее мы всё равно приносим свои извинения людям, чьи имена упомянуты в них. Документы цитируются с сохранением особенностей оригинала, в том числе способа датирования - без указания года, а также всех примечаний в скобках.

Досье следствия. Документы без комментария

Из материалов технического контроля:

Совершенно секретно

О некоторых мероприятиях и акциях, посвящённых памяти А. Д. Сахарова, 20 декабря

Г. Старовойтова,- народный депутат СССР; Е. Боннэр,- вдова А. Сахарова

Старовойтова. - На заседании межрегиональной группы мы решили объявить сбор средств на мемориал Сахарова. Построить целое здание и сделать при нём, допустим, отделение Лиги прав человека, его музей. Всё только на народные деньги, ни копейки от государства. Попов (сопредседатель межрегиональной группы) предложил мне объявить об этом на Съезде, потому что они все слушают и стараются перехватить инициативу. Скажут, что государство хочет увековечить.

Боннэр. - Я отвечу, что мне не надо. Я уже Михаилу Сергеевичу сказала: «Хотите увековечить, зарегистрируйте «Мемориал». Это будет увековечение».

Совершенно секретно

О некоторых контактах В. Кузнецова (бывший помощник А.Н. Яковлева, заместитель председателя ИАН)

(По материалам за 6 февраля)

В. Кузнецов - А. Н. Яковлев

Кузнецов - Я подобрал кое-какие интересные материалы. Тут ряд интервью, в том числе Янаева - норвежскому телевидению, Вольского - «Интернэшнл геральд трибюн». Есть интервью Шаталина, Полозкова, Алксниса, очень много аналитических откликов о пленуме. Люди пишут: «Указали на дверь тем, кто выступал за расширение политической свободы. Такие сторонники перестройки, как Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин (...) Шаталин, Примаков, Петраков».

Яковлев. - Ты подошли копии туда ребятам.

Кузнецов. - Я могу прямо оригиналы.

Яковлев. - В понедельник (11 февраля) я, наверное, выйду на работу.

Кузнецов. - Может, пораньше встретимся? В воскресенье днём соберётся узкий крут людей, чтобы пообедать. Повод банальный - мой день рождения...

Яковлев. - Ладно, я тут посмотрю и, может, оттуда поеду домой уже окончательно...

Совершенно секретно

Выдержки из разговоров Л. Суханова (помощник Ельцина) в отношении Б. Ельцина, за 12 апреля

Л. Суханов - Виктор (неизвестен).

Виктор. - Ельцин не собирается уезжать за границу?

Суханов. - Собираемся. Приглашены в Испанию и Лондон. В Лондон надо лететь по поводу издания книги, там ждут издатели. В Испанию пригласили на конференцию «За свободную Европу без границ». Там будут Вилли Брандт и Жискар д,Эстен. Мы уезжаем двадцать шестого, сразу после окончания сессии Верховного Совета СССР. С первого по третье мая мы должны быть в Италии, приглашены Андреотти. Первого мая в Италии будет проходить симпозиум, Ельцин выступит сразу после Андреотти.

Виктор. - Ельцину сейчас надо быть здесь, выглядеть активным, потому что его шансы на президентство могут упасть.

Суханов. - Ельцин рвётся в бой. Лукьянов сегодня собирал президиум, на котором дал понять Ельцину, что ему объявляют войну. То есть, сделают всё, чтобы не допустить его избрания президентом РСФСР. Они этого очень боятся...

Соображения Л. Баткина (член координационного совета «Демократической России») о роли и перспективах демократической партии, создаваемой А. Н. Яковлевым.

(Из разговоров Л. Баткина и Ф. Росе - корреспондент датской газеты «Берлингске тиденде», за 24, 26 июня)

Совершенно секретно

Росе. - Я слышал, что сегодня (24 июня) вечером Яковлев, Шеварднадзе, Попов и Собчак собираются для того, чтобы создать новую партию.

Баткин. - Возможно, что они собираются 26 июня... Росе. - А как Вы оцениваете такой шаг? Он что-то означает?

Баткин. - Я отношусь к этому положительно, но позицию последовательных радикальных демократов с этой будущей партией не отождествляю... Ведь эти люди принадлежат к верхушке или к аппарату

КПСС. В значительной мере они хотят создать партию, видимо, за счёт коммунистов, выходящих из КПСС, с социал-демократической окраской. То есть, это всё-таки попытка создать либеральный аналог КПСС...

...Я приветствовал бы создание такой партии хотя бы потому, что это означало бы достаточно важный шаг к крушению господства КПСС. Кроме того, я отношусь с большой личной симпатией к создателям новой партии Яковлеву и Шеварднадзе. Однако я считал бы в высшей степени опасным, если бы антикоммунистически настроенные демократы поспешили дать аванс этой силе и отождествить себя с ними. Сначала им надо создать нечто независимое, после чего были бы возможны какие-то временные соглашения...

Росе. - А что значит для КПСС такой шаг Шеварднадзе? Я слышал, что, по неподтверждённым слухам, в начале июля будет пленум ЦК, на котором Горбачёв собирается покинуть пост Генерального секретаря.

Баткин. - Для него такой шаг был бы умным и правильным. Однако пока я не вижу никаких признаков того, что он готов к этому шагу. Пока все его публичные заявления, вся его идеологическая программа никак не согласуются с подобным намерением. Еще год назад было ясно, что КПСС идёт к своему крушению, вопрос заключается только в форме и сроках.

...

Росе. - Я слышал, что 26 июня «Московские новости» опубликуют заявление Яковлева об уходе из партии.

Баткин. - Это логично, это не будет сюрпризом, поскольку он уже давно не входит в высшие партийные структуры. Любопытный момент состоит в том, что он всё-таки руководитель советников Горбачёва. Я не исключаю, что Горбачёв отнесётся к этому так же, как и к уходу Шеварднадзе, то есть, со сдержанным неодобрением. Причём, я не думаю, что Михаил Сергеевич внутренне так же проделал такой путь. Вот, например, мелкая часть придворного ритуала: 22 июня, когда Президент возлагал венки, по левую сторону от него шёл Лукьянов, а по правую сторону шёл Ивашко - его заместитель по партии. Вот вам и отмена шестой статьи! Михаилу Сергеевичу понадобится какое-то время, чтобы дозреть. Я считаю, что уже сейчас такой его шаг был бы запоздалым.

* * *

Росе. - Вы что-нибудь узнали вчера (25 июня) на «Московской трибуне» насчёт новой партии?

Баткин. - Да, я виделся с Мурашёвым и ещё кое с кем. Среди тех, что хочет создавать такую партию, называют Бакатина, Вольского, Шеварднадзе. Однако Яковлев, как известно, сделал заявление о том, что не выходит из КПСС, что против него идёт провокация.

Росе. - Но я получил подтверждение тому, что его заявление о выходе лежало в «Московских новостях».

Баткин. - Публикации в «Московских новостях» не будет сегодня, да и

неизвестно, будет ли она вообще...

...

Росе. - А по поводу этой «Демплатформы», за которую, видимо, ратует Яковлев, будет объявлено на предстоящем пленуме?

Баткин, - Не знаю. Судя по тому, как энергично

Яковлев отверг даже предположения, что он может выйти из КПСС, все эти перемены идут не так быстро, хотя они созрели...

Партия... может стать крупной по сравнению с нынешними карликовыми партиями, но со старой КПСС она вряд ли сравнится... По-моему, это феномен для переходного периода, но далёкой исторической перспективы у неё нет.

Росе. - Да и Яковлев в конце концов так и не решился идти туда, а полностью остался в команде Горбачёва.

Баткин. - Я всегда думал, что он до конца будет с Горбачёвым, которому Яковлев предан глубинно, всерьёз.

Росе. - На какие деньги они будут делать партию? Они претендуют на часть имущества КПСС?

Баткин. - Они могут претендовать, только оставаясь в КПСС. Но я думаю, что из этих претензий ничего не выйдет. Пустая затея!..

Росе. - Это верно.

Баткин. - Если Горбачёв публично не выскажет свою позицию, которую за ним подозревают, то должна быть сохранена презумпция невиновности Горбачёва в намерении развалить КПСС.

Росе. - Ха-ха! Я разговаривал с помощниками Попова - Шнейдером и Боксером из «Демократической России». Они говорят - и это же говорят в «Независимой газете», - что эту партию создавали как раз под Горбачёва, хотя формально он не должен был там числиться и его имя не должно быть с этим связано. Эта партия должна быть для него какой-то новой базой.

Баткин. - У меня нет информации по этому поводу, но есть соображение. Горбачёв любит ставить сразу на несколько лошадок, поэтому исключить такой вариант полностью нельзя. Но отсюда ещё очень далеко до серьёзной политики. В тех случаях, когда что-то намечается независимо от его согласия, ему ничего не остаётся делать, кроме того, чтобы сказать: «Попробуйте, посмотрим» - а потом он попытается что-то выиграть для себя. Подобное происходило в Ново-Огареве, где была сделана попытка выдать предельно нестабильную ситуацию распада за некоторую либерализацию.

Росе. - На днях я должен вылететь из Копенгагена в Москву и в субботу (29 июня) постараюсь быть на заседании «Московской трибуны». Надеюсь, что мы с Вами встретимся там. Спасибо Вам за беседу.

Совершенно секретно

Выдержки из разговора Л. Суханова (помощник Ельцина) и Кахрамона Джурабаевича (неизвестен) в отношении Б. Ельцина, за 31 марта

Кахрамон Джурабаевич. - Тяжело сейчас приходится Ельцину? Он выдерживает нагрузки?

Суханов. - Всякое бывает. Тяжело стало всё выдерживать. Настроение у него сейчас отвратительное. Пленум - одна говорильня...

Кахрамон Джурабаевич. - Ельцин не вошёл в Президентский Совет?

Суханов. - Нет, он сказал: «Давай, я напишу бумагу, чтобы меня не вводили». Зато ввели Ярина и Распутина.

Кахрамон Джурабаевич. - Ленинградцы кого поддерживают?

Суханов. - Ленинградцы хотят Ельцина в президенты РСФСР. Сначала он будет Председателем Верховного Совета РСФСР, а через год - общенародные выборы президента РСФСР. Это же поддерживают в Челябинске, Свердловске.

...

Суханов. - Я в каждой поездке наблюдаю за поведением Ельцина, он на глазах меняется. Это хорошо...

Он ездил в ФРГ, во Францию, но когда приехали в Америку, я думал, у него инфаркт будет. Мы поняли, почему в Америку не пускают простых людей...

Кахрамон Джурабаевич. - Сколько человек в команде Ельцина?

Суханов. - В общественной приёмной человек восемь пенсионеров работающих бесплатно. Сейчас создаётся команда из российских депутатов, кандидатов наук. Доверенные лица, работавшие с ним раньше, сами стали депутатами, сделали на Ельцине посты депутатов РСФСР, депутатов Моссовета... Но на них можно теперь ему опереться. Сейчас нужно создавать новую команду под его президентство. Одно плохо - он очень устал...

Постоянно находится в напряжении из-за изоляции, в которую попал. Есть люди более слабые и менее мобильные, но в верхах пользуются славой. А ведь он человек, который горы свернёт, если ему дать поле деятельности.

Кахрамон Джурабаевич. - Вот он едет отдыхать. Конечно, это не привилегия. Но скажут, что Ельцин говорит о привилегиях, а сам ездит отдыхать.

Суханов. - Но деваться было некуда, врачи велели восстанавливаться.

Кахрамон Джурабаевич. - Если им дадут команду, эти же врачи залечат его. Я тогда ему всё сказал.

Суханов. - Врачи всё могут. Если захотят - сделают. Ведь что получается. Начинается пленум, он идёт на пленум, а в обед плохо себя

чувствует. Плохо себя чувствует на пленуме, на Съезде. А Съезд прошёл - восстановился... Получается, что кто-то его выводит из строя.

Кахрамон Джурабаевич. - Идёт политическая борьба. А как у тебя сейчас дела?

Суханов. - Я числюсь в Госстрое, но уже не помощником министра, а главным специалистом. Зарплата пятьсот рублей. Но скоро Госстроя и строительных министерств не будет, а будет бюро Совета Министров по строительству.

Сейчас вообще трудно понять происходящее в экономике. Перестройку начали без концепций, это говорил Ельцин. Шаталин - член Президентского Совета - сказал то же самое. Абалкин путается, Рыжков вообще никак не проявил себя...

Кахрамон Джурабаевич. - Да, жизнь коротка, надо работать, но и думать, как здоровье сохранить лет на десять, чтобы увидеть, чем кончится перестройка.

Суханов. - Ельцин не думает о себе, он говорит, что отвёл на жизнь всего четыре года, после чего его не станет. Ему сейчас некуда вложить свой талант - ограничили этим Комитетом Верховного Совета, а это такое болото...

В Москву

Гонка с преследованием

Главное было - прибыть на «Зарю» первыми. Еще утром Крючков принял для этого необходимые меры.

Когда ему позвонил Иван Силаев и сообщил, что срок, отведённый ГКЧП для организации встречи с Горбачёвым, истёк и российское руководство отправляется в 16 часов в Форос, Крючков сказал, что присоединится к делегации, но попросил отнести время отлёта на вечер.

Это был обман, но вскрылся он только когда самолёт с ГКЧП уже набрал высоту.

Руцкой и Силаев, прихватив с собой Примакова, Бакатина, министра юстиции России Фёдорова и 36 вооружённых автоматами офицеров милиции, бросились в погоню.

Разница во времени была значительной. К тому же президентский «ИЛ-62», на котором летели заговорщики, имел большое преимущество в скорости. Догнать его было просто невозможно.

Борис Ельцин обратился к главнокомандующему военно-воздушными силами Евгению Шапошникову с просьбой воспрепятствовать полёту ГКЧП.

Главком ответил, что иного способа воспрепятствовать полёту, кроме как сбить самолёт, он не видит.

- Это неприемлемо, - сказал Ельцин.

- Тогда я позвонил начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Моисееву, - свидетельствует Евгений Шапошников. - Стал обсуждать с ним возможность посадить «ИЛ» не на «Бельбек», а на другой аэродром, но тот резко оборвал меня, заявив, что речь идёт о президентском самолёте, менять маршрут которого никто не имеет права, и сказал, чтобы я не лез не в свои дела...

В 15.20 Лукьянов записал в своём дневнике, что на борт самолёта передали - Ельцин приказал уничтожить «ИЛ-62» с ГКЧП.

- Я поверил в это, - позднее признался следствию Анатолий Лукьянов.

...В 16.08 «ИЛ-62» приземлился на бетонной полосе «Бельбека».

Анатолия Лукьянова и членов ГКЧП приветствовали со всеми возможными в условиях военного аэродрома почестями.

Два шикарных «ЗИЛ»а на полном ходу помчали прибывших к «Заре»...

Чаепитие на «Заре»

Они были уверены, что встреча с Горбачёвым состоится, и пока следовали к «Заре», мысленно готовились к разговору с президентом.

Ворота «Зари» гостеприимно распахнулись, но только «ЗИЛ»ы двинулись по направлению к Главному дому, как на пути встал заслон из личной охраны президента с автоматами наизготовку. Олег Климов, наведя отливающий воронённой сталью «Калашников» на приехавших, крикнул: «Стоять!»

Шофёры, охранники подали из машин недоумённые голоса:

- Вы что, ребята? Свои же...

- Стоять! - играя желваками, повторил Климов.

- Вы что, начальника охраны не пускаете? - строго начал вышедший из машины Плеханов, но и ему приказали не двигаться.

Генералов закричал, что «они его позорят», и приказал убрать автоматы, но его никто не послушал.

О прибытии важных лиц из ГКЧП доложили Горбачёву.

На подступах к кабинету Горбачёва встал с автоматом охранник Сергей Гоман.

На шум вышла встревоженная Раиса Максимовна, днём пережившая тяжёлый гипертонический криз.

- Вы никого не пропустите сюда? - спросила она.

- Не волнуйтесь, - успокаивая Раису Максимовну, ответил Гоман. - Сюда больше никто не войдёт.

- Я побежал к Горбачёву предупредить, чтобы он их до приезда российской делегации ни в коем случае не принимал, - вспоминает

помощник президента Анатолий Черняев. - «Я им ультиматум выдвинул, - успокоил меня Горбачёв, - пока связь не восстановят, я разговаривать с ними не буду. И ребятам своим сказал, чтоб их никуда с дачи не выпускали»...

Как только телефон ожил, телефонистка сказала Горбачёву, что с ним хочет поговорить Крючков.

- Я с ним разговаривать не буду! - ответил Горбачёв. - Дайте мне Москву, Ельцина!

Однако ГКЧП пока не собирался сдаваться. В кустах, напротив аллеи, ведущей к Главному дому, спешно засели верные Генералову охранники и сотрудники крымского спецназа КГБ.

На аэродроме «Бельбек» тем временем морские пехотинцы изготовились к бою.

- Командир сообщил, что в 15.30 из Москвы вылетел самолёт, который вот-вот прибудет на аэродром, - свидетельствует старший лейтенант Андрей Пулин. - Прилёт этого самолёта, как объяснили нам, не санкционирован, и в случае, если находящиеся в нём лица откажутся сдаться, мы должны были его уничтожить.

Ленты были заправлены в пулемёты, достаточно было передёрнуть затвор, и можно было вести огонь.

К тому времени мы по радио все уже знали, что в Крым летит самолёт с российской делегацией и гадали: неужели нам прикажут уничтожить правительство России? Мнение было единым: оружие не применять. Только один прапорщик сказал, что он будет стрелять...

В 18.30 взлётная полоса «Бельбека» была заблокирована тяжёлыми машинами.

На «Заре» Лукьянов и Ивашко прилагали все усилия, чтобы пробиться к президенту, уверяли, что прилетели независимо от ГКЧП. Но Горбачёв не отступал: «Не приму никого до прилёта российской делегации!»

По телефону он связался с командиром полка КГБ, который нёс охрану Кремля и распорядился никому не подчиняться, кроме как ему лично и коменданту Кремля. Управление правительственной связи получило приказ не предоставлять членам ГКЧП связь.

Таяли последние надежды на спасение.

- Приехавшие чувствовали себя не своей тарелке, - свидетельствует Генералов. - Крючков озабоченно интересовался у меня: «Как думаешь, примет Горбачёв?» Лукьянов и Язов очень нервничали, не могли сидеть на месте, то и дело вскакивали, ходили взад-вперёд. Ивашко всем своим видом подчёркивал, что он с этой компанией не связан. Он говорил: «Я здесь ни при чём. Со мной никто не советовался. Я вообще был в больнице и ничего не знал»...

На столике остывал слегка пригубленный чай. Было не до чаепития.

Язов ворчал:

- И зачем я только в это дело ввязался. Старый дурак!...

Лукьянову указывают на дверь

«ТУ-134» с российской делегацией на борту тем временем метался в небе, как неприкаянный. «Бельбек» отказывал ему в посадке, предлагая сесть в аэропорту Симферополя, от которого до «Зари» можно было добраться лишь к полуночи.

Горбачёв, связавшись с самолётом и выяснив, в чём проблема, приказал начальнику Генерального штаба Моисееву открыть «Бельбек».

В 18.45 с взлётной полосы были убраны грузовые машины, подразделению морских пехотинцев спешно приказали укрыться от посторонних взглядов в лесополосе и ангарах.

Из кустов, согнувшись в три погибели, стараясь, чтобы под ногами ни веточки ни хрустнуло, ретировался спецназ КГБ и прикреплённые к нему охранники.

ГКЧП уже не управлял страной.

Заговор провалился.

В 19.16 «ТУ-134» беспрепятственно приземлился на «Бельбеке».

Силаева и Руцкого на «Зарю» доставил водитель 9 отдела КГБ в Крыму Юрий Аркуша, тот самый, что три дня назад, 18 августа, привёз к Горбачёву Бакланова, Шенина, Болдина...

Свидетельствует Александр Руцкой:

- На даче я увидел Крючкова. Когда наши глаза встретились, он демонстративно отвернулся. По Горбачёву и Раисе Максимовне, когда мы вошли в Главный дом, было видно, что произошедшее не является инсценировкой, что они действительно были изолированы и внутренне готовы к любому развитию событий.

Свидетельствует Иван Силаев:

- Горбачёв предложил нам заночевать на даче, а утром вместе вылететь в Москву. Но мы сказали, что надо лететь сегодня же, причём, немедленно. Горбачёв согласился и попросил Раису Максимовну собраться в дорогу. «А пока семья собирается, - сказал он, - я переговорю с Лукьяновым и Ивашко...»

Свидетельствует Евгений Примаков:

- Горбачёв сказал Лукьянову, что он предатель, в резкой форме спросив его, почему тот не собрал Верховный Совет, не встал рядом с Ельциным? Лукьянов стал представлять дело так, что он чуть ли не организовал сопротивление ГКЧП, но Горбачёв, указав на дверь, оборвал его: «Иди посиди там. Тебе скажут, в каком самолёте ты полетишь!»

Прощание с «Зарей»

Руцкой, руководивший эвакуацией президента СССР, предложил лететь врозь с членами ГКЧП. Но в целях безопасности взять в президентский самолёт Крючкова: «С ним-то на борту точно не собьют!»

Горничные спешно достали из холодильников букеты цветов и вручили их членам семьи Горбачёва, когда те спустились вниз, чтобы отправиться на «Бельбек».

Все официальные лица последовали за президентом.

Прислуга торопливо загружала в микроавтобус вещи. Через десять минут и она, прихватив забытую Горбачёвыми в спешке собачку, покинула дачу.

Дежурный 9 отдела КГБ в Крыму Александр Бондаренко отметил в журнале: «0.01 взлёт.»

В самолёте, на борту которого разместились заговорщики, стояла мёртвая тишина.

- Язов и компания заперлись в салоне и оттуда до конца полёта не выходили, - вспоминает Генералов. - Вышел лишь, подсев ко мне, Плеханов. «Собрались трусливые старики, ни на что не способные, - сказал он в сердцах. - Попал я, как кур в ощип.»

Я пытался его утешить, но в ответ он сказал: «Нас сейчас, наверное, в аэропорту арестуют»...

А в самолёте президента царило оживление. На столике стояла бутылка лёгкого вина. Произносились здравицы в честь освобождения Горбачёва.

Лишь Крючкова не было за этим столом. Он понуро сидел в хвостовом отсеке под пристальным оком милиции.

...Горбачёв возвращался в Москву, в столицу страны, которая благодаря ему изменилась настолько, что он как президент СССР был ей уже не нужен. Но Горбачёв об этом ещё не знал...

Досье следствия. Документ без комментария

Из протокола допроса Владимира Крючкова от 22 августа 1991 года:

...Скажу следующее: сказать, что затея полностью провалилась, я бы с этим не согласился. Во-первых, она кое-что показала. Она показала, что порядок есть порядок, его надо соблюдать, и, главное, можно поддерживать. Дальше. Предприятия все работали, и объявление чрезвычайного положения нам раскрыло ситуацию в стране. Мы поняли одну вещь, это нас даже обрадовало - что не надо вводить нигде чрезвычайного положения. Я не хочу называть республику, но товарищи позвонили, говорят: «Как вы думаете, если мы введём чрезвычайное положение в нескольких районах?» Я говорю: «А зачем вводить, если ситуация там спокойная...»

Из протокола допроса Руслана Хасбулатова от 25 октября 1991 года:

- В результате действий ГКЧП практически оказался сорванным Союзный договор, республики, напуганные такими действиями центральной власти поспешили заявить о своей полной независимости, то есть Союз распался в один день. Экономический ущерб специалистами оценивается в порядке 35 миллиардов рублей.

Мыслилось полностью задушить какую-либо самостоятельность. Представители ГКЧП ездили на Украину, в Казахстан и пригрозили, что мы не будем вводить войска в ваши республики, если вы не будете вмешиваться. Центральный удар был направлен не против Горбачёва, а против России. Потом было бы легко зажать всех остальных в один кулак...

Хроника арестов

«Из кресел - на нары!»

Этот лозунг впервые появился ещё 20 августа на дневном митинге перед Белым домом. Исход путча тогда не мог с абсолютной уверенностью предсказать никто, впереди была самая страшная ночь - ночь ожидания штурма, но именно в тот день стало окончательно ясно, что путчисты не могут рассчитывать на поддержку или хотя бы понимание со стороны тех, кому они обещали дешёвую колбасу вместо свободы. В глазах народа они были преступниками, которые рано или поздно должны понести наказание за содеянное.

Отношение ко всему происходящему прежде всего как к преступлению было настолько всеобщим и бескомпромиссным, что в российском правительстве даже подумывали о незамедлительном возбуждении дела против членов ГКЧП. Поднял этот вопрос Сергей Шахрай. Но мы, прокуроры, не могли относиться к подобному предложению импульсивно.

В конце концов 20 августа подобное действие могло иметь только декларативный характер. Ну, объявили бы мы о возбуждении дела, а дальше что? Наши следователи пошли бы с авторучками наперевес штурмовать министерство обороны, МВД, КГБ и Кремль, чтобы допросить Язова, Пуго, Крючкова, Янаева...? Мы бы не смогли даже обнародовать своё решение, поскольку не владели средствами информации, Указы Ельцина передавались на места по телефонам. По таким, вполне резонным, причинам вопрос этот был пока отложен.

Со второй половины следующего дня события разворачивались с калейдоскопической быстротой: .началась сессия ВС РСФСР, заговорщики улетели в Форос, за ними вдогонку отправился Руцкой со своими людьми, потом пришло подтверждение факта насильственной изоляции президента... Единственно адекватной реакцией на это могли бы стать аресты членов ГКЧП.

Однако российской прокуратуре такой шаг был, что называется, не по чину, поскольку большинство заговорщиков принадлежали к союзной иерархии. И вот пока мы думали, как же поступить в данной непростой ситуации, Генеральный прокурор СССР Николай Трубин объявил о возбуждении уголовного дела против организаторов путча. Об арестах речь не шла.

Ельцин немедленно позвонил Трубину, чтобы уточнить его позицию. Он его напрямую спросил: «Вы их сегодня арестуете?» Трубин ответил: «Нет». «Тогда дайте такие полномочия российской прокуратуре, пусть они проводят аресты и расследуют дело», - предложил Ельцин. Трубин не согласился. В тот вечер он вообще не помышлял о каких-либо радикальных действиях. Мы окончательно убедились в этом, когда немного позже один из нас беседовал с ним в его служебном кабинете. Трубин сказал примерно следующее: «Я должен обсудить это с президентом. Потом мы решим, что предпринять. Может быть, прибегнем к домашнему аресту или к чему-то вроде этого...»

Его нерешительность была понятна: он не мог в полной мере положиться на оперативные структуры КГБ и МВД СССР, поскольку не знал, насколько глубоко эти ведомства пронизаны мятежными настроениями. Вполне могло получиться так, что люди, которым будет приказано арестовать Крючкова и Пуго, выполнят приказ с точностью до наоборот. В общем мы поняли, что на прокуратуру Союза в этом деле рассчитывать нельзя и, кроме нас, заниматься им некому, позвонили в Белый дом Бурбулису и сказали, что на свой страх и риск возбуждаем против членов ГКЧП уголовное дело и проведём аресты.

В правительстве России это известие вызвало вздох облегчения. Там уже устали думать над тем, как поступить с путчистами, которых Руцкой перехватил в Форосе и вот-вот привезёт в Москву. Просто взять за шиворот и засадить куда-нибудь от греха подальше? Но такое беззаконие демократическому правительству не к лицу. Отпустить с миром? Стоять и смотреть, как Крючков, Язов, Пуго возвращаются в свои чудовищно сильные ведомства, в недрах которых, может быть, уже изготовились к решительному броску до поры до времени таившиеся «Альфы» и кто их знает какие ещё спецназы?

Наше решение было единственным выходом из этого тупика, но далось оно нам нелегко. Трубин своим благословением мог бы облегчить нашу задачу, но он не захотел это сделать и на решительные меры не пошёл. Впрочем, переживать особо нам было некогда. Мы срочно формировали следственные бригады, готовили необходимые в процессе арестов и обысков документы. Где-то за час до полуночи из МВД России прибыли оперативники, эксперты-криминалисты и охрана. Настала пора отправляться в аэропорт.

Именем России

Перед наглухо закрытыми воротами «Внуково-2», самого элитарного в стране аэропорта, толпились журналисты, в основном западные, человек

тридцать. Ждали прибытия Горбачёва, Появление нашего довольно внушительного кортежа вызвало оживление. К нам подходили, задавали вопросы, но мы, естественно, сохраняли инкогнито, свою миссию не афишировали, а наши автоматчики вообще сидели в своих автобусах надёжно закамуфлированные, чтобы не вызывать лишнего любопытства.

Наверное, никогда ещё «Внуково-2» не охраняли так бдительно, как в ту ночь. Министр МВД России Баранников прислал сюда курсантов российских школ милиции, прибывших по его призыву в Москву утром. Курсанты в бронежилетах, с автоматами стояли в оцеплении вдоль всего внешнего периметра аэропорта. А когда мы въехали в ворота, то увидели, что и лётное поле усиленно охраняется. Правда, автоматчики старались не бросаться в глаза, укрывались за кустами, деревьями, строениями...

Вообще по всему чувствовалось, что происходит нечто не совсем обычное и что не только возвращение президента тому причиной. Аэропорт был довольно слабо освещён. И в этой полутьме всё казалось ещё более таинственным. Президентская охрана из «девятки» КГБ посматривала на нас несколько удивлённо. И это было понятно: никогда ещё российские прокуроры не переступали ворот «Внуково-2». Эти недоумённые взгляды, в которых ясно читался вопрос - а вы, мол, кто такие? - не добавлял, естественно, комфортности нашим ощущениям.

В конце концов, оба мы принадлежали своему времени, оба прошли по одной и той же служебной лестнице, начиная с самых первых ступенек, и нам никогда не давали забыть про табель о рангах. Работая, к примеру, в районе, мы твёрдо знали, что первый секретарь райкома партии, как бы он ни провинился перед законом, не может быть привлечён нами к ответственности. И такое было в порядке вещей, воспринималось как норма. У одного из нас был случай. В маленьком городке свидетелем по делу о расхитительстве в гастрономе согласился выступить председатель горисполкома. Все семьдесят тысяч жителей городка знали, какие подношения от директора гастронома получал сановный свидетель, но изумлялись не этому. Сенсацией стал сам факт участия чиновника в процессе: такой большой человек отвечает на вопросы следствия! И вот сейчас, думая о том, что нам предстоит совершить, мы не то чтобы робели, нет, но волновались здорово.

Между тем в аэропорт стали прибывать правительственные «ЗИЛ»ы, и мы поняли, что ждать осталось недолго. По разработанному нами совместно с Баранниковым и шефом российского КГБ Иваненко плану все аресты предполагалось провести в здании аэропорта, где была такая удобная для наших целей комната со сквозными входом и выходом. У выхода стояли наготове наши машины, а от самолёта до здания лиц, подлежащих аресту, должны были препровождать оперативники. Мы уже знали, что охрана путчистов блокирована в Форосе, поэтому у нас отпали опасения насчёт возможных острых конфликтов при задержании.

Из Фороса ждали три борта. Первым прилетел самолёт президента. И тогда нам по рации сообщили, что Крючков находится в этом же самолёте, но во втором салоне, и следовательно нет никакой нужды куда-

то его водить, можно провести арест прямо у трапа. Когда мы с Баранниковым, Иваненко и двумя оперативниками подошли к самолёту, там уже встречали президента, но нам некогда было смотреть, как это происходит, мы торопились к выходу из второго салона.

Оттуда спустили запасной трап, узенькую такую лесенку с перилами. И вот на ней поддерживаемый сопровождающим появился Крючков. Он был в очень подавленном состоянии. Даже наше сообщение о том, что против него российской прокуратурой возбуждено уголовное дело, не вызвало с его стороны какой-нибудь сильной ответной реакции. Он только спросил: «А почему Россия?», и когда ему объяснили, что так решено в соответствии с законом, он ничего не возразил, кивнул и сказал: «Ну, хорошо.»

Как нам стало понятно потом, из допросов свидетелей, ему уже просто некуда было дальше расстраиваться. Крючков «сломался» ещё на пути в Москву. В Форосе он воспрянул было духом, узнав, что полетит в президентском самолёте. На какой-то миг он поверил, что не всё ещё потеряно, но Горбачёв дал ему понять, что надежды на прощение нет и быть не может, что из этого самолёта они выйдут порознь и дороги им предстоят разные...

Вскоре прилетел второй самолёт, в котором были Язов,

Тизяков и Бакланов. Язов держался очень спокойно. Выслушав нас, он спросил: «Что я должен делать?» Узнав, что ему надо пройти в здание аэропорта, он ответил: «Есть!», привычным жестом вскинул руку к козырьку парадной маршальской фуражки и двинулся вперёд чётким солдатским шагом. Чувствовалось, что внутренне он уже подготовился к такому исходу.

Совсем иначе вёл себя Тизяков. Когда оперативники привели его в здание аэропорта и ему была предъявлена санкция на арест, он страшно растерялся, а потом сделался каким-то суетливо агрессивным. С ним пришлось беседовать довольно долго, минут, наверное, пятнадцать. Он не переставал возмущаться: «Какое преступление?! При чём тут я? Это они всё затеяли, с них и спрашивайте...» Но потом всё-таки понял, видимо, что препираться бесполезно и отправился к машине.

Настала очередь Бакланова. Особых надежд на то, что его удастся арестовать прямо здесь, мы не имели. Бакланов как народный депутат обладал статусом неприкосновенности, поэтому был нам, как говорится, не по зубам и прекрасно сознавал это. Окончательно же убедившись, что мы не преступим закон, не задержим его силой, он сделался крайне любопытен: «А уже все арестованы? Где они сейчас? Их не отпустят?». И чувствовалось, что он интересуется не столько судьбой официальных членов ГКЧП, сколько степенью нашей осведомлённости о глубине самого заговора. Пришлось ему объяснить, что все беседы у нас с ним впереди, ещё наговоримся. Он дал слово явиться назавтра к полудню в прокуратуру, и мы с ним распрощались.

Наш путь лежал в «Сенеж». В этом правительственном пансионате, в

двух достаточно удалённых от основных строений коттеджах, решено было на первое время разместить арестованных. До «Сенежа» не так уж далеко, и дорога приличная. Но мы добирались туда два с половиной часа, потому что ехали медленно. Автобусы с вооружённой охраной были старые, маломощные, и вся колонна подстраивалась под их не очень резвый темп, поскольку растягиваться было нельзя из соображений безопасности.

К счастью, всё обошлось, и до «Сенежа» мы добрались благополучно. Лишь немногие там были посвящены в суть происходящего. Для остальных присутствие многочисленной охраны объяснили тем, что поблизости проходят военные учения и в коттеджах разместился командный пункт.

После медицинского освидетельствования арестованных мы разъяснили им их права, поинтересовались, нет ли у них каких-нибудь просьб, вопросов, претензий. Язов попросил известить обо всём жену. Остальные никаких просьб не высказали. Мы оставили наших следователей работать, поскольку арестованные согласились дать предварительные показания без адвокатов, а сами вернулись в Москву.

В Кремле, на даче и в частной квартире

Мы не спали уже третьи сутки. Но в ближайшее время даже думать об отдыхе не приходилось. У нас были сведения, что Янаев находится в Кремле, и мы с Баранниковым, решив не откладывать дело в долгий ящик, отправились туда. У коменданта Кремля, уже предупреждённого, наше появление никаких вопросов не вызвало, он лично проводил нас на второй этаж к кабинету Янаева. В коридоре мы встретили Карасёва и Ярина, сотрудников аппарата президента. Как выяснилось, эти двое по собственной инициативе ещё накануне взяли Янаева, что называется, под стражу и не спускали с него глаз до нашего прихода.

Допрошенный впоследствии в качестве свидетеля Вениамин Ярин подробно рассказал о том, как именно это происходило.

Из протокола допроса В. Ярина от 16 сентября 1991 г.:

- ...21 августа, во второй половине дня, примерно в 17 часов, Янаев появился в Кремле. Я предложил изолировать его и пошёл к нему в кабинет... В приёмной я попросил секретаршу доложить обо мне. Когда она пошла докладывать, я пошёл следом за ней и вошёл в кабинет. В кабинете находился Янаев, причём, он был без пиджака, в рубашке, а пиджак его висел на спинке стула.

Янаев протянул мне руку для приветствия. Я взял его за руку и на всякий случай насильственно отодвинул

Янаева ближе к двери и подальше от пиджака, в котором, как я предполагал, могло находиться оружие. После этого я высказал Янаеву всё, что я о нём думаю. Янаев пытался оправдываться, говорил, что пошёл с «ними», чтобы меньше было крови, что иначе он бы оказался в

Лефортове (тюрьма в Москве - прим. авт.), на что я ему ответил, что если бы он был в Лефортове, я бы его освобождал. В конце разговора я предупредил Янаева, что вся его свобода - стены этого помещения, что отсюда он не выйдет, и ушёл.

Вечером мы с Карасёвым прошли по Кремлю, а вернувшись на второй этаж 1 корпуса, застали там пять или шесть парней, видимо, из личной охраны... Я предупредил их, что если они попытаются вывезти Янаева, он умрёт первым».

Всю ночь мы не спали, а утром, примерно в 7 часов, я решил разбудить Янаева. Мы с Карасёвым прошли в его кабинет, причём, не через приёмную, а через другой вход. Янаев спал на диване, укрытый коричневым пледом. Мы его долго будили, наконец он проснулся, но всё не мог сообразить, где он находится, кто перед ним. Одеваясь, он не мог попасть в брюки, пришлось помочь ему одеться. Я не могу сказать, трезвым был Янаев или нет. По его поведению можно было сказать, что он пропьянствовал всю ночь. Однако запаха спиртного я не чувствовал, да и вряд ли мог почувствовать, т. к. в течение ночи выкурил огромное количество сигарет и сильно устал...

Вид у Янаева действительно был неважный. И заметно было, что он сильно нервничает. Но всё-таки он старался держать себя в руках, был с нами вежлив, усадил за стол, сам сел. Мы ему представились, предъявили санкцию на обыск и арест. Крыть ему было нечем, статусом неприкосновенности он как вице-президент не обладал, законом это не было предусмотрено.

Покончив с формальностями, мы приступили к обыску. Кабинет у Янаева был большой - из трёх комнат. В своё время его занимал Лаврентий Берия, политическая карьера которого тоже закончилась арестом...

Самое неприятное впечатление на нас произвёл рабочий стол Янаева. Там лежало очень много различных документов. И видно было, что как их положили давным-давно, так они и лежат без движения - в папочках, гладенько отпечатанные, и ни единой на них пометки, вообще ничего указывающего на то, что их хотя бы просматривали. Большая часть этих бумаг относилась ещё к началу деятельности Янаева на посту вице-президента.

В календаре записей почти не было, но одна фамилия встретилась нам дважды или даже трижды, и та же фамилия значилась в небольшом листочке, который был вложен в календарь и на котором было напечатано на машинке расписание экзаменов. Геннадий Иванович объяснил, что это фамилия дочери его шофёра, она поступает в институт. Ну, мы поняли, что он посильно помогал ей в этом. А вот на выполнение своих прямых обязанностей у него времени не хватало, и многие проблемные, государственной важности документы месяцами лежали нечитанными...

Когда обыск был закончен, мы поручили Янаева заботам следственно-оперативной бригады и уехали из Кремля.

В тот день, 22 августа, планировались аресты ещё троих членов ГКЧП - Пуго, Стародубцева и Павлова. Но Пуго застрелился. И об этом мы расскажем позже. А Василия Александровича Стародубцева пришлось долго разыскивать. 21 августа он исчез, как в воду канул. Павлов, по нашим сведениям, всё ещё был в больнице. И мы решили, что не будем пока его тревожить. Ну, коль неможется человеку, пусть лежит, лечится. Подождём. И раз уж так всё складывается, сами передохнем.

На следующее утро нам стало известно, что Валентин Сергеевич Павлов пребывает на даче и здоровье его не вызывает опасений. С Павловым работы предстояло много: надо было проводить обыски в рабочем кабинете, дома и на даче. Поэтому мы отправили на его задержание следственно-оперативную бригаду, а процедуру ареста решили произвести в прокуратуре.

Только бригада уехала, позвонил шеф КГБ России Иваненко и сообщил, что по линии его ведомства получены сведения о местонахождении Стародубцева. Это известие очень нас порадовало и потому, что Стародубцев наконец отыскался, и потому, что произошло это очень для нас кстати. К тому времени Президиум ВС СССР по ходатайству прокуратуры Союза дал согласие на привлечение к ответственности депутатов Шенина, Бакланова, Варенникова и Стародубцева, так что у нас были руки развязаны. Можно было его брать. И наши люди тут же отправились по указанному Иваненко адресу.

Но известия от них поначалу поступили не слишком утешительные. Они позвонили и сказали, что в квартире, где предположительно укрылся Стародубцев, к двери никто не подходит, полная тишина. После истории с Пуго нервы у всех были на пределе. И неудивительно, что у ребят из службы наружного наблюдения российского КГБ появилось даже намерение взломать дверь. Но мы им разрешения на это не дали. Ломать - дело нехитрое. Однако как это будет расценено хозяином квартиры? Он-то перед законом ни в чём не виноват. К тому же никто тогда не гарантировал стопроцентную достоверность сведений о том, что именно в этой квартире укрылся Стародубцев. Поэтому мы посоветовали группе задержания запастись терпением и выдержкой.

Прошло время, и немалое, прежде чем они снова позвонили. Беседуем - говорят - с Василием Александровичем через дверь. Правда, смысла в этих беседах мало. Мы ему: «Как дела?» Он нам: «А у вас как?» У него большие сомнения насчёт российского правосудия, он опасается предвзятости...

В общем нашим людям действительно пришлось проявить массу терпения, прежде чем Василий Александрович согласился отправиться с ними в прокуратуру. Его привезли уже часам к пяти или шести вечера. Естественно, нас заинтересовало, что же он делал в чужой квартире так долго, не отзываясь на звонки в дверь. Оказалось, что всё это время Стародубцев работал над чем-то вроде проекта Указа о сельском хозяйстве. В доказательство он представил нам рукопись на трёх страницах и сказал, что если Горбачёв подпишет этот Указ, то наше

сельское хозяйство очень быстро станет на ноги. Кроме такой вот «государственной бумаги», он ещё составил то ли прошение, то ли заявление о том, чтобы его судьбу решала прокуратура Союза. Но против беседы с нашим следователем он не возражал, согласился отвечать на его вопросы без адвоката.

А часа за полтора до того, как Стародубцев, под привычным для него, героя многих документальных фильмов, взглядом телекамеры начал давать предварительные показания, в прокуратуру был доставлен Валентин Сергеевич Павлов. Вёл он себя очень спокойно, даже не без достоинства. Мы поинтересовались его самочувствием. Он ответил, что сейчас здоровье у него более-менее хорошее, а вот 20 и 21 августа он был настолько болен, что не мог принимать никакого участия в деятельности ГКЧП. Мы, конечно, спросили, отчего он столь внезапно прихворнул. Валентин Сергеевич пояснил, что в ночь на 19 августа на совещании членов ГКЧП в кабинете Янаева подавали кофе с добавлением виски и этот напиток подействовал на него так плохо, что он вынужден был прилечь на диван, а утром его отвезли на дачу, где он почти безотлучно и находился до сей поры.

Валентин Сергеевич был не против беседы со следователем. Правда, их общение мало походило на беседу. Валентин Павлович превратил её в свой довольно продолжительный монолог, но ему не препятствовали: пусть человек, что называется, выговорится. Потом он в соответствии с законом просматривал видеозапись своих показаний, что-то в них корректировал. И время уже близилось к полуночи, когда в кабинете Генерального прокурора России Павлову и Стародубцеву были предъявлены постановления об их аресте. Так закончился день 23 августа.

До спора не дошло

Бакланова нам арестовывать не пришлось. В ночь на 24 августа его, а также Шенина, Болдина и Плеханова арестовала союзная прокуратура. Нельзя сказать, что это стало для нас полной неожиданностью. Объявив о возбуждении дела, добившись от Верховного Совета СССР согласия на привлечение к ответственности депутатов, причастных к заговору, Трубин должен был предпринять дальнейшие решительные действия.

Но после этих ночных арестов ситуация сложилась мягко говоря странная. У нас под стражей шестеро, у них - четверо. Предмет расследования и доказывания один, но прокуратур две, и дело таким образом приобретает как бы два ствола, два направления. Этот следственно-процессуальный парадокс не мог, конечно же, устроить ни одну из сторон. Вопрос о руководстве делом следовало решать незамедлительно.

Мы в своём праве на главную роль не сомневались, но знали, что Трубин так просто нам её не уступит. Его надо было убеждать и аргументы при этом использовать

веские. А потому мы решили хорошенько подготовиться к разговору с ним, всё обдумать заранее. В результате к утру следующего дня, 25 августа, у нас сложилась достаточно стройная, на наш взгляд, система доказательств.

Было воскресенье, но Генеральный прокурор СССР, как мы и предполагали, оказался на месте. Ему тоже в эти горячие денёчки забот хватало. Однако он был не против встречи с нами, поскольку понимал, что откладывать её не имеет смысла. Мы сразу же приступили к сути и изложили ему свои аргументы. Вкратце они сводились к следующему.

Прокуратура Союза осуществляла надзор за деятельностью МВД, КГБ, кабинета министров и через Главную военную прокуратуру в какой-то степени контролировала военные ведомства. Генеральный прокурор, по долгу службы присутствуя на координационных совещаниях, общался с руководителями этих структур, теми же Пуго, Крючковым, Язовым, и не всегда же это общение носило только официальный характер, были ведь и какие-то разговоры, скажем, за чашкой чая... Стало быть, возникали, ну, просто не могли не возникать какие-то личностные отношения. Сейчас они могут стать серьёзным поводом для общественного недоверия. И если, предположим, возникнет необходимость прекратить дело в отношении кого-нибудь, то будь это решение сколь угодно справедливым и законным, в нём всё равно усмотрят необъективность: вот, мол, Генеральный прокурор сначала недоглядел за своими поднадзорными, а теперь, когда они так крупно проштрафились, он же руководит расследованием и решает, кого надо привлекать к ответственности, а кого - не надо.

Довольно уязвима позиция прокуратуры Союза и в отношениях с оперативными структурами: уголовным розыском, Управлением по борьбе с организованной преступностью, службой ОБХСС и т. д. Без их помощи расследовать дело невозможно, но поскольку они принадлежат МВД и КГБ Союза, безраздельно доверять им не приходится. А республиканские, краевые, областные правоохранительные органы союзной прокуратуре помогать не будут, потому что в дни путча получали от неё шифротелеграммы с предписаниями поддерживать ГКЧП и осуществлять надзор за неукоснительным выполнением всех его Указов относительно чрезвычайного положения.

А что скажут москвичи, которые собственными глазами видели, что прокуратуру Союза охраняли БТРы, что все подступы к ней были заняты вооружёнными до зубов десантниками, в то время, как у дверей российской прокуратуры, оставшейся верной России и её законному президенту, никакой охраны, кроме единственного милиционера, который и в обычные дни там стоит, не было?

Кроме того, у общественности накопилась масса претензий лично к Генеральному прокурору СССР, и претензий справедливых, поскольку оценка, данная им событиям в Тбилиси, Новочеркасске, Литве и Латвии, свелась по существу к оправданию насильственных действий армии против мирного населения. А незадолго Трубин был на Кубе и дал там

интервью, в котором заявил, что для наведения порядка нужна твёрдая рука, что время для этого пришло, ну, и ещё что-то в том же духе. Эти не слишком демократичные высказывания попали в нашу прессу и, конечно же, только добавили поводов для более чем резкой критики. Поэтому не лучше ли будет, если Генеральный прокурор по собственной инициативе откажется от руководства следствием по делу ГКЧП прежде, чем от него это потребуют?

Трубин наши доводы выслушал очень внимательно, и реакция его на них была реакцией человека разумного и трезвого. Он сказал, что сам прекрасно понимает уязвимость своих позиций в этой ситуации и что в целом он с нами согласен: у прокуратуры России действительно больше моральных прав на ведение этого дела. Однако в процессе его расследования могут возникнуть такие вопросы, которые без содействия Генерального прокурора Союза решить будет невозможно, поэтому нужно так сформулировать «отречение», чтобы в нужный момент оба прокурора могли действовать совместно. На том и порешили. К вечеру поторапливаемый нами Трубин подготовил постановление, подписал его, и с понедельника 26 августа противостояние двух прокуратур закончилось.

Нужно отдать должное Трубину: никакой обиды на нас он не затаил, и дальнейшие наши отношения были отношениями коллег, заинтересованных в успехе общего дела. Подтверждением этого стала история с арестом Лукьянова. У нас были серьёзные основания считать, что в заговоре он сыграл далеко не последнюю роль, однако занимаемый им высокий пост и тот факт, что официально он не входил в состав ГКЧП, продлили срок пребывания Анатолия Ивановича на свободе.

Вечером 27 августа мы встретились с Трубиным и договорились, что оставлять в подвешенном состоянии вопрос с Лукьяновым дальше нельзя, надо просить согласие на привлечение его к ответственности, и эта акция должна носить совместный характер, чтобы подчеркнуть единство мнений обеих прокуратур. Таким образом 28 августа подписанное двумя Генеральными прокурорами ходатайство было направлено в Верховный Совет.

Мы не могли знать, сколько времени потребуется на его рассмотрение, поэтому запланировали в течение ближайших дней некоторые следственные действия, в которых Лукьянов должен был выступать в качестве свидетеля. В этой роли он был уже допрошен в Кремле. Но Верховный Совет на удивление быстро «сдал» своего спикера. Заслушав прокурорское ходатайство, депутаты почти единогласно согласились его удовлетворить. Тем не менее мы решили следовать своим планам, действовать не торопясь.

29 августа наши следователи проводили обыск в кабинете Лукьянова в Кремле. Вернувшись в прокуратуру, они доложили, что Анатолий Иванович вёл себя крайне нервно и даже нашумел на них: я, мол, вижу к чему дело идёт, так что нечего тянуть, давайте меня здесь арестовывайте, а если вы вздумаете проделать это у меня дома в

присутствии моей престарелой матери, я вас в порошок сотру... Следователей такое его поведение, конечно, ни в коей степени не вывело из себя, они к всплескам эмоций уже привыкли, поэтому очень спокойно и вежливо разъяснили ему, что с подобными «просьбами» нужно обращаться не к ним, а к прокурору. На том они с Лукьяновым в шестом часу вечера расстались.

А где-то в половине седьмого к нам в прокуратуру позвонил Трубин и сказал, что у него сердце не на месте после выступления Лукьянова на сессии ВС. Кто знает, что у него на уме. Он уже нынешнюю ночь провёл в Кремле. Ведь Пуго, Кручина, Ахромеев покончили с собой. Где у нас гарантии, что с ним ничего подобного не случится? И есть ведь другой, тоже не располагающий к спокойствию, вариант: а вдруг существуют силы, настолько заинтересованные в его молчании, что не остановятся ни перед чем? Нам вовек не оправдаться, если произойдёт что-нибудь непоправимое, поэтому надо его прямо сегодня арестовать. Да и некоторые союзные депутаты высказывают недоумение по поводу того, что Лукьянов всё ещё на свободе...

Мы попытались Трубину объяснить, что такая спешка не входит в наши планы, что с арестом нужно повременить, ещё не закончена работа с Лукьяновым как со свидетелем, но Трубин слышать ничего не желал. Он был так настойчив, что мы его даже спросили, не дошла ли до него по каким-нибудь особым каналам информация, дающая повод для столь серьёзных опасений. Трубин уверил нас, что знает ровно столько же, сколько и мы, но интуиция ему подсказывает, что с арестом не стоит медлить. В конце концов он и нас заразил своей тревогой.

Было часов восемь вечера. К этому времени Лукьянов из Кремля уехал к себе на дачу. Там он и был задержан пару часов спустя. Его задержание проводили всего два человека - первый заместитель министра МВД России Виктор Ерин и один из наших следователей. Охрана ждала в машине. И, конечно же, вели себя очень тактично. Лукьянов поинтересовался их полномочиями, они его законное любопытство удовлетворили. Анатолий Иванович сказал, что ожидал такого поворота событий и подготовился. Действительно у него была уже собрана сумка, в которой лежали личные вещи, кое-какие документы и книги. Он оделся попроще, не как в Верховный Совет, попрощался с домашними и спокойно прошёл к ожидавшей машине.

Каково же было наше изумление, когда в прессе некоторое время спустя появился рассказ об этом событии самого Лукьянова. Из него явствовало, что дачный посёлок был окружён чуть не ротой автоматчиков, которые всех переполошили, что наши люди вели себя крайне грубо по отношению к жене Анатолия Ивановича, что все юридические и нравственные нормы были попраны. Столь вольное, мягко говоря, обращение с фактами было для нас, конечно, не только удивительным, но и неприятным. Однако нет худа без добра. История с этой публикацией расширила наши тогда ещё явно недостаточные представления о характере Анатолия Ивановича.

С глазу на глаз

Мы вообще не пренебрегали возможностями получше узнать наших, выражаясь профессиональным языком, фигурантов. И поэтому никогда не отказывали им в желании побеседовать с нами, что называется, без протокола. Естественно, беседы эти происходили с глазу на глаз и никак не фиксировались. Однако кое-что особо заинтересовавшее или поразившее нас мы записывали по памяти в свои дневники. Самые, пожалуй, неординарные впечатления остались от разговоров по душам с Крючковым и Лукьяновым.

Крючков, оправившись в сравнительно комфортных условиях «Сенежа» от потрясений, вызванных провалом путча и последовавшим за этим арестом, сказал, примерно, следующее: «Стоит ли доводить дело до следствия и суда? Можно ведь всё решить политическим способом: дать соответствующую оценку случившемуся, отстранить нас, и тем самым исчерпать инцидент». После того, как ему в ответ на это было заявлено, что политически вопросы надо было решать до 19 августа в пределах действующего Закона, а сейчас об этом говорить поздно, он вздохнул и перевёл разговор на другую тему: «У меня есть очень своеобразная просьба. Я, знаете ли, привык снимать стресс небольшим количеством виски - граммов 50 с добавлением воды. Нельзя ли в отношении этой малости пойти мне навстречу?»

Удивительное было не в просьбе, а в том, как она была подана. Вопрос - где же здесь виски взять? - нисколько Крючкова не обескуражил, он лишь плечами пожал - ну, мол, это не ваши заботы, вы только разрешите. Тут впору было ахнуть от изумления - сидит под стражей, закрытый на семь замков, в полной изоляции, а ведёт себя так, словно у него, как у Аладдина, джин в услужении.

Этот разговор только усилил и без того не отпускавшее нас беспокойство. Мы не считали «Сенеж» достаточно надёжным «убежищем» для наших подследственных, да и общественность после показа по телевидению сюжета, снятого там, возмущалась: преступников де отправили отдыхать на дачу. Но 21 августа нам особо выбирать не приходилось. Поначалу вообще было неизвестно, куда девать столь необычных арестантов. Ни в одном из следственных изоляторов мы их со спокойной душой оставить бы не смогли, так как не были полностью уверены в персонале. Единственной бесспорной твердыней демократии в тот день мог считаться только Российский Белый дом, и кто-то сгоряча даже предложил использовать его подвалы. Но это предложение мы отвергли - всё-таки подвал не место для людей.

В «Сенеже» арестованные содержались недолго, оттуда их отправили в срочно подготовленный следственный изолятор в городе Кашине Калининской области. Но его удалённость от Москвы - больше 200 километров - создавала множество неудобств и для следователей, и для адвокатов. Окончательный выбор пал на московский изолятор № 4, именуемый в просторечии «Матросской тишиной». Там полностью сменили охрану, обслуживающий персонал и подготовили всё для приёма

«гостей». Лукьянова после ареста поместили уже сразу туда.

Вот там, в «Матросской тишине», по просьбе Анатолия Ивановича и состоялся примечательный разговор, который длился почти два часа. Сначала Лукьянов доказывал свою полную непричастность к заговору, затем очень ловко, можно сказать, изящно начал проводить мысль о том, что он может быть чрезвычайно полезен следствию. Вам, мол, надо будет пройти очень сложный путь по такой тонкой-тонкой ниточке, которая отделяет уголовную часть всего этого события от политической. Он согласен помочь следственной группе пройти столь трудный путь с достоинством, но при этом, естественно, должен быть уверен, что и с нашей стороны к нему будет соответствующее отношение. Анатолий Иванович не сказал прямо, что нам следует его освободить, но это и без слов было ясно.

Потом Лукьянов завёл речь о своём желании помочь также и президенту, поскольку для того грядут тяжёлые времена: к концу уже этого года возможен полный крах экономики, людям станет прочто-напросто нечего есть, и они сметут тех руководителей, которым пока ещё верят, в том числе и Горбачёва. Какими конкретными способами Лукьянов спасёт президента от народного гнева, сказано не было. Зато Анатолий Иванович очень много говорил о своей сорокалетней дружбе с Горбачёвым, о том, как хорошо он знает и самого Михаила Сергеевича и жену его Раису Максимовну, с которыми судьба свела его ещё в студенческом общежитии МГУ на Стромынке.

Намёки были, одним словом, весьма прозрачные: вы, дескать, дайте понять Горбачёву, что мне о нём многое известно, и если он не вытащит меня из этой ямы, то ему же хуже будет. Эти невысказанные угрозы были подкреплены заявлением, что на следствии Анатолий Иванович не скажет ни слова, зато на суде, если таковой состоится, не утаит ничего ради торжества истины и справедливости.

А к финалу этой беседы «по душам» Лукьянов сказал нечто совсем уже неожиданное. Он выразился буквально так: «Следствию выгодно сохранить меня живым». Как-то вообще странно, дико даже было услышать подобные слова. Но он, видимо, всерьёз полагал, что есть какие-то структуры в государстве, которые столь радикально могут решать вопрос о его жизни или смерти...

Да, очень непростыми людьми были наши главные фигуранты. Иногда казалось, что нам легче было бы общаться с инопланетянами, чем с ними - пришельцами из мира, в котором всё решала степень принадлежности к власти, а не юридические и нравственные нормы. Лукьянов был абсолютно прав, когда говорил, что следствию предстоит пройти нелёгкий путь, В конце августа 1991 года этот путь для нас только лишь начинался.

Они судили себя сами

Нет ничего удивительного в том, что последовавшие друг за другом

самоубийства Б. Пуго, Н. Кручины и С. Ахромеева вызвали много толков. Эти люди занимали очень высокие посты и, сознавая их причастность ко многим государственным тайнам, общество не могло не задаваться вопросом - на самом ли деле эти трое по собственной воле ушли из жизни в столь драматические для страны дни, не «помог» ли им кто-то, кому они были бы опасны в качестве свидетелей? Дать на этот вопрос однозначный ответ было долгом следствия.

«Я не заговорщик, но я трус...»

Из показаний Зои Ивановны Кручины:

- ...В пятницу 23 августа муж вернулся со службы примерно в 18.45. Я спросила его: «Почему так рано?» Он ответил: «Я уже отработал.»...

Забот у Николая Ефимовича Кручины, управляющего делами ЦК КПСС всегда хватало. Хозяйство, вверенное ему, было огромным и отличалось отменным качеством. Партии принадлежали лучшие в стране административные здания, общественно-политические центры, издательства, типографии, архивы, учебные заведения, гостиницы, санатории, больницы, специальные базы промышленных и продовольственных товаров, секции магазинов, различные производства, среди которых был даже афинажный завод, на котором изготовлялись золотые кольца и прочие драгоценности... Приученные к хорошей жизни в Отечестве представители партийной элиты и за рубежом желали чувствовать себя не хуже, а потому, отправляясь за кордон на отдых или в командировку, казны не щадили. Короче, «остров коммунизма», завхозом которого был Николай Ефимович, требовал немалых расходов на содержание.

В безмятежные доперестроечные времена миллионы рядовых партийцев исправно платили взносы, 114 партийных издательств и 81 типография безотказно передавали ЦК всю огромную прибыль, и что самое главное, - не существовало чёткой границы между партийными и государственными финансами, а потому предшественникам Н. Кручины не надо было ломать голову над тем, где бы раздобыть деньжат. Ему же досталась другая доля.

Перестройка сильно проредила партийные ряды, газеты и журналы взбунтовались - число данников ЦК неуклонно сокращалось, зато всё больше появлялось людей, которые во всеуслышанье подвергали сомнению десятилетиями внедрявшуюся в общественное сознание мысль о том, что «народ и партия едины». Дело дошло до невиданного и неслыханного: от партии потребовали финансового отчёта. Николай Ефимович Кручина стал первым в истории управделами ЦК, которому пришлось держать публичный ответ о доходах и расходах КПСС.

Конечно, он волен был как угодно дозировать количество правды в этом ответе, поскольку у общества ещё не было возможности его проверить, но сам факт открытого вмешательства «посторонних» в самую интимную сферу деятельности ЦК говорил о том, что в прежнем

комфортном режиме партии уже не жить.

В ведомстве Кручины не было людей, которые знали, как можно жить по-другому, и поэтому было решено привлечь специалистов из «боевого отряда партии» - КГБ. Так у Николая Ефимовича появились новые подчинённые - офицеры разведки, отлично разбирающиеся в хитростях западной экономики. В их задачу входила координация экономической деятельности хозяйственных структур партии в изменившихся условиях. Проще же говоря, они должны были научить партию быстро делать большие деньги и надёжно их прятать.

Уроки пошли впрок. Партия стремительно обезличивала свои миллиарды при посредстве специально создаваемых фондов, предприятий, банков, зашифровывала заграничные счета, формировала институт «доверенных лиц», этаких карманных миллионеров при ЦК. Всё это гарантировало стабильный и анонимный доход в условиях самых экстремальных, вплоть до жизнедеятельности в эмиграции или подполье. Словом, у Николая Ефимовича Кручины были все основания быть довольным результатами работы.

Но с треском провалившийся путч нанёс сокрушительный удар по КПСС. Кучка верных сынов партии - гэкачепистов - оказалась для неё опаснее, чем все демократы вместе взятые. Ситуация изменилась с гибельной быстротой - всё то, что вчера ещё в секретных партийных отчётах скромно именовалось «коммерческой деятельностью» приобрело ярко выраженный криминальный характер и могло расцениваться уже как контрабандное перемещение валютных ценностей через государственную границу (ст. 78 УК РСФСР), нарушение правил о валютных операциях (ст. 88) и умышленное использование служебного положения в конкретных целях, что вызвало тяжкие последствия для государственных и общественных интересов (ст. 170 часть 2)...

По свидетельству известного историка, члена ЦК КПСС Роя Медведева, Горбачёв заблаговременно предупредил Кручину о своей отставке с поста Генерального секретаря и попросил привести в порядок трудовые книжки работников партаппарата, а также выдать им зарплату. Эта просьба осталась невыполненной. Слова «я уже отработал» относились не просто к конкретному дню 23 августа 1991 года - они подводили черту под всей жизнью.

Из показаний Евланова, офицера охраны КГБ:

- ...В воскресенье 25 августа Кручина возвратился домой в 21.30. Обычно он человек приветливый, всегда здоровается. В этот раз был какой-то чудной.

Я находился у входа в дом, на улице, когда подъехала его машина. Он вышел из машины, не поздоровался, ни на что не реагировал, поднялся к себе. Чувствовалось, что он чем-то расстроен. С утра вышел один человек, а возвратился совсем другой...

В тот последний свой вечер Николай Ефимович никуда из дома не отлучался, и никто, кроме старшего сына, Сергея Николаевича, его не

посещал. В полночь дежурный офицер охраны как всегда закрыл дверь в дом.

Из показаний З. И. Кручины:

- ...После 22 часов он велел мне идти спать, а сам собирался ещё поработать. Около 22.30 он прилёг на диван в своём кабинете и уснул. Я пошла к себе. Однако заснуть мне не удалось, т. к. на душе было неспокойно. Я не спала практически всю ночь. В 4.30 я посмотрела на часы и мгновенно уснула. Проснулась я от сильного стука в дверь. Когда я вышла из спальни, меня встретил сын Сергей и работники милиции...

Из показаний Евланова:

- ...В 5.25, находясь внутри здания, я услышал сильный хлопок снаружи. Впечатление было такое, как будто бросили взрывпакет. Выйдя на улицу, я увидел лежащего на земле лицом вниз мужчину... Немного поодаль валялся сложенный лист бумаги...

Это была одна из двух оставленных Николаем Ефимовичем записок: «Я не заговорщик, но я трус. Сообщите, пожалуйста, об этом советскому народу. Н. Кручина».

Вторую записку нашли в квартире; «Я не преступник и заговорщик, мне это подло и мерзко со стороны зачинщиков и предателей. Но я трус. (Эта фраза подчёркнута, - Прим. авт.)

Прости меня Зойчик детки внученьки. (Без запятых. - Прим. авт.).

Позаботьтесь, пожалуйста, о семье, особенно вдове. Никто здесь не виноват. Виноват я, что подписал бумагу по поводу охраны этих секретарей. (Имеются ввиду члены ГКЧП. - Прим. авт.). Больше моей вины перед Вами, Михаил Сергеевич, нет. Служил я честно и преданно.

5.15 мин. 26 августа. Кручина.»

Следственная бригада, работавшая на месте происшествия, установила, что перед смертью Н. Кручина не подвергался физическому насилию и не уничтожал каких-либо бумаг. В квартире в целости и сохранности находились документы, проливающие свет на многие секреты ЦК, в том числе и финансовые. Это досье положило начало большой следственной работе по выделенному в отдельное производство делу о деньгах партии. И, пожалуй, только когда оно завершится, станет окончательно ясно, что за страх - перед кем или перед чем? - заставил последнего управляющего делами ЦК КПСС Н.Е. Кручину выброситься с балкона своей квартиры ранним утром 26 августа 1991 года.

«Я боролся до конца»

До 19 августа 1991 года судьба была более чем благосклонна к Сергею Фёдоровичу Ахромееву. Он остался жив, провоевав с 41-го по 45-й на самых смертоносных фронтах Великой Отечественной - Ленинградском, Сталинградском, Южном, 4-м Украинском. После войны уверенно одолел крутой подъём воинской карьеры до её маршальского

пика. И выйдя в отставку, не затерялся в пенсионерской тени - остался у дел и на виду, заняв по просьбе президента Горбачёва пост его советника.

Судьбе было угодно, чтобы жизненный путь маршала Ахромеева пролегал только вперёд и вверх и закончился бы с почётом, но 19 августа маршал воспротивился судьбе: узнав о создании ГКЧП, он прервал отпуск, который проводил с женой и внучкой в Сочи, и прилетел в Москву. Сменив цивильный костюм на маршальский мундир, он отправился на место своей службы, в Кремль. Встретившие его сотрудницы А. Гречанная, Т. Рыжова, Т. Шереметьева отметили, что Сергей Фёдорович в хорошем настроении, бодр, даже весел.

20 августа Рыжова по указанию Ахромеева печатала план мероприятий, связанных с введением чрезвычайного положения. В тот же день Ахромеев ездил в министерство обороны. Вечером на вопрос Рыжовой - «Как дела?» - Сергей Фёдорович ответил: «Плохо» и попросил принести ему раскладушку с бельём, поскольку хотел остаться ночевать в Кремле. На следующий день настроение его ещё более ухудшилось. 22 августа Ахромеев направил личное письмо Горбачёву.

23 августа Сергей Фёдорович присутствовал на заседании Комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и госбезопасности. Смирнова, стенографистка, рассказала следствию, что Ахромеев вёл себя в этот день необычно: ранее он всегда выступал, был очень активен, а в этот раз всё заседание просидел в одной позе, даже головы не повернул и не проронил ни единого слова.

Свидетель Загладин, советник президента СССР, чей кабинет в Кремле был рядом с кабинетом Ахромеева, показал, что в тот день видел Сергея Фёдоровича в последний раз. Ахромеев, по его словам, был в очень подавленном, нервном состоянии. Руки его дрожали, лицо было тёмное. На вопрос Загладина, как он себя чувствует, ответил, что «переживает, много думает, даже ночевал в кабинете». Сказал также, что «было трудное заседание Комитета по обороне» и что «не знает, как всё будет дальше». В рабочей тетради Ахромеева среди записей, сделанных на том заседании, есть и такая: «Кто организовал этот заговор - тот должен будет ответить».

Гречанная и Шереметьева, по долгу службы наиболее тесно общавшиеся с Ахромеевым, показали, что 23 августа Сергей Фёдорович писал какие-то бумаги, снимал с них копии и старался делать это так, чтобы входившие в кабинет, не видели, что он пишет. Раньше такого с ним не было. Обе свидетельницы заявили следствию, что наблюдая необычно подавленное состояние Ахромеева, допускали мысль о его возможном самоубийстве.

А для родных смерть Ахромеева стала не только огромным, но и неожиданным горем. Жена и дочери знали его как очень волевого, жизнерадостного человека. Он никогда не выказывал перед ними ни страха, ни слабости. Таким и остался до конца.

Последнюю ночь он провёл на даче с семьёй дочери Натальи Сергеевны. Вот как она вспоминает об этом:

- ...Четыре вечера подряд я не могла с ним поговорить, так как он возвращался усталый, очень поздно, пил чай и ложился. Кроме того, мой отец был таким человеком, которому невозможно было задавать вопросы без его согласия на то. В пятницу, 23 августа, накануне его смерти, я почувствовала, что он хочет поговорить.

Мы купили огромный арбуз и собрались за столом всей семьёй. Я спросила у него: «Ты всегда утверждал, что государственный переворот невозможен. И вот он произошёл, и твой министр обороны Язов причастен к нему. Как ты это объясняешь?» Он задумался и ответил: «Я до сих пор не понимаю, как он мог...»

На следующий день перед уходом он пообещал моей дочке, что после обеда поведёт её на качели...

По словам Натальи Сергеевны, 24 августа Ахромеев уехал на работу около 9 часов утра. Примерно в 9.35 она звонила, чтобы сообщить о возвращении матери из Сочи. Он разговаривал бодро, весело. Ничто не свидетельствовало о его намерении уйти из жизни...

Из материалов следствия:

«...24 августа 1991 года в 21 час 50 мин. в служебном кабинете № 19 «а» в корпусе 1 Московского Кремля дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп Маршала Советского Союза Ахромеева Сергея Фёдоровича (1923 года рождения), работавшего Советником Президента СССР.

Труп находился в сидячем положении под подоконником окна кабинета. Спиной труп опирался на деревянную решётку, закрывающую батарею парового отопления. На трупе была надета форменная одежда Маршала Советского Союза. Повреждений на одежде не было. На шее трупа находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенного вдвое, петля, охватывающая шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплён на ручке оконной рамы клеящей лентой типа «Скотч». Каких либо телесных повреждений на трупе, помимо связанных с повешением, не обнаружено.

Обстановка в кабинете на время осмотра нарушена не была, следов какой-либо борьбы не найдено.

На рабочем столе в кабинете обнаружены шесть записок, написанных от имени Ахромеева. Все записки рукописные.

В первой, от 24 августа, Ахромеев просит передать записки его семье, а также Маршалу Советского Союза С. Соколову. В письме на имя Соколова излагается просьба к нему и генералу армии Лобову помочь в похоронах и не оставить членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни. Письмо датировано 23 августа. В письме своей семье Ахромеев сообщает, что принял решение покончить жизнь самоубийством. Письмо написано 23 августа. В безадресной, датированной 24 августа, записке

Ахромеев объясняет мотивы самоубийства: «Не могу жить, когда гибнет моё Отечество и уничтожается всё, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь мне дают право из жизни уйти. Я боролся до конца».

Записка, в которой Ахромеев просит уплатить долг в столовой и к которой подколота денежная купюра в 50 рублей, также от 24 августа.

И последняя записка: «Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась - порвался тросик. Собираюсь с силами всё повторить вновь».

В пластмассовой урне под столом обнаружены куски синтетического шпагата, схожего с материалом петли.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы от 25.08.91 г. признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве Ахромеева путём удавления петлёй при исследовании трупа не обнаружено, как не обнаружено каких-либо телесных повреждений, помимо странгуляционной борозды. Установлено, что Ахромеев незадолго до смерти алкоголь не принимал. Почерковедческая экспертиза от 13.09.91 г. подтвердила, что все шесть записок, обнаруженных на столе в кабинете, написаны Ахромеевым...»

Что и говорить, способ самоубийства маршал выбрал не маршальский. И, казалось, сама судьба воспротивилась этому выбору - первая попытка закончилась неудачей. Но маршал переупрямил судьбу, сладив себе петлю покрепче.

Вот вокруг злосчастной этой петли и заклубились сомнения да подозрения: маршалы, мол, в случае чего не вешаются, а стреляются. Но у Ахромеева пистолета не было. Бывший его адъютант Кузьмичёв, допрошенный в качестве свидетеля, показал, что после ухода в отставку маршал сдал личное оружие и все пистолеты, полученные в подарок за время долгой воинской службы. Это показание документально подтверждено.

18 октября 1991 года следствием была получена из секретариата Президента СССР ксерокопия письма С. Ф. Ахромеева М. С. Горбачёву. Оно написано от руки, и чёткость каллиграфии в нём под стать солдатской прямоте стиля.

«Президенту СССР товарищу М. С. Горбачёву Докладываю о степени моего участия в преступных действиях так называемого «Государственного Комитета по чрезвычайному положению» (Янаев Г. И., Язов Д. Т. и другие).

6 августа с г. по Вашему разрешению я убыл в очередной отпуск в военный санаторий г. Сочи, где находился до 19 августа. До отъезда в санаторий и в санатории до утра 19 августа мне ничего не было известно о подготовке заговора. Никто, даже намёком, мне не говорил о его организации и организаторах, то есть, в его подготовке и осуществлении я никак не участвовал.

Утром 19 августа, услышав по телевидению документы указанного «Комитета», я самостоятельно принял решение лететь в Москву, куда и прибыл примерно в 4 часа дня на рейсовом самолёте. В 6 часов прибыл в Кремль на своё рабочее место. В 8 часов вечера я встретился с Янаевым Г. И. Сказал ему, что согласен с программой, изложенной «Комитетом» в его обращении к народу, и предложил ему начать работу с ним в качестве советника и. о.

Президента СССР. Янаев Г. И. согласился с этим, но сославшись на занятость, определил время следующей встречи примерно в 12 часов 20 августа. Он сказал, что у «Комитета» не организована информация об обстановке и хорошо если бы я занялся этим. Утром 20 августа я встретился с Баклановым О. Д., который получил такое же поручение. Решили работать по этому вопросу совместно.

В середине дня Бакланов О. Д. и я собрали рабочую группу из представителей ведомств и организовали сбор и анализ обстановки. Практически эта рабочая группа подготовила два доклада: к 9 вечера 20 августа и к утру 21 августа, которые были рассмотрены на заседании «Комитета».

Кроме того, 21 августа я работал над подготовкой доклада Янаеву Г. И. на Президиуме Верховного Совета СССР. Вечером 20 августа и утром 21 августа я участвовал в заседаниях «Комитета», точнее той его части, которая велась в присутствии приглашённых.

Такова работа, в которой я участвовал 20 и 21 августа с г.

Кроме того, 20 августа, примерно в 3 часа дня, я встречался в министерстве обороны с Язовым Д. Т. по его просьбе. Он сказал, что обстановка осложняется и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он попросил пройти с ним вместе к заместителю Министра обороны генералу Ачалову В. А., где шла работа над планом захвата здания Верховного Совета РСФСР. Он заслушал Ачалова В. А. в течение трёх минут только о составе войск и сроках действий. Я никому никаких вопросов не задавал.

Почему я приехал в Москву по своей инициативе - никто меня из Сочи не вызывал - и начал работать в «Комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а приехав в Москву, ещё раз убедился в этом.

Дело в том, что, начиная с 1990 года, я был убеждён, как убеждён и сегодня, что наша страна идёт к гибели. Вскоре она окажется расчленённой. Я искал способ громко заявить об этом. Посчитал, что моё участие в обеспечении работы «Комитета» и последующее связанное с этим разбирательство, даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, неубедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моем решении не было.

Мне понятно, что как Маршал Советского Союза, я нарушил Военную Присягу и совершил воинское преступление. Не меньшее преступление мной совершено и как советником Президента СССР.

Ничего другого, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось.

Маршал Советского Союза Ахромеев.

22 августа 1991 года».

Сергей Фёдорович признавался журналистам, что не собирался быть офицером. Коренной москвич, в школе он мечтал о поступлении в легендарный ныне ИФЛИ - институт истории, философии и литературы, но предвоенная обстановка заставила сделать иной выбор, и он стал курсантом военно-морского училища им. Фрунзе.

Однако любовь к слову, к литературе осталась у него на всю жизнь. Выйдя в отставку, он даже подумывал о мемуарах. И, вероятно, у него получилась бы интереснейшая книга, потому что и словом он владел, и вспомнить ему было о чём: пятнадцать лет Ахромеев проработал в Генштабе, четыре года возглавлял его, был одним из авторов советской военной доктрины, занимался проблемами переговоров по сокращению и ограничению ядерно-космических и обычных вооружений.

Он, один из немногих наших военачальников, возражал против ввода войск в Афганистан, а когда трагически нелепая эта война всё же началась, отправился на неё и два с лишним года выполнял обязанности начальника штаба оперативной группы министерства обороны. Из Кабула он вернулся с маршальским жезлом.

Но Ахромеев не написал свою книгу. Последний литературный труд в его жизни - проект доклада для лжепрезидента.

Из допроса Г. И. Янаева от 12 сентября 1991 года:

...Вопрос

- Вам представляется проект выступления на ВС СССР на шести листах, изъятый при обыске в Вашем кабинете. Что можете пояснить?

Ответ:

- 19 августа, вернувшись из отпуска, ко мне зашёл Ахромеев и спросил, «чем может служить». Я попросил его подготовить проект моего выступления на Президиуме ВС СССР, а затем на сессии ВС СССР. Тема ему была задана следующая: обоснование необходимости всех тех мер, которые были приняты ГКЧП. Он принёс мне свой проект в таком виде, какой он имеет сейчас, т.е. машинописный текст и правка от руки. Правка эта самого же Ахромеева. Хочу заметить, что в таком виде я не стал бы использовать этот проект для своего выступления...

Чтобы понятно было, о чём речь, процитируем лишь самое начало представленного Ахромеевым проекта.

«Тяжело говорить о случившемся. Горько и больно сознавать ту правду сегодняшнего дня, от которой никому из нас уже не удастся спрятаться. В Москве танки. Уже погибли люди. Погибли в результате действий тех, которых уже нельзя назвать иначе как экстремисты. В

городе и в стране крайне опасная обстановка. В Москве и некоторых других районах введено чрезвычайное положение. Смертельная угроза нависла над теми хрупкими ростками демократии, которые с таким трудом выращивались в эти последние тяжёлые, но и счастливые годы.

И трудно вдвойне отдавать приказы, прерывающие демократические реформы. Прерывать всё, чему служил, во что верил, в чём видел смысл своей политической, гражданской, человеческой жизни. И порою кажется, что всё произошедшее за последние дни это дурной сон.

Проснёшься - и нет ни танков, ни баррикад. Нет ни проклятий, ни призывов к кровавой расправе. И нет указов, тобою подписанных, с проходящими через их текст словами «запретить», «ограничить», «временно прекратить». Словами, которые так мучительно режут слух, особенно после пятилетия разрешений, освобождений, допущений и начинаний.

Но это не сон. Это реальность. И нам всем предстоит в ней жить, определяясь, где ты, с кем ты и против кого.

...Страна ввергнута в катастрофу. Развал государства, развал экономики, раскол и нравственное падение общества - это факты. Должных мер, адекватных ситуаций, не принималось. Думаю, для вас это тоже очевидно. Хотя все понимали, что нужно делать. Я подчёркиваю - все!

Рано или поздно кто-то должен был взять ответственность на себя. И это не логика путча, как это хотят преподать, это суровая необходимость...»

Из сделанных в тексте купюр особое внимание следствия привлекли относящиеся к М.С. Горбачёву. В результате внесённой правки в проекте не осталось ни одного упоминания о президенте или какой-либо ссылки на него. В частности зачёркнуто следующее:

«Сейчас все страшно возбуждены - не случилось ли чего плохого с Михаилом Сергеевичем. Хочу успокоить - с ним всё в порядке».

«Еще раз подчёркиваю, это мой друг!»

«Задачи, стоящие перед страной, надо решить любыми, даже жёсткими мерами. Как только эти задачи будут решены, я уступлю штурвал корабля любому, кого сочтёт достойным страна. В том числе и, ещё раз повторю, своему другу Михаилу Сергеевичу».

Маршал, видимо, уже и сам понял, насколько неуместны в данной ситуации декларации о дружбе и преданности.

В ноябре 1991 года российская прокуратура прекратила уголовное дело в отношении С. Ф. Ахромеева по факту его участия в деятельности ГКЧП ввиду отсутствия состава преступления. Следствие пришло к выводу, что хотя С. Ф. Ахромеев принял участие в работе ГКЧП и выполнил по заданию заговорщиков ряд конкретных действий, однако по содержанию этих действий нельзя судить о том, что умысел Ахромеева

был направлен на участие в заговоре с целью захвата власти.

Однако маршал предпочёл сам себе быть следователем и судьёй. И суд его оказался беспощадным. Маршал, отказавшийся от своей Судьбы, обрёк себя на страшную, особенно для военного человека, смерть - ведь издавна в армии петлёй карали лишь изменников да шпионов...

А через несколько дней после скромных похорон могила его была осквернена. Какие-то мерзавцы вырыли гроб, сняли с покойного парадный мундир - и пришлось дважды вешавшегося маршала хоронить второй раз...

«Всё это - ошибка!»

«Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению.

Да, это ошибка, а не убеждения. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбах честных, но оказавшихся в очень трудном положении людей.

Единственное оправдание происшедшему могло бы быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть.

Милые Вадик, Элинка, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Всё это ошибка! Жил я честно - всю жизнь.»

Это предсмертная записка Бориса Карловича Пуго. Как правило, перед встречей с вечностью человек не кривит душой. Кроме того, есть и другие основания для того, чтобы верить в искренность оценки покойным своего участия в заговоре, который он назвал «всплеском неразумности».

Борис Карлович был крайне осмотрительным человеком, поскольку лучше многих других знал, к чему может привести неосторожность в мыслях, словах и поступках. Недаром он возглавлял в Латвии такую строгую организацию как КГБ, а потом был председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Хозяйственные и партийные руководители на местах боялись КПК пуще огня.

Те, кого Пуго вызывал к себе «на ковёр», чаще всего лишались партбилета, а вместе с ним и «прописки» на «острове коммунизма». С заседания КПК «проштрафившегося», бывало, увозили прямёхонько в реанимацию - сердце-то и у номенклатуры не железное.

Официально в ведомстве Бориса Карловича карали за «нарушение партийной дисциплины и этики». На самом же деле там зачастую расплачивались за поступки, которые совершали, не спросясь у начальства непосредственного и не заручившись поддержкой начальства вышестоящего, иными словами, за склонность к инициативе и желание жить своим умом.

Самостоятельность, независимость, столь необходимые любому

профессионалу, никогда не числились в перечне номенклатурных добродетелей. Внезапная, без всяких объяснений, отставка Бакатина, предшественника Пуго на посту министра внутренних дел СССР, лишний раз подтвердила это.

Бакатин поплатился за то, что будучи сам достаточно независимым и для других независимости не жалел: при нём вольнодумная теория муниципализации милиции начала внедряться в практику, он подписал договор с эстонским правительством о переподчинении Эстонии местных органов МВД. Большего ему сделать не дали. В кабинете Павлова такой министр был не нужен.

На новом посту Пуго придерживался своей всегдашней испытанной тактики - старался быть верным и начальству, и себе. У него это получалось. Чутко улавливая все, даже невысказанные желания начальства, Борис Карлович выполнял их по мере возможностей, однако никогда не лез на рожон собственной персоной - предпочитал перекладывать «деликатные» дела на подчинённых. Тянуть одеяло ответственности на себя было не в его правилах.

Есть такая старая детская игра, по условиям которой на вполне конкретные вопросы нельзя отвечать ни «да», ни «нет». Помните, там ещё спрашивают: «Вы поедете на бал?» Борис Карлович словно никогда не выходил из этой игры.

Вот, например, что отметил в своих показаниях тогдашний командующий внутренними войсками МВД СССР Юрий Шаталин:

- ...Отношение Пуго Б. К. к Рижскому и Вильнюсскому ОМОНам мне было непонятно. Он всё время уходил от принятия решений по этим подразделениям и возлагал это на Громова Б. В. Я до сих пор не могу с уверенностью сказать, кто же командовал ОМОНами.

Я полагаю, что они больше подчинялись организациям русскоязычного населения Литвы и Латвии и компартиям этих республик. Их также всё время защищали прокуроры Литвы и Латвии, назначенные Генеральным прокурором СССР...

Однако беспризорные ОМОНы разбойничали будучи сытыми, обутыми, одетыми и отнюдь не за «спасибо» - их материальное и финансовое обеспечение по категорическому распоряжению сверху, из МВД СССР, осуществляла 42-я дивизия внутренних войск, командиру которой они наотрез отказывались подчиняться.

Эта абсурдная, с позиции здравого смысла, ситуация была тем не менее очень выгодна и «державникам», заинтересованным в дестабилизации обстановки в мятежной Прибалтике, и министру МВД, потому что оставляла их как бы за кадром всех омоновских «художеств».

Да и знаменитый приказ Пуго о совместном с военными патрулировании городов, справедливо воспринятый демократической общественностью как элемент ЧП, в большей степени был продиктован тем же нежеланием Бориса Карловича быть одному за всё в ответе.

На фоне этой всегдашней осмотрительности его поведение в августе действительно не назовёшь типичным. А начинался тот роковой для Пуго август счастливо. Борис Карлович взял отпуск и поехал отдыхать в Крым вместе с женой, невесткой и внучкой. Было у него также намерение навестить родственников в Риге, но жена, Валентина Ивановна, уговорила его пригласить родных в Москву, потому что 19 августа Борису Карловичу надо было быть там - встречать Горбачёва.

Из показаний Инны Пуго:

- ...В воскресенье, 18 августа, мы прилетели в Москву и сразу поехали на госдачу в посёлке «Усово», куда прибыли около 16 часов. Пуго собирался оставшиеся у него свободные дни провести на даче вместе с приехавшими родственниками.

Однако примерно через десять минут после нашего приезда, зазвонил один из телефонов закрытой связи. Я в шутку предложила подойти к телефону и сказать, что Борис Карлович ещё не приехал, т. к. мы собирались пообедать и я не хотела, чтобы он уезжал от нас. Он улыбнулся и подошёл к телефону.

Я ушла на кухню и не слышала разговор, но через некоторое время он сообщил мне, что обедать не будет, т. к. его срочно вызывают в связи с начавшейся в НКО гражданской войной. Впоследствии мне мой муж (сын Пуго - Прим. авт.) сказал, что звонил будто бы Крючков.

Борис Карлович вместе с Валентиной Ивановной быстро собрались и уехали, пообещав вернуться около 20 часов. Однако вечером они не вернулись. 19 августа утром мы уехали с дачи в Москву. В то же утро мы все узнали о государственном перевороте и о том, что в состав ГКЧП входит и наш отец...

Итак, 18 августа, вместо того, чтобы обедать в кругу родственников на даче, Пуго по приглашению Крючкова приехал к Язову в министерство обороны.

Из показаний Д. Т. Язова:

- ...Я знаю о Пуго, что он очень осторожный человек, не бросается в авантюру и, судя по тому, как его войска действовали в Нагорном Карабахе и всегда под ударом оказывалась армия... я Вам честно говорю, за эту его осторожность, за эту его нерешительность, за эти его уходы от ответственности я его не уважал, была к нему антипатия. Мне даже показалось странным, что Пуго приехал и не возражает...

Да, Борис Карлович не стал отнекиваться, когда ему предложили войти в состав ГКЧП, хотя не мог не сознавать, что это означает прямое участие в государственном заговоре и что одно дело - требовать чрезвычайных полномочий, как незадолго до того они трое, Язов, Пуго, Крючков, требовали их от Верховного Совета СССР, и совсем другое - взять эти чрезвычайные полномочия силой, вероломно отстранив от власти её законного обладателя - президента.

Из показаний Вадима Пуго:

- ...Отец всегда был сторонником Горбачёва. Знал об его ошибках, но тем не менее считал его большим политиком с высоким международным авторитетом. Видимо, поэтому Горбачёв и назначил отца на пост министра внутренних дел.

...Я помню разговор, который состоялся задолго до августовских событий. Отец мне тогда говорил, что при любых обстоятельствах не может стать путчистом, употребив именно это слово. Он сказал, что это было бы предательством в первую очередь по отношению к президенту...

Утром 19 августа по приказу Пуго милицейские экипажи встречали войска, поднятые против законной президентской власти, и провожали их к местам дислокации, чтобы те не заблудились в незнакомой им Москве.

Из показаний Александра Викторовича Котлова, заместителя начальника оперативного управления штаба МВД СССР:

- ...В 9.00 19 августа у Пуго состоялось совещание, на котором были его заместители, кроме находившихся в отпусках, все начальники главков, а также другие работники министерства, возглавляющие подразделения.

Состояние у министра было какое-то возбуждённо-весёлое. Сначала он сказал о создании ГКЧП, затем о том, что вчера группа товарищей была в Крыму у Горбачёва М. С, что Горбачёв не соглашался с ними, отбивался, но они «давили» на него. Пуго сказал также, что Горбачёв правит страной один. При этом сослался на то, что он, Пуго, и Крючков являются членами Совета безопасности, однако Горбачёв ни разу с ними не посоветовался. Упомянул министр и о том, что президент серьёзно болен, но чем, не указал...

Из показаний Владимира Александровича Гуляева, начальника главного управления уголовно-исполнительных дел МВД СССР:

- ...Пуго на совещании 19 августа сказал, что в стране идёт тихий государственный переворот, захватывается собственность, разрушается налоговая система, поголовно заменяются кадры и идёт их избиение, что в советских органах происходит тихая революция...

В тот день Пуго позвонил на Гостелерадио СССР и отругал его председателя Л. П. Кравченко за то, что не была отключена трансляция ленинградских программ. Вообще всё то время, пока действовал ГКЧП, Пуго крайне строго контролировал работу Центрального телевидения. Л. П. Кравченко в своих показаниях утверждает, что Пуго даже грозил ему и другим руководителям «Останкино» привлечением к ответственности по закону о чрезвычайном положении в случае отказа выполнять его указания.

Утром же Борис Карлович отозвал из отпуска своего первого заместителя, генерала-«афганца» Бориса Всеволодовича Громова. Громов прилетел в Москву вечером и сразу поехал в министерство. Пуго он не застал, но встретился с другим его заместителем Иваном Фёдоровичем Шиловым.

Из показаний Б. В. Громова:

- ...Мы с Шиловым обсудили ситуацию. Пришли к однозначному мнению, что и создание ГКЧП, и введение чрезвычайного положения незаконны. В связи с этим решили дождаться министра и предложить ему сегодня же, т. е. 19 августа, выйти из состава ГКЧП и сообщить об этом в средствах массовой информации. Но примерно в живается и, видимо, сразу после совещания поедет домой...

Борис Карлович вряд ли прислушался бы к благоразумным советам своих заместителей. К вечеру 19 августа он уже сжёг все мосты: были разосланы шифротелеграммы с его приказами, обязывающими всю систему органов внутренних дел страны обеспечить активную и безусловную поддержку власти и действий ГКЧП, состоялась пресс-конференция, на которой он вместе с другими членами Чрезвычайного Комитета обосновывал целесообразность и законность государственного переворота и лгал о болезни президента.

20 августа на утреннем заседании ГКЧП Пуго предложил ввести в Москве комендантский час. Это подтверждается показаниями обвиняемых Стародубцева и Тизякова. В полдень Пуго направил Громова на совещание в министерство обороны, где вырабатывался план вооружённого захвата Дома Советов РСФСР. Вернувшись оттуда, Громов высказался за неучастие внутренних войск в этой операции, на что Пуго ответил: «Поставленную задачу надо выполнять. Это приказ».

Пожалуй, самым трагическим для путчистов заблуждением была их слепая вера в чудодейственную силу приказа. Затевая «чрезвычайку», они думали, что стоит только приказать - и страна послушно замарширует вспять. Но уже на второй день путча стало ясно: приказы ГКЧП массово игнорируются, местные теле- и радиостанции рвут информационную блокаду, а запрещённые Чрезвычайным Комитетом газеты продолжают жить в ротапринтных изданиях. И что самое опасное - глухая к Указам ГКЧП Россия ловит каждое слово своего правительства.

Пуго боролся как мог. Он обязал своего заместителя Шилова принять участие в работе оперативного штаба при ГКЧП и ежедневно представлять сводки о поддержке либо противодействии власти Комитета в стране. Дал указание подчинённым подготовить и направить Болдину проект Постановления ГКЧП, отменяющего Указы Ельцина. Текст этого проекта лёг в основу изданного в тот же день, 20 августа, Указа Янаева.

Вечером Пуго подписал и отправил две шифротелеграммы: всем подчинённым органам МВД СССР об ответственности за невыполнение постановлений ГКЧП и наприказ МВД России, согласно которому курсанты должны были прибыть в Москву для защиты правительства РСФСР. На вечернем заседании ГКЧП Пуго поддержал Крючкова, настаивавшего на штурме «Белого дома». Однако на расширенное заседание по этому вопросу, состоявшееся в КГБ в 3 часа утра 21 августа, он не поехал - послал Громова.

Штурм, как известно, не состоялся. Курсанты милицейских школ несмотря на строжайшие, грознейшие запреты Пуго и жёсткое противодействие военных прибыли в Москву вовремя. Во второй половине дня 21 августа всем уже было ясно, что ГКЧП агонизирует. Но Пуго продолжал приказывать. В 15.30 он подписал шифротелеграмму в адрес министерств и управлений внутренних дел в требованием усилить охрану телерадиоорганизаций и немедленно докладывать обо всех нарушениях Постановления ГКЧП о контроле за информацией. Иначе как акт отчаяния этот приказ расценить невозможно.

Из показаний Б. В. Громова:

- ...В 20 часов 30 минут я вместе с Шиловым зашёл в кабинет Пуго. Мы сказали, что никакие его распоряжения и приказы выполнять не будем. Пуго улыбнулся, пожал плечами и сказал: «Какой я дурак, что поверил Крючкову и послушал его. Мы с ним попрощались и ушли. Это была моя последняя встреча с Пуго...

Из показаний И. Ф. Шилова:

- ...22 августа около 9 часов утра мне по городскому телефону позвонил Пуго, спросил, какая обстановка. Я поинтересовался, приедет ли он на работу, на что Пуго ответил: «Зачем?». Потом он сказал, что всю жизнь старался жить честно и попрощался. Попросил ещё только передать привет Громову...

...Сейчас нас упрекают: «Как же вы так промахнулись с Пуго? Неужели нельзя было сделать всё почетче, поаккуратнее?» Но те, кто задают такие вопросы, просто не представляют тогдашней обстановки. У нас было слишком мало возможностей действовать «почетче и поаккуратнее». Утром 22 августа мы даже не знали, на кого можно положиться в органах МВД и КГБ, и действовали, опираясь исключительно на узкий круг лиц. Нам даже не было известно, где находится Пуго. На работе его не было, на даче - тоже, к телефону в квартире никто не подходил. Пока искали, время шло. И вдруг Виктор Фёдорович Ерин, первый заместитель министра МВД России, говорит: «Мы вот звоним Пуго домой по «кремлёвскому» телефону, а он, возможно, отключён. Надо по городскому позвонить».

Возникала ли у нас мысль о возможном самоубийстве Пуго? Да, мы не исключали этого. Но рассудили так: Генеральный прокурор СССР объявил о возбуждении уголовного дела против членов ГКЧП 21 августа. Пуго знал, что подлежит аресту. Времени для того, чтобы обдумать своё положение, у него было достаточно. Если бы он решил покончить с собой, то уже сделал бы это. А если он всё ещё жив, значит, и не думает сводить счёты с жизнью.

Виктор Валентинович Иваненко, он тогда был шефом Российского КГБ, узнал в справочном номер городского телефона Пуго и позвонил. Ответил ему сам Борис Карлович. Иваненко представился и очень вежливо попросил о встрече. Пуго согласился. Разговаривал он спокойным, абсолютно естественным тоном. Кто-то из нас даже удивился:

«Надо же, как будто его на грибы приглашают».

Ехать нам до дома Пуго на улице Рылеева надо было максимум 15 минут. И мы очень удивились, когда на наш звонок никто к двери не подошёл. Мы ещё раз позвонили, потом постучали - тишина. И тут к нам подходит молодая женщина, как потом выяснилось, невестка Пуго - их квартира этажом выше - и говорит: «Вы звоните, звоните. Они должны быть дома».

И действительно, через некоторое время дверь открывает старик. Мы на него как глянули, сразу поняли: неполноценный человек, больной - глаза у него младенческие, совершенно бессмысленные. Это оказался тесть Пуго. Ему уже за 80, он после смерти жены повредился в рассудке. Поэтому он слышал, как мы звонили, но что с него взять. Ерин вошёл первым и с порога спальни сказал: «Ребята, здесь кровь».

В спальне на одной из кроватей навзничь лежал Пуго. Руки его были вытянуты вдоль тела, глаза закрыты, рот и правый висок окровавлены. На прикроватной тумбочке мы увидели пистолет «Вальтер». Возле другой кровати на полу сидела жена Пуго, Валентина Ивановна. Она была вся залита кровью, лицо багровое, опухшее. Впечатление было такое, что она страшно избита. Экспертиза потом показала, что впечатление это было ошибочным.

Валентина Ивановна ко времени нашего появления была ещё жива и в сознании. Она реагировала на вопросы, но отвечать не могла и всё время делала какие-то жутко медленные, непроизвольные движения головой, руками - словно силилась встать.

Очень быстро приехавшие по нашему вызову врачи констатировали смерть Пуго и, оказав срочную помощь Валентине Ивановне, увезли её в больницу, где она скончалась после операции.

Из показаний Инны Пуго:

- ...21 августа около 22 часов Пуго вместе с женой пришёл к нам домой. У нас у всех было плохое настроение, но он своим поведением старался нас развлечь и приободрить. Он смеялся, шутил и очень много рассказывал о своей встрече с Питиримом (Митрополит Волоколамский и Юрьевский, глава издательского отдела Патриархии - Прим. авт.). Пуго был очень доволен этой встречей. Они разговаривали с Питиримом об иконах, их живописцах, об их создании.

В этот вечер Пуго сказал нам: «...умный у вас папочка, но оказался дураком, купили за пять копеек». Кроме того он сказал, что в Риге жить было лучше, и ещё посоветовал нам, чтобы мы не совершали ошибок таких, как он, и не доверяли людям. Валентине Ивановне он сказал: «Валют, не расстраивайся. Будет у нас другая жизнь, но будем жить». А она ему ответила: «Ничего мне в мире не надо, только прижаться к тебе». Днём Валентина Ивановна несколько раз звонила на работу Борису Карловичу и всё спрашивала у него, есть ли в доме оружие. Как я поняла, она думала, что его арестуют на работе, и намеревалась в случае, если с ним что-нибудь случится, покончить с собой. Она так ему по телефону и

сказала: «Я без тебя жить не буду ни минуты».

Мы в тот вечер все думали, что Пуго придут арестовывать ночью, и мой муж пошёл к ним ночевать, чтобы быть в трудную минуту рядом с отцом...

Из показаний В. Пуго:

- ...Вечером 21 августа отец и мать пришли к нам. Мы накрыли на стол, решили выпить вина, просто посидеть. Женщины были очень взволнованы, плакали, а отец их успокаивал, что всё нормально, что он поедет встречать Горбачёва.

Выпив одну рюмку, он отказался пить ещё. Был в хорошем, оптимистическом настроении, и, глядя на него, складывалось впечатление, что всё действительно не так уж страшно. Он так уверенно говорил и так хорошо выглядел.

Мы посидели ещё, потом мать пошла домой, и тогда отец подошёл ко мне, обнял и сказал, что всё кончено - у него отключили правительственные телефоны, прокуратурой возбуждено уголовное дело. Я у него спросил, как он, настолько осторожный человек, мог так ошибиться. Он ответил, что сам не знает и не может понять, как случилось, что он вляпался в это дело.

Утром, перед уходом на работу, я зашёл к отцу и увидел, что он что-то пишет, сидя за столом. Судя по всему это была предсмертная записка. Я спросил у отца, увижу ли его сегодня, он ответил: «Да, вечером увидимся». В коридоре я встретил мать. Она была в подавленном состоянии, заплаканная...

...У меня нет сомнений, что они покончили жизнь самоубийством, и я также думаю, что делали они это порознь, т. е. сначала застрелился отец, а потом мать, увидев это. Они очень любили друг друга, и я знаю, что мать не смогла бы жить без отца...

Следствие установило, что утром 22 августа из пистолета «Вальтер», принадлежавшего Борису Карловичу Пуго, были произведены два выстрела. Оба раза стрелял Пуго: сначала в жену, потом в себя. Медицинские эксперты заключили, что после выстрела он ещё жил в течение десяти-двадцати минут.

Валентина Ивановна тоже оставила записку: «Дорогие мои! Жить больше не могу. Не судите нас. Позаботьтесь о деде. Мама».

Письма из «Матросской тишины»

Наши подследственные частенько берут в руки перо. О чём они пишут? Основной тюремный жанр, конечно же, самые разные просьбы, ходатайства, опровержения, протесты... Однако не вся здешняя «литература» носит сугубо казённый характер - Лукьянова поэтическая муза не покинула и в следственном изоляторе, так что он по-прежнему слагает стихи, Язов много труда положил на создание многостраничной

автобиографии и к тому же ведёт дневник, Варенников откликнулся на книгу Горбачёва «Августовский путч» полемическими «заметками на полях»...

В этой главе мы решили без каких-либо пространных комментариев опубликовать малую часть из того, что между собой называем просто «письмами из „Матросской тишины"». На наш взгляд, знакомство с ними даёт возможность составить наиболее непосредственное мнение об их авторах.

* * *

Президенту РСФСР

Борису Николаевичу Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

С огромным волнением, страшными переживаниями прослушал Ваше выступление на траурном митинге. Это в целом. Упомянули мою фамилию. Мною, якобы, было сказано, что организаторам переворота надо было бы действовать против Российского руководства более энергично.

Нигде и никогда ничего подобного я не говорил. Пару дней назад у меня, уже задержанного, взял интервью тележурналист Молчанов. Оно короткое - 2-3 минуты. Может быть, Ваши слова связаны с этим интервью? Тогда кто-то не так интерпретировал Вам его. Очень прошу Вас просмотреть запись этого интервью, и Вы убедитесь.

Далее Вы сказали, что был список на 12 человек, определённых к убийству. Такого не было! Это категорично! Наоборот, строго подчёркивалось как непременное условие - никаких жертв, и выдвижение войск производить исходя из этого.

Хотел бы направить Вам подробное письмо. Думаю, что оно в какой-то мере могло бы пополнить и уточнить представление о случившемся.

С уважением В. Крючков. 24.8.91

* * *

Президенту СССР

Михаилу Сергеевичу Горбачёву

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Огромное чувство стыда - тяжёлого, давящего, неотступного - терзает постоянно. Позвольте объяснить Вам буквально несколько моментов.

Когда Вы были вне связи, я думал, как тяжело Вам, Раисе Максимовне, семье, и сам от этого приходил в ужас, в отчаяние. Какая всё-таки жестокая штука эта политика! Будь она неладна. Хотя, конечно, виновата не она.

18.8. мы последний раз говорили с Вами по телефону. Вы не могли не

почувствовать по моему голосу и содержанию разговора, что происходит что-то неладное. Я до сих пор уверен в этом. Короткие сообщения о Вашем пребывании в Крыму, переживаниях за страну, Вашей выдержке (а чего это стоило Вам!) высвечивали Ваш образ. Я будто ощущал Ваш взгляд. Тяжело вспоминать об этом.

За эти боль и страдания в чисто человеческом плане прошу прощения. Я не могу рассчитывать на ответ или какой-то знак, но для меня само обращение к Вам уже стоит что-то.

Михаил Сергеевич! Когда всё это задумывалось, то забота была одна - как-то помочь стране. Что касается Вас, то никто не мыслил разрыва с Вами, надеялись найти основу сотрудничества и работы с Б. Н. Ельциным. Кстати, в отношении Б. Н. Ельцина и членов российского руководства никаких акций не проводилось. Это было исключено.

В случае необходимости полагали провести временное задержание минимального числа лиц - до 20 человек. Но к этому не прибегли, считали, что не было нужды.

Было заявлено, что в случае начала противостояния с населением, операции немедленно приостанавливаются. Никакого кровопролития. Трагический случай произошёл во время проезда дежурной военной машины «БМП» по Садовому кольцу. Это подтвердит следствие.

К Вам поехали с твёрдым намерением доложить и прекращать операцию. По отдельным признакам уже в Крыму мы поняли, что Вы не простите нас и что нас могут задержать. Решили доверить свою судьбу Президенту.

Войска из Москвы стали выводить ещё с утра в день поездки к Вам. Войска в Москве были просто не нужны.

Избежать эксцессов, особенно возможных жертв, - было главной заботой и условием. С этой целью поддерживали контакты. У меня, например, лично были контакты с Г. Поповым, Ю. Лужковым, И. Силаевым, Г. Бурбулисом и, что важно, многократно с Б. Н. Ельциным.

Понимаю реальности, в частности моё положение заключённого, и на встречу питаю весьма слабую надежду. Но прошу Вас подумать о встрече и разговоре со мной Вашего личного представителя.

С глубоким уважением и надеждами

В. Крючков. 25.8.91

* * *

Председателю Комитета госбезопасности СССР Вадиму Викторовичу Бакатину

Уважаемый Вадим Викторович!

Обращаюсь к Вам как к Председателю Комитета госбезопасности СССР и через Вас, если сочтёте возможным довести до сведения, к

коллективу КГБ со словами глубокого раскаяния и безмерного переживания по поводу трагических августовских событий в нашей стране и той роли, которую я сыграл в этом. Какими бы намерениями ни руководствовались организаторы государственного переворота, они совершили преступление.

Разум и сердце с трудом воспринимают эту явь, и ощущение пребывания в каком-то кошмарном сне ни на минуту не покидает.

Осознаю, что своими преступными действиями нанёс огромный ущерб своей Отчизне, которой в течение полувековой трудовой жизни отдавал себя полностью. Комитет госбезопасности ввергнут по моей вине в сложнейшую и тяжёлую ситуацию.

Мне сказали, что в КГБ СССР была Коллегия, которая осудила попытку государственного переворота и мои действия как Председателя КГБ. Какой бы острой ни была оценка моей деятельности, я полностью принимаю её. Очевидно, что необходимые по глубине и масштабам перемены в работе органов безопасности по существу и по форме ещё впереди.

Уважаемый Вадим Викторович!

После всего происшедшего, да и в моём положении заключённого, считаю в моральном отношении не вправе обращаться к коллективу органов безопасности, доверие которого не оправдал, с просьбой о каком-либо снисхождении. Но убедительно прошу не оценивать всю мою жизнь только по августу 1991 года.

С уважением В. Крючков.

24.8.91.

* * *

В Российское телевидение

22 декабря 1991 года в программе Российского телеканала в 19.30-20.15 демонстрировалась очередная серия (кажется, 7-ая) британского телефильма «Вторая русская революция». В этой серии показывались кадры интервью с М. С. Горбачёвым и Н. Л. Назарбаевым. Последние утверждали, что 29-30 июля 1991 года мною, Крючковым В. А., (а также Плехановым Ю. С.) было организовано прослушивание их переговоров с Б. Ельциным в Ново-Огарево. Заявляю, что это утверждение является полностью надуманным. Не случайно, даже следствие по делу ГКЧП упомянутое «прослушивание» мне не вменяет в вину.

Мне не известно, что послужило основанием для такого заявления М. Горбачёва, Н. Назарбаева. Возможно, они были введены кем-то в заблуждение. Прошу в рамках Российского телеканала в то же время в воскресенье с 19.30 до 20.15 огласить телезрителям полностью текст этого моего письма.

В случае Вашего отказа сделать это или сокращения текста,

влекущего искажение его смысла, мною будет предъявлен иск в порядке ст. 7 ГК РСФСР, который будет поддерживать адвокат по моему делу Иванов Юрий Павлович.

О принятом решении прошу проинформировать меня.

Крючков. 24.1.1992.

* * *

Генеральному прокурору Российской Федерации

Заявление

В конце ноября прошлого года мне было предъявлено обвинение в заговоре с целью захвата власти. От прежнего обвинения в измене Родине путём нанесения ущерба суверенитету, территориальной целостности и безопасности СССР, прокуратура вынуждена была отказаться. Действительно, нелепо было обвинять меня в измене своему Отечеству или желании нанести удар по суверенитету и целостности Союза ССР, который я всегда защищал.

Но столь же бессмысленно обвинять меня и в стремлении к захвату власти. Это значило бы, что я хотел отобрать власть у Верховного Совета СССР, интересы которого отстаивал всегда и уж тем более во время августовских событий.

Теперь же, когда Советский Союз распался, нет больше ни суверенитета, ни целостности СССР, ни союзных органов, правомочных рассматривать это дело, связанное с событиями, происходившими на территории нескольких теперь уже независимых государств.

В этих условиях моя невиновность и незаконность содержания меня под стражей не вызывают сомнений у тысяч людей, присылающих свои письма и обращения. Этого не хотят понять только те, чьей целью является расправа с человеком, открыто выступавшим за сохранение Союза СССР и его представительных органов.

Учитывая все эти обстоятельства, решительно требую прекратить возбуждённое против меня уголовное дело. В случае отказа я вынужден буду прибегнуть к крайнему средству - голодовке.

А. Лукьянов. 4 января 1992 г.

* * *

Из записей Дмитрия Язова: 23.8.91. - пятница.

Всему конец, имею ввиду собственную жизнь. Утром снял мундир Маршала Советского Союза. Поделом! Так и надо. Чего добивался? Прослужив 50 лет, я не отличил от политической проститутки себя - солдата, прошедшего войну.

24.8.91.

Слушаю в одиночной камере радио о событиях 19, 20, 21 в Москве.

Понял, как я был далёк от народа. Сформированное мнение о развале государства, о нищете - я полагал, что это разделяет народ. Нет, народ не принял Обращения. Народ политизирован, почувствовал свободу, а мы полагали совершенно обратное. Я стал игрушкой в руках политиканов!...

М. С. Горбачёв: «Прощения не будет!» - комментарии излишни. Осуждают все.

Хорошо, что идёт единение народа.

Министром обороны назначен г. п. Шапошников Е. И. - дал интервью о происшедшем и о моих распоряжениях,

Б. Н. Ельцин сказал о списке - кого должны убить. Не знал об этом! В МО, по-моему, никто об этом и не ведал? Может быть, Грачёв знал? А кто мог знать: кто? где? Только КГБ.

27.8.91.

...Ст. 64 - Измена Родине!

Из цитат, записанных в дневнике: «Чтобы найти истину, каждый должен хоть раз в жизни освободиться от усвоенных им представлений и совершенно заново построить систему своих взглядов». Декарт.

* * *

Генеральному прокурору РСФСР

Уважаемый Валентин Георгиевич! Кроме письма официального, хочу высказать несколько соображений по делу о «заговоре» не как обвиняемый - я считаю, что я не виновен - а как человек, который хотел бы изложить своё личное видение происходящих сегодня процессов, связанных с «заговором». Я всегда исхожу в этом из одного личного принципа: я могу высказывать любое своё мнение, предложения, но если они высказываются должностному лицу, то его дело - воспользоваться ими или нет. Это все, кто сталкивался со мной, хорошо знают. Поэтому и Вас прошу исходить только из этого, а не какой-то моей личной корысти.

1. Россия вступила на путь демократического развития. Началась правовая реформа, которая должна отвечать демократическим принципам, и в этой ситуации, когда не стало объекта преступления, организация судебного процесса будет носить не демократический характер, а характер сведения счётов со старой системой государства, которое уже не существует в природе, и все знают, что «заговорщики» не представляют абсолютно никакой общественной опасности - авторитета никому это не прибавит.

Россия вступила также в полосу экономических гиперреформ в очень сложной социальной обстановке, и судебный процесс над участниками дела может сыграть серьёзную отрицательную роль не только в России, но и в других членах СНГ.

2. Президент России и другие руководители СНГ могут оказаться в сложной ситуации - они обещали не трогать Горбачёва М. С. - если будет

организован процесс о «заговоре», при той роли, которую, видимо, в этом деле будет отведена Горбачёву М. С., хотим мы или не хотим этого, но «заговорщики» о его роли в развале страны и многом другом знают хорошо и расскажут, а большинство из них - его однокашники - и всё это, по моему мнению, очень осложнит отношение СНГ с Западом, Запад Горбачёва М. С. в обиду не даст, а их ответ известен - прекращение кредитов и другой помощи.

А крайним в этом, конечно, будут не руководители СНГ. Вот что заявил однозначно на сей счёт один из американских политологов, говоря относительно того, если будет организован процесс по данному делу: «От того, как в России будут относиться к Горбачёву М. С., во многом будет зависеть дальнейшая американская помощь» (газета «Труд» от 24.12.91 г.). Лучше не скажешь.

3. ...

4. ...

5. Объективно этот «странный заговор» сыграл и важнейшую положительную роль в дальнейшем развитии России, и поставил все точки над «i» всего в три дня:

- каждый в стране понял, что так, как ведёт политику Центр во главе с Горбачёвым М. С. - «ни да, ни нет» - никого больше не устраивает,

- развалена сразу оказалась вся тоталитарная система,

- переход власти к демократическим силам произошёл скачкообразно. Если бы не «заговор», процесс перехода власти к демократическим силам мог бы не произойти вообще или же проходил бы очень длительное время,

- исходя из развившихся событий до того, найдено решение по формированию государственности на территории бывшего СССР и найден, самое главное, выход из тупиковой ситуации во взаимоотношениях всех членов Содружества с мировым сообществом. Это - один из важнейших положительных факторов этого «странного заговора». Есть и другие факторы, и их, кстати, немало. Порой кажется, что этот «странный заговор» и произошёл специально для решения этих тупиковых проблем.

6. Следствие закончено, и сейчас ясно, что два руководителя крупнейших общественных организаций в СССР: АГПО СССР и Крестьянского Союза СССР - я и Стародубцев В. А. - в этом деле пятое колесо в телеге, правда, это было ясно ещё с 19.08.91 г., и есть все основания закрыть дело, начиная с нас первых. Это будет по достоинству оценено в кругах промышленности и сельского хозяйства.

7. Ознакомление с делом всех его участников лучше вообще не делать - будет меньше домыслов и муссирования. Участники «заговора» - люди грамотные - это поймут однозначно. Любые муссирования информации по «заговору» не пойдут на пользу ни им лично, ни России.

8. И последнее. Я высказал своё частное мнение и только по части

вопросов. Если у Вас, Валентин Георгиевич, есть желание побеседовать подробнее, я готов это сделать. Еще раз хочу сказать, чтобы Вы не считали данное письмо как какое-то навязывание Вам своего заинтересованного мнения.

С уважением А. Тизяков. 12.01.92.

* * *

Генеральному прокурору РСФСР Степанкову Валентину Георгиевичу от Бакланова Олега Дмитриевича

Ознакомившись с книгой М. С. Горбачёва «Августовский путч» (издательство «Новости» 1991 год), считаю необходимым заявить следующее:

1. Публикация в печати указанной книги с описанием обстоятельств событий 19-21 августа 1991 года, которые расследуются органами прокуратуры, считаю недопустимым, т. к. тем самым попирается принцип презумпции невиновности указанных в книге лиц, влияет на формирование общественного мнения о полной непричастности автора к драматическим событиям и скрывает его истинную роль и участие в них.

2. Я всю жизнь отдал бескорыстному служению Отечеству в укреплении его обороноспособности и имею признанные страной заслуги. Как и большинство соотечественников относился к М. С. Горбачёву с глубоким уважением как к лидеру государства - гаранту соблюдения Конституции СССР.

Но его действия и их результаты, особенно в последнее время (о чём я высказывался в публикациях и во время личных встреч с ним в присутствии товарищей по совместной работе) привели к развалу великой страны, по существу к гражданской войне в отдельных регионах, убийствам тысяч невинных граждан, появлению сотен тысяч беженцев. Привели к развалу экономики, разбазариванию государственных средств и ресурсов, в результате чего большинство граждан стали жить за чертой бедности. Более миллиона граждан содержатся в тюрьмах в тяжёлых условиях, не соответствующих общепринятым международным нормам.

3. За указанное выше Президент СССР должен нести ответственность перед народом и законом.

С уважением О. Бакланов. 24 ноября 1991 года.

P.S. Дополнительные сведения будут сообщены следствию.

О. Бакланов.

25 ноября 1991 года.

* * *

Генеральному прокурору РСФСР Степанкову Валентину Георгиевичу Начальнику учреждения ИЗ-48-4 Панчуку Валерию Никодимовичу от Бакланова Олега Дмитриевича («Матросская тишина»)

Ходатайство

В целях сокращения срока ознакомления с материалами дела прошу Вас предоставить мне возможность работать с материалами дела ежедневно с 11.00 до 22.00, включая субботы и воскресенья, кроме времени на приём пищи, душа по субботам и других бытовых потребностей.

До 11.00 я выполняю рекомендации судебно-медицинской экспертизы, необходимые для поддержания моей работоспособности.

С уважением О. Бакланов. 24 января 1992 года.

* * *

Из заметок Варенникова на полях книги Горбачёва «Августовский путч»:

Только об авторе

Мечтатель? Нет, Цезарь, который бы хотел при всех обстоятельствах остаться на плаву. Теоретик-идеалист, без малейших признаков организатора и деятеля с предвидением, без чего вообще невозможно управлять (тем более страной). Нерешительный, безвольный трус, но высшего класса мститель - сметал со своего пути всех, кто перечил или мешал (не справился только с Б. Н. Ельциным). Окружал себя пигмеями и плебеями-интеллектуалами. Однако одного слушался (теневого президента), который и толкнул его на эту трагедию, имея заказ. И ещё с одним советовался, особенно, как хуже и больше раздать советского во имя общечеловеческих ценностей, нового мышления и т. п. Плюс в основных советчиках была, конечно, Р. М. Остальные - 0 (ноль)!

И последнее - последние годы вместо того, чтобы заниматься страной, главные усилия сосредоточивал на поездках за рубеж. Тягостно. Но как ему смотреть в глаза народу?!

Может быть, я бы этих горьких слов и вопросов не написал, если бы меня не оскорбила ложь на 12-й странице. (Имеется в виду свидетельство Горбачёва о том, что Варенников в Крыму требовал его отставки - Прим. авт.).

Вместо заключения

Великая страна, сказочно мощная, с которой считались во всём мире, поклонялись ей (а кому следовало - и побаивались), в итоге седьмого года перестройки стала бессильной, нищей, упала на колени перед всем миром с протянутыми руками, с мольбой о помощи. Утратив весь свой могучий авторитет и сведя на нет собственное достоинство, страна оказалась на задворках истории, в готовности стать сырьевым придатком цивилизации, к чему всегда стремились США и западные страны.

Обидно, что об этом постоянно последние два года говорилось на съездах народных депутатов, на заседаниях Верховного Совета СССР, пленумах ЦК КПСС и т. д. Однако...

Однако мы не собрались и не мобилизовались. Растоптав все свои знамёна, (а ведь нам есть чем гордиться), продолжаем безжалостно вытирать ноги о свою священную историю в угоду и на радость Западу. Горько и обидно, что у такого великого народа нет Данко!

Но на этом история не кончается. Много выстрадал наш народ за 1000 лет! Верю, что у нас есть силы, которые вернут народу былую славу и создадут счастливую жизнь, пусть она даже будет без плюрализма.

Варенников. декабрь 1991 г.

От авторов: полностью заметки Валентина Варенникова были опубликованы газетой «День» в номере за 22-28 декабря 1991 года.

Точку ставить рано

Репетиция краха

11 марта 1990 года литовский парламент провозгласил независимость республики, А 13 января 1991 года в столице независимой Литвы Вильнюсе была предпринята попытка государственного переворота.

В ночь накануне этого трагического события будущий ГКЧП, почти в полном составе, находился у руководителя президентского аппарата Валерия Болдина. Павлов, Бакланов, Крючков, Шенин пришли к Болдину 12 января в 19.15 и ушли в 02.10, после того как в Вильнюсе началась стрельба.

Грубо поправ основы законности и человечности, высшие чины КПСС, КГБ, МВД и Армии двинули против мирного населения мощную военную силу. 13 граждан погибли, десятки были тяжело ранены.

Когда же пороховой дым рассеялся, отечественной и мировой общественности с самых высоких трибун было заявлено, что президент ничего не знал, Язов и Пуго никому не приказывали стрелять в людей, Крючков «Альфу» в Вильнюс не посылал и, следовательно, её там не было. О руководящей и направляющей роли КПСС во всей этой преступной авантюре вообще речи не велось. Черту под «инцидентом» подвёл Генеральный прокурор Союза Трубин, обвинив во всём произошедшем литовских граждан, осмелившихся настаивать на своём конституционном праве жить свободными в свободной стране.

Президент СССР в те дни промолчал, хотя престижу возглавляемого им государства да и его собственному престижу был нанесён тяжелейший удар. Он не наказал истинных виновников трагедии, не прислушался к вещим словам постпреда маленькой Литвы в Москве Эгидюса Бичкаускаса о том, что «в Вильнюсе разыгран сценарий будущего военного переворота уже в масштабах всей страны», и жестоко поплатился за вольное или невольное укрывательство высокопоставленных авантюристов, сам став в августе жертвой развязанного ими правового беспредела.

В вильнюсском январе путчисты репетировали московский август. Но это была репетиция краха. Посеяв ветер в Вильнюсе, они пожали бурю в Москве.

В телевизионном репортаже, чудом проскочившем вечером 19 августа в арестованный эфир, молодой москвич на вопрос журналиста: «Кто научил вас строить баррикады?» ответил: «Вильнюс». И уж наверняка не забыли о Литве неустрашимые спецназовцы из «Альфы». Очень может быть, что они не спешили надевать бронежилеты и каски с чёрными забралами и идти на штурм Белого дома, потому что вспоминался им их товарищ - лейтенант Шатских, который бесславно погиб в Вильнюсе и от которого четыре дня открещивались люди, пославшие его в Литву выполнять преступный приказ.

В январе 1991 года министрам и генералам было не так уж трудно лгать: их защищала полученная из президентских рук почти безграничная власть. Сейчас они предпочитают молчание. В. Крючков, О. Шенин, В. Варенников, Д. Язов, чьи амбиции привели «Альфу» в Вильнюс, отказались давать показания посетившему их в «Матросской тишине» главному прокурору департамента по расследованию преступлений при Генеральной прокуратуре Литовской Республики Юозасу Гаудутису.

Но правду о вильнюсском январе уже нельзя замолчать. Есть люди, которые ничего не забыли, и есть документы, которые не удалось уничтожить. Среди них и отчёт о вильнюсской операции «Альфы», сожжённый вместе со многими другими документами 7 Управления КГБ СССР сразу после провала путча. Однако содержание этого отчёта было восстановлено по рабочей тетради старшего оперуполномоченного Группы. Все фамилии сотрудников, участвовавших в Вильнюсской операции, кроме погибшего лейтенанта В. Шатских, изъяты из текста авторами книги в связи с тем, что следствие по литовскому делу не закончено.

«Секретно. А-36. 18.01.91.

СПРАВКА ПО ИТОГАМ КОМАНДИРОВКИ В Г. ВИЛЬНЮС

С 7 января 1991 г. сотрудники группы находились в командировке в г. Вильнюсе для проведения рекогносцировки и других подготовительных мероприятий по планированию чекистско-войсковой операции с участием сотрудников Группы «А».

11 января 1991 г. в 17 час. 39 мин. в соответствии с решением руководства КГБ СССР в подразделении была объявлена боевая тревога, и в 20 час. 00 мин. 65 сотрудников с 2 служебными собаками во главе с начальником 3 отделения выехала в аэропорт «Внуково».

На 2 самолётах «ТУ-134 А» (бортовые номера 65 994 и 65 998) в 21 час. 30 мин. сотрудники группы «А» вылетели в г. Вильнюс, прибыли туда в 23 час. 00 мин. (время московское, далее указано местное время). В г. Вильнюсе группу сотрудников возглавил зам. начальника группы «А».

По прибытии 44 сотрудника были размещены в казармах

республиканского пункта призывников военного комиссариата МО СССР, а 21 чел. на территории в/ч ... МО СССР. 12 января в 13 час. 00 мин. был проведён инструктаж, где была доведена информация об оперативной обстановке в республике и о предполагаемых действиях группы «А».

В соответствии с разработанным оперативным штабом КГБ Литвы и Прибалтийским ВО МО СССР планом, исходя из складывающейся критической политической обстановки в республике, перед сотрудниками КГБ СССР, КГБ республики, военнослужащими МО и МВД СССР была поставлена задача по деблокированию ряда объектов, недопущению вывода их из строя сторонниками движения «Саюдиса», прекращению вещания провокационных и подстрекательских теле- и радиопередач, взятию этих объектов под охрану ВВ МВД СССР.

Объектами были определены следующие государственные учреждения:

объект номер 1 - Комитет по телевидению и радиовещанию (ул. Конарске, 49),

объект номер 2 - телевизионная приёмопередающая вышка (ул. Судервее, 10),

объект номер 3 - радиопередающий центр (ул. Менулио).

После принятия инстанциями решения о проведении операции в ночь с 12 на 13 января был произведён боевой расчёт сил и средств сотрудников группы «А», в оперативное подчинение были приданы силы... полка... воздушно-десантной дивизии МО СССР и сотрудники ОМОНа МВД Литвы.

Силы и средства были распределены следующим образом. Объект 1 - 25 сотрудников группы «А» (старший - начальник 3 отделения) 128 чел. из ВДВ МО СССР, 8 БМД, 3 танка, 1 БТР связи, 3 автомашины «Урал» и 30 чел. из ОМОНа МВД Литвы на 2 БТРах. Объект номер 2 - 29 сотрудников группы «А» (старший - зам. начальника группы «А»), 127 чел. из ВДВ МО СССР, 16 БМД, 4 танка, 1 БТР связи, 3 автомашины «Урал». Объект номер 3 - 12 сотрудников группы «А» (старший - помощник начальника отдела), 30 чел. из ВДВ МО СССР на 2 автомашинах «Урал».

В 23 час. 00 мин. был проведён инструктаж с сотрудниками группы «А» по расстановке сил и средств, взаимодействию с военнослужащими СА и МВД Литвы, организации и поддержанию связи. Было обращено особое внимание на неприменение стрелкового оружия и определён порядок использования спецсредств, о недопущении жертв со стороны населения. Было дано разрешение лишь на использование гранат ГСЗ, гранатомёта РГ-506, изделия ПСЖ и приёмов рукопашного боя.

13 января в 01 час 00 мин. ... вышла колонна бронетанковой техники с целью дезинформирования противной стороны и оказания психологического давления на деструктивные силы.

В 01 час. 20 мин. началось выдвижение колонн в район проведения операций. О всех перемещениях военной техники по улицам города через

телевидение и радио подробно информировалось население республики, вплоть до момента прекращения их работы. После выхода техники на улицы города к Комитету по телевидению и радиовещанию и телебашне стали стягиваться дополнительные силы, дороги были заблокированы большегрузными самосвалами, гружёными камнями.

По замыслу проведения операции на объектах номер 1 и номер 2, танки должны были расчистить путь для продвижения колонн и с помощью БМД оттеснить людей от объектов, стрельбой холостыми зарядами оказать психологическое давление на толпу (в ходе проведения операции было произведено свыше 30 холостых выстрелов), а личный состав ВДВ и МВД, обеспечив коридор для проникновения в объекты сотрудникам Группы «А», очистить площадь и взять под свою охрану все названные объекты с последующей передачей под охрану... дивизии ВВ МВД СССР.

Действовать внутри помещения и выполнить задачу по прекращению трансляции теле- и -радиопередач должны были сотрудники Группы «А» с приданными им проводниками из числа оперативных работников КГБ Литвы.

Оперативная обстановка характеризовалась следующим фактором. Вокруг объектов несли круглосуточное дежурство толпы людей (в ночь на 13.01.91 доходившие до 5-6 тыс. человек), агрессивно настроенных и возбуждённых постоянными заявлениями представителей «Саюдиса», дороги были блокированы грузовиками, автобусами, легковыми автомобилями.

Здания теле-радиоцентра, телевышки были подготовлены на случай попытки их захвата, усилена охрана силами милиции города и сотрудниками службы безопасности «Скучиса», имеющими на вооружении личное и автоматическое оружие, в большом количестве были приготовлены камни, дубинки, «заточки», бутылки с бензином, были приведены в готовность противопожарные системы и брандспойты. Не исключалось наличие оружия у лиц, окружающих объекты.

Далее события развивались следующим образом.

Объект номер 1. Подойдя к 02 час. 00 мин. к комплексу зданий Комитета по телевидению и радиовещанию, колонна из 8 БМД с ОМОНом Литвы проследовала мимо и свою задачу по оказанию помощи сотрудникам Группы «А» не выполнила. Затем, осуществляя манёвр и развернувшись, остановилась в ... метрах от объекта, причём десантирующийся личный состав к толпе людей не выдвинулся и смог пробиться к телецентру лишь спустя 20 минут, в течение которых 2 оперативные группы (одна - 5 чел., другая - 20 чел.) из числа сотрудников Группы «А» самостоятельно выполняли поставленную задачу.

Первой предприняла попытку проникнуть в радио-и телецентр отделение капитана Т.

После чего опергруппы из сотрудников 3 и 4 отделений (в количестве 20 чел), возглавляемые начальником 3 отделения и начальником 4

отделения, используя гранаты ГСЗ, стрельбу холостыми патронами и приёмы рукопашного боя, втянулись на площадь, на которой находилось до 5-6 тыс. человек.

Благодаря смелым и решительным действиям группам удалось дойти до зданий радио- и -телецентра, расположенных в разных административных корпусах. Части сотрудников приходилось сдерживать напор толпы, и лишь 2 сотрудникам из группы капитана Т. удалось проникнуть на 2-й этаж здания радиоцентра, отключить передающие системы, задержать работников студии.

Лишь 8 сотрудников из группы подполковника Ч.

проникли на 2-й этаж телецентра и прервали передачу из центральной аппаратной. Помимо этого, сотрудниками в здании телецентра было разоружено свыше 20 работников милиции, изъяты пистолеты Макарова и 6 автоматов «АКСУ-74» с боеприпасами. Во время проникновения на объект в месте расположения десантников и сотрудников ОМОНа слышались автоматные очереди и взрывы.

Все работники теле- и -радиоцентра после фильтрования были отпущены. Оба объекта были взяты под контроль в течение 10-12 минут и удерживались до подхода десантников, которые совместно с сотрудниками ОМОНа организовали их охрану.

Разведчик лейтенант Шатских В. В., выполняя задание, совместно со всеми проник в здание телецентра и, лишь достигнув второго этажа, обратился к подполковнику Ч. с жалобой на боль в спине. После осмотра оказалось, что он ранен.

Сотрудниками - капитаном И. и лейтенантом З. ему была оказана первая медицинская помощь. Л-нт Шатских В. В. имел пулевое ранение из автомата «АКМ-74» калибра 5,45 мм в спину. Пуля, пробив бронежилет, нанесла смертельное ранение. Из-за сложившейся критической обстановки на объекте оказать квалифицированную медицинскую помощь и эвакуировать в лечебное учреждение не представлялось возможным.

Лишь спустя 35-40 минут на машине скорой помощи он был доставлен в старую больницу «Красного Креста», где в ...часа 13.01.91 л-нт Шатских В. В. скончался.

После выполнения задания обе группы в 03 час. 30 мин. возвратились в расположение в/части...

Объект номер 2. Операция по деблокированию помещений телевизионной вышки началась в 02 час. 00 мин. Толпа, окружавшая телебашню в 10-12 кругов, общей численностью доходившая до 3-4 тысяч людей, несмотря на выстрелы холостыми зарядами танков не отошла, и техника не смогла подойти вплотную к зданию. Поэтому сотрудники Группы «А» совместно с десантниками предприняли попытку прорваться.

Необходимо было пройти сквозь толпу около 100 метров. Сотрудниками Группы были использованы гранаты ГСЗ, изделия ПСЖ, стрельба холостыми патронами и приёмы рукопашного боя. Проникнуть в

помещение удалось, лишь разбив витринные стёкла. Сотрудники во время прорыва в помещение телевышки столкнулись с организованным сопротивлением со стороны службы охраны.

Отступая на 2-й этаж, противная сторона включила противопожарную систему, в помещение под давлением стал подаваться газ фреон. Несмотря на это сотрудники опергруппы во главе с капитаном Е. установили контроль за всеми помещениями на этаже.

От близких выстрелов холостыми зарядами танков все стеклянные перегородки и окна были разрушены. Через окна 2-го и 3-го этажей по заранее подготовленным верёвкам часть сотрудников службы «Скучиса» покинули помещение телебашни.

В соответствии с поставленной задачей группа во главе с капитаном Д., проникнув на 3 этаж, отключила с помощью проводника необходимые приборы, после чего работа телевышки была парализована. Была отключена также и противопожарная система.

При прорыве на 3 этаж в одном из кабинетов рядом с операторской произошёл взрыв (предположительно, самодельное взрывное устройство). Причинён ущерб помещению (обрушен потолок и вылетели стёкла).

Затем эта же группа проверила помещение до 8 этажа, и на 6 этаже обнаружила и вывела из рабочего состояния резервную передающую электронную систему, позволяющую вести трансляцию телепередач. Все работники телебашни были перемещены в фильтрационный пункт и после отпущены.

С самого начала операции, после проникновения на объект, во главе с майором Л., устремились по лестнице на 21 этаж и не позволили вывести из строя находящиеся там приборы.

Пункт управления, связи с оперштабом и воинами ВДВ был организован на 3 этаже.

Телебашня была взята под контроль сотрудниками Группы «А» в течение 17 минут после начала штурма. В связи с тем, что по телебашне из внешнего окружения был открыт огонь из стрелкового оружия, было принято решение возвращаться на БТРах. В 04 час. 30 мин. на 3 БТРах все сотрудники были выведены в расположение в/части...

На обратном пути колонна была обстреляна из автоматического оружия, а один из БТРов пытались поджечь.

Объект номер 3. Подъехав к радиопередающему центру в 01 час. 40 мин - опергруппа во главе с майором Г. сковала действия около 20 сотрудников милиции, охранявших въезд на территорию объекта, и, проникнув в помещение радиоцентра, при этом обезоружив охранника, остановила работу радиостанции.

Объект был взят под контроль в 01 час. 43 мин. Организовав охрану силами десантников, оперативная группа после получения приказа в 02 час. 20 мин. выдвинулась к объекту номер 1 для оказания помощи. В 02

час. 40 мин. группа прибыла на объект номер 1.

Для того, чтобы пройти к комплексу зданий Комитета по телевидению и радиовещанию, сотрудники были вынуждены применить гранаты ГСЗ и стрельбу холостыми патронами. В 03 час 30 мин. опергруппа вернулась на территорию в/части.

После сбора всего личного состава, проверки вооружения и оснащения установлено, что в ходе операции было израсходовано 32 гранаты ГСЗ, 60 холостых патронов и 10 патронов ПЖ-13 к изделию ПСЖ. Были утрачены 2 радиостанции «Ангстрем-СН» и 1 автомат.

В ходе операции ряд сотрудников получили лёгкие ранения от выстрелов, колющережущих предметов, битых стёкол, ушибы различной тяжести. В медицинскую часть в/ч ... за оказанием помощи обратились 11 сотрудников.

Утром 13 января при попытке выяснить состояние раненного лейтенанта Шатских В. В. сотрудники Группы «А» не были допущены в помещение старой больницы «Красного Креста», им было заявлено, что никаких раненых военнослужащих в больницу не поступало. После чего подполковник Г. добился, чтобы военным прокурором Вильнюсского гарнизона было выдано постановление по изъятию трупа л-нта Шатских В. В.

По оперативным источникам удалось выяснить, что тело л-нта Шатских В. В. находится в клинической больнице г. Вильнюса. Опознание тела было произведено подполковником Г. и мл. лейтенантом М. Вскрытие и судебно-медицинская экспертиза проводились в присутствии лейтенанта М., ему было выдано свидетельство о смерти лейтенанта Шатских В. В.

Тело было получено в 13 час 20 мин. 13 января 1991 г. и 14 января доставлено в г. Москву. Бронежилет по запросу военной прокуратуры Вильнюсского гарнизона был передан на экспертизу в связи с рассмотрением уголовного дела по факту гибели л-нта Шатских В. В.

Днём 13 января все сотрудники Группы «А» были размешены в казармах республиканского пункта призывников, откуда 14 января 67 сотрудников отбыли в г. Москву. В г. Москву вернулись на 2 самолётах «ТУ-134 А» (бортовые номера 65997 и 65994). Вылетели из г. Вильнюса в 11 час. 30 мин., прибыли в г. Москву в 12 час. 40 мин. (время московское).

За время проведения боевой операции все сотрудники Группы «А» проявили мужество, высокий профессионализм, настойчивость в достижении цели, готовность к самопожертвованию во имя достижения поставленной задачи.

Деньги для «призрака коммунизма»

Можно с уверенностью утверждать, что дело, получившее условное название «Деньги партии», поистине уникально. Никогда и нигде

следователям не приходилось заниматься подобным вопросом хотя бы потому, что Коммунистическая партия бывшего СССР не имела аналогов в мире. Она никогда не существовала как обычная политическая партия. КПСС была беспрецедентной надгосударственной суперструктурой, жила по собственным законам и не подлежала какому-либо контролю извне, причём это исключительное её положение было закреплено в Конституции. Альфа и омега всех злоупотреблений партии именно в её исключительности, невиданной и неслыханной элитарности и в этом же причины всех трудностей, с которыми приходится и ещё придётся сталкиваться следствию.

Вожди и функционеры КПСС, естественно, не склонны к покаянным и чистосердечным признаниям. В этом плане характерно мнение одного из наиболее одиозных партийных деятелей, бывшего первого секретаря МГК и МК партии, члена Политбюро с 1971 по 1985 гг. В. Гришина:

- ...В связи с вызовом меня на допрос в прокуратуру Российской Федерации хочу сделать следующее заявление.

Во-первых, история с деньгами и золотом партии - это миф, это нагнетаемая в стране антикоммунистическая истерия, цель которой оклеветать КПСС и её руководящие кадры. Я это осуждаю.

Во-вторых, расследование уголовного дела в отношении КПСС - это антиконституционно и противозаконно, т. к. в Конституции было закреплено, что КПСС являлась руководящей и направляющей силой общества. У партии были свои ревизионные комиссии, которые контролировали финансово-хозяйственную деятельность партийных органов. Только они внутри партии имеют право контролировать финансово-хозяйственную деятельность КПСС и делать выводы...

Читать и подписывать протокол Гришин отказался, ещё раз подчеркнув, что считает расследование в отношении КПСС противозаконным.

Спасибо комендатуре..

Одной из самых парадоксальных черт Коммунистической партии СССР была её неистребимая склонность к нелегальности. Будучи «руководящей и направляющей», обладая всеми мыслимыми и немыслимыми правами, партия предпочитала обделывать свои дела в глубокой тайне и по сути за всё долгое время своего полновластного правления так и не вышла из подполья. Грифы «секретно» и «сов. секретно» предваряли преобладающую часть партийной документации.

Но самой строго охраняемой тайной были, естественно, финансы, особенно та их часть, которая содержалась на абсолютно засекреченном депозите № 1 во Внешэкономбанке СССР. К информации о зачисляемых на него средствах допускался крайне ограниченный круг лиц. Даже в секретариате и международном отделе ЦК лишь немногие сотрудники знали о существовании таинственного депозита. Почти все касающиеся его документы были рукописными: машинистки не могли быть допущены

к столь важным секретам.

И немудрено, что после провала путча именно эти документы постарались уничтожить в первую очередь. Бывший заведующий секретариатом международного отдела ЦК А. Смирнов, который сам о себе сказал так: «Да, я предатель, но предатель Политбюро, ЦК КПСС, а не своего народа, который грабила КПСС», на допросе показал, что «документы были частично уничтожены 23 августа, другие уцелели, т. к. комендатура отказалась их сжигать.»

Итак, благодаря комендатуре для следствия были сохранены материалы, важность которых трудно переоценить, т. к. они, проливают на тайную финансовую деятельность партии гораздо более яркий свет, чем свидетельства лиц, причастных к ней.

Но прежде чем анализировать следственные материалы, скажем несколько слов о самом тайном депозите Внешэкономбанка СССР - депозите № 1.

На него зачислялись средства из так называемого Международного фонда помощи левым рабочим движениям. История практической солидарности КПСС с зарубежными братьями по коммунистической идее охватывает много десятилетий. Традиции были заложены ещё в 1922 году, когда начала действовать Международная организация помощи борцам революции (МОПР). После Второй мировой войны её эстафету подхватил Фонд, созданный правящими коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Состоял он из взносов, выделявшихся каждой из партий-участниц и хранился в виде наличных банкнот в долларах США. Общий ежегодный размер фонда составлял 20-25 миллионов долларов. До 22 миллионов вносила КПСС, а 2-3 миллиона - остальные партии.

В последние десять лет наиболее значительную материальную помощь за счёт Фонда имели компартии Франции, США, Финляндии, Португалии, Чили, Израиля. В меньших размерах её получали ещё более 90 партий всех континентов. Общая сумма полученных зарубежными партиями средств за тот же период составила более 200 миллионов долларов США.

Эти факты были изложены в феврале 1992 года на парламентских слушаниях по финансовой деятельности КПСС и получили широкое освещение как в отечественных, так и зарубежных средствах массовой информации. Комментировались они неоднозначно, а кое-где и решительно отвергались. Газета французских коммунистов «Юманите», например, то, что говорилось о финансировании КПСС компартии Франции, назвала баснями. Аналогичным образом отреагировали в штаб-квартире компартии США, в некоторых других партиях. Однако отрицать очевидное бессмысленно - факты упрямы.

Всё решалось в Москве

Хотя Фонду было дано звание Международного, его распределение относилось к прерогативе исключительно ЦК КПСС, а точнее - Политбюро. Ежегодно, как правило, в начале наступившего, а иногда и в конце уходящего года международный отдел ЦК КПСС вносил руководству записку с предложением утвердить определённую сумму, предназначенную для «помощи левым рабочим движениям». Вот как выглядит один такой документ, в котором заведующий международным отделом В. Фалин обосновывает постановку вопроса.

* * *

«Особая папка Сов. секретно.

ЦК КПСС

Вопрос Международного отдела ЦК КПСС

Международный фонд помощи левым рабочим организациям на протяжении многих лет формировался из добровольных взносов КПСС и ряда других компартий социалистических стран. Однако с конца семидесятых годов польские и румынские, а с 1987 г. и венгерские товарищи, сославшись на валютно-финансовые трудности, прекратили участие в Фонде. В 1988 и 1989 гг. Социалистическая единая партия Германии, компартия Чехословакии и Болгарская компартия без объяснения причин уклонились от внесения ожидавшихся от них взносов, и Фонд формировался целиком за счёт средств, выделенных КПСС. Долевые взносы трёх названных партий составили в 1987 г. 2,3 млн. долларов, т. е. около 13 процентов общего размера внесённых в него средств.

Взнос КПСС в Международный фонд помощи левым рабочим организациям на 1989 г. был определён (П144/129 от 28 декабря 1989 г.) в размере 13,5 млн. инв. рублей, что по официальному курсу составило 22044673 доллара.

В 1989 г. из Фонда оказана помощь 73 коммунистическим, рабочим и революционно-демократическим партиям и организациям. Общая сумма выделенных средств составила 21,2 млн. долларов, из них к настоящему времени передано партиям 20,5 млн. долларов.

Партии, на протяжении длительного периода регулярно получающие определённые суммы из Фонда, высоко ценят эту форму интернациональной солидарности, считая, что её невозможно заменить никакими другими видами помощи. От большинства этих партий к настоящему времени получены должным образом мотивированные просьбы об оказании помощи в 1990 г., от некоторых - о существо-венном её увеличении.

Представляется целесообразным сохранить взнос КПСС в Международный фонд помощи левым рабочим организациям на 1990 г. примерно на уровне нынешнего года - 22 млн. долларов.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

В. Фалин, зав. Международным отделом ЦК КПСС.

5 декабря 1989 г.»

Решение Политбюро по таким вопросам всегда было единогласным. Следствие проанализировало множество документов, аналогичных тому, который приводится выше, и ни по одному из них никто из голосовавших ни разу не высказался против.

* * *

«Особая папка Сов. секретно

Постановление ЦК КПСС Вопрос Международного отдела ЦК КПСС

1. Принять предложение Международного отдела ЦК КПСС об определении долевого взноса КПСС в Международный фонд помощи левым рабочим организациям на 1990 г. в размере 22000000 долларов.

2. Правление Госбанка СССР (т. Геращенко В. В.) выдать т. Фалину В. М. 22000000 долларов на специальные цели.»

А далее следовало, кому сколько причитается. И многое здесь, оказывается, зависело от того, какая обстановка царила в той или иной партии. Ситуацию прояснял Международный отдел ЦК, члены Политбюро с его мнением считались и утверждали суммы, намечаемые каждой партии, без возражений.

* * *

«Особая папка Сов. секретно

ЦК КПСС

Вопрос Международного отдела ЦК КПСС

В ЦК КПСС обратились руководители коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий и организаций с просьбами об оказании в 1990 г. финансовой помощи.

Вносится предложение удовлетворить просьбы 62 партий за счёт средств Международного фонда помощи левым рабочим организациям (утверждён решением ЦК КПСС П175/3 от 11 декабря 1989 г.), сохранить в основном размер помощи на уровне 1989 г. Предложения о помощи компартиям Финляндии, Дании, Мартиники, Гваделупы, Реюньона, а также революционно-демократическим партиям Нигерии и Мадагаскара будут внесены дополнительно в январе - феврале 1990 г. после прояснения обстановки в данных партиях.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

В. Фалин, зав. Международным отделом ЦК КПСС.

25 декабря 1989 года.»

* * *

Этой своеобразной смете распределения Фонда предшествовали устные и письменные обращения руководителей компартий о предоставлении им денежных средств. Разными были эти просьбы, как разными являлись и цели, на достижение которых предусматривалось использовать деньги.

КП Ирака: «Возникают трудности у партии в связи с вооружёнными действиями, созданием и расширением вооружённых отрядов».

СВАПО Намибии: «Партия могла действовать в последние годы благодаря помощи КПСС».

КП Израиля: «Платить функционерам зарплату ниже 3 тысяч долларов просто не гуманно».

Пространные послания касательно финансов поступали в Москву из США от Г. Холла. «Я не люблю поднимать вопрос о финансах, но, когда «волк» на пороге, приходится громко кричать.» - такими словами начал он своё прошение в 1987 году. Сразу после этого проливалась слеза об «исключительно критическом финансовом положении» и следовало перечисление материальных затрат: создание новой типографии, удорожание выпуска газеты «Пиплс Дейли Уорлд», траты на выборы в конгресс, налоги и расходы на содержание штаб-квартиры партии.

«Итак, в полном смысле слова я не преувеличиваю, когда говорю, что «волк на пороге», - нагнетал Холл страсти, после чего переходил к трезвым расчётам потребной суммы. В заключение он заверял КПСС: «В контексте борьбы против империализма США и политики администрации Рейгана нашу партию следует рассматривать как важный и даже незаменимый фактор».

Не всем, однако, выделяемых сумм хватало, и тогда на Старую площадь поступали новые просьбы. Чаще всего устные, высказываемые при встречах. Кое-кто не желал оставлять письменных свидетельств своих особых финансовых связей с КПСС. Например, лидеры Французской компартии. Но их понимали и так. Вот что писал 20 июня 1987 года партийный куратор международных дел Добрынин М. С. Горбачёву в связи с просьбой из Франции.

* * *

«Сов. секретно

Михаил Сергеевич,

прибывший в Москву член Политбюро, секретарь ЦК Французской компартии Г. Плиссонье сообщил, что руководство ФКП высоко оценило «качественно новый» характер встречи, состоявшейся между Вами и Ж. Марше в мае с.г. Ж. Марше просил передать Вам глубокую благодарность за содержательную беседу и братский привет.

Далее Плиссонье информировал, что Ж. Марше поручил ему также

передать Вам просьбу об оказании ФКП дополнительной финансовой помощи.

Просьбу он мотивировал тем, что весной 1988 г. во Франции состоятся президентские выборы. Избирательная кампания уже практически началась. На прошедшей недавно национальной конференции ФКП официально выдвинула своего кандидата - А. Лажуани. Правые партии и социалисты располагают значительными, во много раз превышающими возможности компартии, средствами для проведения избирательной кампании.

Компартия обратилась к трудящимся страны с призывом о материальной поддержке, но в любом случае средств, собранных по подписке, будет недостаточно.

В этих условиях, - сказал Г. Плиссонье, - мы, как это бывало и в прошлом, обращаемся к братской КПСС и просим оказать чрезвычайную финансовую помощь в размере 10 млн. франков (т. е. около 1 млн. 650 тыс. ам. долларов).

Полагал бы возможным частично удовлетворить просьбу французских товарищей, выделив 50-60 проц. запрошенной суммы.

Справочно: в 1987 г. французской компартии уже выдано 2 млн. долларов из Международного фонда помощи левым рабочим организациям.

20 июня 1987 г.»

Одиннадцать членов Политбюро начертали на записке Добрынина «за», и ФКП была выделена дополнительная финансовая помощь в один миллион долларов.

* * *

«Сов. секретно Особой важности

Постановление ЦК КПСС Вопрос Международного отдела ЦК КПСС

1. Согласиться с запиской т. Добрынина А. Ф. и выделить Французской компартии в 1987 г. в качестве дополнительной финансовой помощи 1000000 долларов.

2. Правлению Госбанка СССР (т. Деменцев В. В.) выдать т. Добрынину А. Ф. 1000000 долларов на специальные цели.

3. Передачу средств поручить Комитету государственной безопасности СССР.

3.7.87 г.»

Следствие всё более убеждается, что щедрые подачки своим зарубежным друзьям КПСС выделяла не из партийной кассы, а из государственной казны. Делалось это без затей, прямо и беззастенчиво. Обратите внимание на пункт второй постановления об оказании ФКП финансовой помощи. «Правлению Госбанка СССР выдать т. Добрынину А.

Ф. 1 000 000 долларов на специальные цели». Не Управлению делами ЦК КПСС, заметьте, указание даётся, а Госбанку СССР. Так было всегда. И все десятилетия вокруг тайн Фонда существовал заговор молчания. Члены Политбюро, великие молчальники со Старой площади, заговорили только на следствии.

Говорят члены Политбюро

Из протокола допроса Н. Слюнькова, члена Политбюро в 1987-1989 гг.:

- ...По поводу моего участия в принятии решений по формированию Международного фонда помощи левым рабочим организациям могу пояснить следующее. То, что помощь оказывалась, я слышал, подробности не помню. Видел документы по оказанию этой помощи, они проходили через меня, причём частные документы, например, о предоставлении автомобиля.

В один из моментов я пытался выяснить, сколько мы тратим средств на помощь зарубежным странам и сколько тратим из бюджета и национального дохода страны на военные расходы, но конкретно таких сведений так и не получил...

Будучи членом Политбюро, я стал замечать, что не всех членов Политбюро посвящали в разбор некоторых вопросов. Отдельные вопросы были просто «закрыты» от меня. Узнать о них было сложно.

Я не помню, чтобы вопрос об оказании финансовой помощи зарубежным партиям обсуждался на заседаниях Политбюро. Если бы он обсуждался, то тогда я бы помнил, что мы вели какую-то дискуссию...

Я полагал, что помощь зарубежным партиям оказывается за счёт находящихся в Госбанке средств. Я и понятия не имел, что эта помощь оказывается за счёт нашего государства...

Я полагаю, вопрос об оказании материальной помощи зарубежным компартиям не обсуждался открыто на заседаниях Политбюро, чтобы не посвящать всех членов Политбюро в суть этого вопроса...

* * *

Из протокола допроса В. Воротникова, члена Политбюро в 1983-1990 гг.:

- ...Я ознакомился с предъявленными мне Постановлениями ЦК КПСС и записками Международного отдела по вопросу оказания материальной помощи зарубежным компартиям и выписками из протоколов заседаний Политбюро за 1984-1990 гг. Мои подписи под ними имеются. А поскольку имеются мои подписи, значит, я голосовал и в этих случаях.

Голосование проходило опросным порядком... Обычно на документе уже стояло несколько подписей членов Политбюро, и когда очередь доходила до меня, я его визировал. Для возражения у меня не было

информации, как не было и данных для воздержания.

Я знал, что такая помощь существует, полагал, что существует она давно... Особого значения этому не придавал и воспринимал как само собой разумеющееся. Я всегда был твёрдо убеждён в том, что мы отдаём партийные деньги, и никому нет дела до того, кому и как мы помогаем... Хотя по содержанию проекта Постановления можно понять, что часть денег использовалась государственных...

Я полагаю, что финансовая помощь зарубежным компартиям оказывалась нелегально потому, что так принято в мире...

* * *

Из протокола допроса М. Соломенцева, члена Политбюро в 1983-1988 гг.:

- ...О существовании Международного фонда помощи левым рабочим организациям я узнал недавно из газет. Мне приходилось бывать за границей. Я был на съездах Чилийской, Французской, Греческой компартий. Ездил в Анголу, на Кубу, но руководители компартий этих стран не ставили передо мной вопросы о финансовой помощи, и перед поездкой в эти страны в Центральном Комитете мне никаких поручений на этот счёт не давали.

Всегда с нами ездил кто-либо из работников Международного отдела, как правило, лицо, курировавшее зарубежную партию. Были ли с ними какие разговоры по оказанию финансовой помощи, я не знаю. Мне об этом никто не говорил.

В ЦК КПСС существовало две формы принятия решений - на заседании Политбюро и опросным путём (голосование «вкруговую»). За пять лет, что я был членом Политбюро, я не помню, чтобы мы обсуждали вопрос о формировании Фонда и его распределении между зарубежными партиями...

Я ознакомился с предъявленными мне решениями ЦК КПСС по оказанию материальной помощи зарубежным партиям за 1983-1988 гг. На документах за 1984-1988 гг. имеются мои подписи, но тем не менее о существовании Фонда я не знал. Ставя свою подпись на документе, я не вникал в суть вопроса, по этому поводу никому вопросов не задавал. Я считал, что так, наверное, было заведено давно, что этот вопрос предрешён, поэтому голосовал «за». К тому же разбираться в этом вопросе не входило в мою компетенцию...

* * *

Из протокола допроса В. Медведева, члена Политбюро в 1988-1990 гг.:

- ...До избрания меня членом Политбюро я слышал о Фонде помощи зарубежным компартиям. После избрания членом Политбюро не очень чётко знал об этом Фонде, но то, что денежные средства перечислялись

для оказания помощи компартиям, это я знал. Правда, не знал, каким образом они перечислялись, через Фонд, или прямо.

Партийный бюджет рассматривался ежегодно, но детали и в частности, были ли в нём предусмотрены статьи расходов на оказание помощи зарубежным компартиям, я сейчас не помню.

Я думаю, что помощь оказывалась за счёт партийного бюджета, т. к. у партии было достаточно своих средств. Я понимал так, что партия выделяла из бюджета сумму в рублях, и она обменивалась на валюту, но к технологии этого дела отношения не имел, поэтому могу просто предполагать. О существовании во Внешэкономбанке СССР депозитного счёта ЦК КПСС (Депозита-1) слышу впервые.

* * *

Из протокола допроса В. Никонова, члена Политбюро в 1987-1989 гг.:

- ...Вопрос о формировании Международного фонда помощи левым рабочим организациям... на заседаниях Политбюро никогда не обсуждался. Ко мне приходили документы по этому вопросу для голосования «вкруговую». Суммы в них уже были проставлены от руки...

Из членов Политбюро, помимо Генерального секретаря, этим вопросом занимались Медведев и Яковлев, но у них я по этому вопросу никогда ни о чём не спрашивал. Существовал такой порядок: раз вопрос не мой, значит, нечего в него лезть...

* * *

Из протокола допроса Е. Лигачёва, члена Политбюро в 1985-1990 гг.:

- ...Я ознакомился с предъявленными мне записками Международного отдела и Постановлениями ЦК КПСС по поводу формирования Фонда, определению долевого взноса компартий-участниц Фонда и оказанию помощи зарубежным компартиям за 1985-1990 гг. Если вникнуть в пункт 2. Постановлений, то можно предположить, что КПСС вносила свой взнос за счёт государства. Но я никогда не задумывался над этим пунктом, подписывал документы автоматически...

Партийный бюджет разбирался на Политбюро ежегодно, всегда докладывал управляющий делами. Но я не помню, чтобы в статьях расходов предусматривалось оказание помощи зарубежным компартиям. Наверное, в партбюджете и не было такой статьи, а если не было, то, значит, КПСС вносила свой взнос не из партийных, а из государственных денег.

По этому поводу ни с кем из работников Центрального Комитета разговора не было. Я никакого отношения к финансовым вопросам Международного отдела не имел и в этот вопрос не вникал, поскольку этот вопрос был не мой. В Центральном Комитете не было принято вмешиваться в вопросы, которые были в ведении других секретарей.

Я знал, что работающие за границей коммунисты платят членские

взносы валютой, что в Госбанке происходит обмен рублей на валюту, и полагал, что Управление делами таким образом использует валютные средства для своего взноса в Фонд. Из этого и исходил при голосовании. Если бы я знал, что деньги на эти цели идут государственные, то, возможно, у меня в связи с этим возник бы вопрос, почему мы тратим государственные деньги...

Финансовые возможности у КПСС для оказания помощи зарубежным компартиям были. Доходы у партии были больше, чем расходы, поэтому незачем было брать деньги у государства. Дотации партии от государства не были нужны.

Кто из членов Политбюро знал о том, что КПСС вносит в Фонд свой взнос за счёт государства, мне не известно. Возможно, знали Генеральный секретарь, Председатель Совета Министров СССР...

* * *

Из протокола допроса Н. Рыжкова, члена Политбюро, Председателя Совета Министров СССР в 1985-1990 гг.:

- ...Я ознакомился с предъявленными мне записками Международного отдела и Постановлениями ЦК КПСС за 1985-1990 гг. по вопросам оказания финансовой помощи зарубежным компартиям. Мои подписи как члена Политбюро на них имеются. Документы «запускал» в работу Генеральный секретарь.

Для оказания финансовой помощи зарубежным компартиям использовались государственные средства. Они были заложены в сводном валютном плане страны, который утверждался правительством. В валютные планы каких ведомств, Госбанка, Минфина или других, включались эти средства, я сейчас не помню, а компенсировал ЦК КПСС рублевым покрытием их эквивалент или нет, я не знаю, это надо проверить...

Я также ознакомился с распоряжениями Совета Министров за 1986-1989 гг. о выделении валютных средств КГБ на спецмероприятия.

КГБ, министерство обороны, министерство иностранных дел занимали особое положение, их руководители входили в правительство номинально и практически свои вопросы с правительством не обсуждали, а, минуя правительство, решали напрямую с ЦК КПСС. В частности это касалось вопроса о выделении валютных средств КГБ. Решение по нему принимал ЦК КПСС, а Совет Министров, лишь дублировал его своим распоряжением.

Я не требовал отчёта от КГБ о расходовании денежных средств и на какие цели они шли. Это их секреты. Исполнение валютного плана они вели сами...

* * *

Вот такое оно и было - Политбюро, «Инстанция» самая высокая в государстве. Документы подписывали «автоматически», в решения «не

вникали», деньги тратили, «не задумываясь» над тем, чьи они - партийные или государственные. А ведь деньги были немалые и решения, как помнится, сплошь да рядом «исторические». Но вот пришло время отвечать, и выяснилось, что неизвестно с кого спрашивать за эти траты и решения.

На все вопросы у членов Политбюро ответ одинаков: «Не знаем, не ведаем». Пока государством правили, называли себя «коллективным разумом партии», теперь же кинулись врассыпную, кивают на генсека, друг на друга и вряд ли при этом отдают себе отчёт, насколько такая тактика неприлична для государственных мужей, пусть и бывших.

«Табачок для друзей»

До сих пор многие из высоких партийных руководителей не усматривают ничего зазорного в той щедрости, с которой КПСС дарила деньги своим зарубежным единомышленникам. Вот каково, например, мнение о деятельности Фонда помощи левым рабочим организациям заместителя Генерального секретаря ЦК партии В. Ивашко.

* * *

Из протокола допроса В. Ивашко:

- ...В самой этой практике в международном плане нет ничего необычного. Нельзя забывать, что на протяжении десятилетий сохранялось противостояние государств, придерживавшихся разных концепций общественного развития. Время от времени это противостояние достигало такого накала, когда мир оказывался под угрозой военной конфронтации. Естественно, разные государства, в том числе и наше, исходя из своих национальных интересов, тратили деньги не только на вооружения, но и на проникновение в разные сферы общественной жизни других государств.

Речь не идёт о разведке, шпионаже и тому подобной деятельности... Но поддержка тех или иных общественных сил, через которые можно донести до масс свою политику, оказать какое-то влияние на общественное мнение, всегда являлась да и сейчас остаётся одной из важных функций государства.

В подтверждение сказанного можно привести множество примеров. Сошлюсь лишь на интервью бывшего директора ЦРУ США У. Колби итальянскому журналу «Панорама», выдержки из которого были опубликованы в нашей печати. В этом интервью он откровенно говорит, что, стремясь не допустить победы коммунистов на парламентских выборах в Италии, ЦРУ давало деньги Христианско-демократической партии и другим партиям этой страны, причём сам У. Колби развозил деньги по известным ему адресам в автомобиле, набитом долларами...

* * *

Не будем пока дискутировать с В. Ивашко о существенной, на наш

взгляд, разнице между долларами КПСС и ЦРУ, скажем только, что у руководителей нашего КГБ не было необходимости лично участвовать в подобных акциях.

Исполнителей вполне хватало. Для выполнения партийного поручения - переправки денег за рубеж - КГБ привлёк своё Первое Главное управление (ПГУ), занимавшееся внешней разведкой. Следствие располагает документом, в котором на достаточно компетентных и достоверных основаниях засвидетельствовано, что «практически все резидентуры задействовались в проведении операций по передаче валютных средств руководителям зарубежных партий, некоторых общественных организаций и печатных органов. По поручению руководства страны производились операции по переправке крупных валютных сумм, а также золота и драгоценностей за границу для некоторых государственных и общественных деятелей...»

* * *

Приходилось выполнять такие «партийные поручения» и бывшему разведчику, ныне писателю Михаилу Любимову. Вот что он вспоминает об этом в газете «Россия»:

- ...Нам (в ПГУ - Прим. авт.) обычно звонили из международного отдела ЦК КПСС и говорили: «Пришлите кого-нибудь за «табаком». Так на условном языке мы называли валюту для зарубежных компартий, так вот, я нахожу свободного человека, и он едет на Старую площадь. Правда, обычно ездили одни и те же люди. Мы - организация конспиративная и своё участие в «табачных» операциях не афишировали даже друг перед другом. Этот человек и привозил обычно мешок или два валюты...

Как правило, валюта сортировалась в ПГУ по направлениям и шла с дипломатической почтой. Она прибывала в резидентуру, и резидент... вручал её адресату.

...Иногда всё было, как в детективе. В 1968 году, когда я был в Дании ещё заместителем шефа, мы довольно крупную сумму вручали генсеку за городом. Можете себе представить. Ночь. Я за рулём. Едем около леса. И вот появляется машина датского генсека. Тушатся фары... Я тогда подумал: Боже мой, какой риск - в лесу, в темноте, а по шоссе могли вдруг проехать полицейские машины.

В общем-то датская контрразведка знала о такого рода операциях. Поэтому, когда сам стал шефом, я от этой ненужной конспирации отказался и вручал деньги генсеку прямо в посольстве. Обычно спрашивал у посла: «Когда у Вас будет генсек?» А он бывал часто. Я его приглашал к себе в кабинет - он у меня, как и у посла, был «защищённый», мы выпивали по рюмке виски, и я ему вручал его ... «стипендию». Он давал расписку и предлагал ещё по одной выпить «за пролетарский интернационализм».

...Участвовать во всём этом мне было просто тошно. Ведь я слишком хорошо знал этих коммунистических лидеров, видел, как они, будучи

людьми крайне ограниченными, научились фарисействовать, кичиться пролетарским происхождением, а на самом деле под прикрытием высоких слов лично обогащались за чужой счёт...

Я совершенно убеждён, что награбленные у нашего народа деньги просто присваивались руководством компартии для личного благосостояния. Пару раз мы такую информацию посылали. Был один из высокопоставленных деятелей компартии в Дании, так он такую коммерческую деятельность развернул за наш счёт... Но на информацию такого рода никто не реагировал. Да и писать об этом, признаться, не хотелось. Откуда мне было знать, какие отношения у этого человека, к примеру, с Загладиным или Пономарёвым (ответственные сотрудники ЦК КПСС - Прим. авт.). У них свои дворцы и там свои игры, до которых нас не допускали...

Разведчики аккуратно отчитывались перед начальством о выполнении поставленных задач.

* * *

«Комитет Государственной безопасности СССР Первое Главное управление 14.04.88. номер 157/609

Москва Особая папка Совершенно секретно

Лично

ЦК КПСС

Товарищу Добрынину А. Ф.

О направлении расписки

При этом направляем расписку о передаче руководству Коммунистической партии США 3 000 000 (трёх миллионов) долларов США в счёт ассигнований, выделенных на 1988 г.

Передача осуществлена в соответствии с решением П-97/48 от 30.12.87. Приложение: расписка на 1 листе, без номера, от 19.03.88, сов. секретно, на английском языке.

Н.С. Леонов, заместитель начальника Первого Главного управления»

За отчётностью на Старой площади следили строго. Каждое решение Политбюро о выделении финансовой помощи содержало поручающий пункт КГБ СССР, поэтому оттуда в международный отдел ЦК КПСС поступал отчётный документ о каждом факте передачи денег.

Чаще всего это были расписки руководителей компартий. Но в некоторых случаях, «из оперативных соображений», расписки не отбирались.

Но и тогда, когда расписки составлялись, некоторыми зарубежными партийными функционерами факт получения денег маскировался. Вот, например, в расписке, выданной одним из лидеров ФКП 13 октября 1987 года, значится: «получил два пакета листовок», хотя фактически это было

миллион долларов, что чёрным по белому означено в сообщении ПГУ КГБ СССР, адресованном в ЦК КПСС Добрынину А.Ф.

* * *

«Комитет Государственной безопасности СССР

Первое Главное управление 29.10.87. номер 161/3012

Москва

Особая папка

Совершенно секретно

Лично ЦК КПСС

Товарищу Добрынину А. Ф.

О направлении расписки

Приложением направляем расписку о получении французскими друзьями денежных средств в сумме один миллион долларов США.

Основание: П-74/27 от 03.07.1987 года.

Приложение: расписка на 1 листе, без номера, от 13 октября 1987 г., сов. секретно, на французском языке.

В. Ф. Грушко, заместитель начальника Главного управления»

* * *

В отличие от ФКП лидеры компартии США не видели необходимости в чрезмерной законспирированности своих финансовых связей с КПСС. Г. Холл, как правило, указывал в расписках именно то, что получал.

* * *

«Комитет Государственной безопасности СССР

Первое Главное управление 31.03.87. номер 157/613

Москва

Особая папка

Совершенно секретно экз. № 1 Лично

ЦК КПСС Товарищу Добрынину А. Ф.

О направлении расписки При этом направляем расписку о передаче руководству Коммунистической партии США 2 000 000 (двух миллионов) долларов США в счёт ассигнований, выделенных на 1987 год.

Передача осуществлена в соответствии с решением П-51/49 от 04.02.87.

Приложение: расписка на 1 листе, от 14.03.87., без номера, совершенно секретно, на английском языке (только в адрес).

В. А. Кирпиченко, заместитель начальника Первого Главного управления»

* * *

Все документы, приведённые здесь, адресованы лично А. Добрынину, секретарю ЦК КПСС, заведующему международным отделом в 1986-1988 гг. Однако сам он на допросе 19 марта 1992 года заявил следующее: «Расписки руководителей зарубежных партий в получении выделенных средств за период моей работы в международном отделе я не видел».

Это - довольно красноречивая иллюстрация к вопросу о том, в какой степени следствие может рассчитывать на искренность людей, имевших непосредственное отношение к акциям солидарности КПСС с зарубежными заединщиками.

Сами же акции отнюдь не исчерпывались передачей наличных денег. Существовали и другие способы финансирования борцов за коммунистические идеалы. Этим также занималась разведка. Так, ПГУ КГБ СССР участвовало в сокрытии сделок ЦК КПСС по поставкам различным партиям бумаги. В целях конспирации безвозмездно выделенная бумага (принадлежащая государству и не оплачиваемая КПСС) отгружалась по официально оформленным документам как закупленная фирмой. Фактически фирма за рубежом контролировалась финансируемой партией. Фирма оплачивала поставку по счёту внешнеторгового объединения «Экспортлес» или другой внешнеторговой организации. С этого счёта валюта потом перечислялась в безусловном порядке на счёт № 14000025, принадлежащий ПГУ, а с него возвращалась компартиям.

ПГУ также по указанию Международного отдела ЦК КПСС закупало и передавало различным партиям технику, оборудование, организовывало подписку газет и оказывало другие бесплатные услуги.

«Невидимая» экономика партии

Но занимаясь благотворительностью за государственный счёт, партия не забывала и о своих финансовых интересах. Одной из форм возможного накопления партийных средств за рубежом (как на банковских счетах, так и в другом виде) следует считать получение прибыли за счёт разницы цен при реализации сырья, нефти, вооружения. Вывоз всего этого из СССР осуществлялся по заниженным ценам для контролируемых компартиями «фирм друзей». Фирмы реализовывали приобретённое уже по мировым ценам. Полученная разница в СССР не возвращалась. Все контакты с фирмами осуществлял КГБ.

С его помощью ЦК КПСС имел возможность участвовать и в иных противозаконных акциях, в частности по хранению в СССР имущества, добытого преступным путём различными боевыми группировками, такими, например, как Демократический фронт освобождения Палестины.

Естественно, финансовый вопрос приобрёл для партии небывалую

остроту, когда она перестала быть «руководящей и направляющей силой общества» и утратила своё абсолютное право черпать средства из любых источников государственных доходов. К этому времени принадлежит цитируемый ниже документ.

* * *

«Общий отдел ЦК КПСС 23 августа 1990 г.

О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии (Памятная записка)

... Особое место в новых для КПСС условиях занимает вопрос о подключении принадлежащих партии предприятий и хозяйственных организаций, а также её денежных средств к внешнеэкономической деятельности. Это важно как для создания автономного канала получения валюты в партийную кассу, так и для финансирования межпартийных связей...

При этом потребуются соблюдение разумной конфиденциальности и использование в ряде случаев анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с «коммерциализацией» имеющейся в наличии партийной собственности планомерно создавать структуры «невидимой» партийной экономики, к работе с которой будет допущен очень узкий круг людей, определяемый Генеральным секретарём ЦК КПСС или его заместителем. Всё это подсказывается опытом многих партий, десятилетиями работающих в условиях многопартийности и рыночной экономики.

Представляется, что следовало бы принять в неотложном порядке перечисленные ниже меры, чтобы обеспечить условия для развёртывания коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии на уровне её центральных органов:

... - обстоятельно проанализировать существующую правовую базу - законы Союза ССР и республик с целью определить оптимальные легальные возможности для перехода к коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии. Кроме того, активно подключиться (через депутатов-коммунистов) к подготовке новых законодательных актов в Верховных Советах Союза ССР и некоторых республик, чтобы обеспечить защиту экономических интересов партии;

... - подготовить предложения о создании каких-то новых «промежуточных» хозяйственных структур (фонды, ассоциации и т. п.), которые при минимальных «видимых» связях с ЦК КПСС могли бы стать центрами формирования «невидимой» партийной экономики;

- безотлагательно приступить к подготовке предложений об использовании анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС, в развёртывании коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии. Рассмотреть, в частности, вопрос о возможностях присоединения через участие в капитале к уже функционирующим совместным предприятиям, международным консорциумам и т. п.;

- рассмотреть вопросы о создании контролируемого ЦК КПСС банка с правом ведения валютных операций, об участии партии своими валютными ресурсами в капитале оперирующих в международном масштабе фирм, контролируемых хозяйственными организациями друзей. Для обеспечения внешнеэкономической деятельности следовало бы также безотлагательно начать аккумуляцию на отдельном счёте КПСС партийных взносов загранучреждений;

- провести консультации с Госснабом СССР по вопросу об использовании для внешнеэкономического сотрудничества партии советского имущества, остающегося после вывода советских войск из Чехословакии, Венгрии и ГДР...

Тов. Ивашко В. А.»

* * *

Разработчиками и создателями коммерческих структур для нелегальной экономики КПСС стали опять же люди из внешней разведки. В ноябре 1990 года из-за границы был отозван сотрудник ПГУ полковник Л. Веселовский. Его, специалиста по международной экономике, перевели на работу в Управление делами ЦК КПСС. Веселовский готовил документы для малого предприятия «Галлактик» и других фирм, куда впоследствии было переведено почти 1 млрд. рублей, принадлежащих партии. Реализовывал проекты другой офицер ПГУ А. Давиденко, руководили созданными для КПСС фирмами также офицеры КГБ.

Л. Веселовский систематически отчитывался о своей деятельности перед руководством КГБ, следовательно в архивах Комитета госбезопасности есть подробные сведения о создании коммерческих структур и их руководителях. Этот материал следствию ещё предстоит изучать.

Обращает на себя внимание период увольнения Веселовского из Управления делами ЦК КПСС - за две недели до августовского путча. Веселовский сразу же выехал в Швейцарию, где нашёл себе место советника в четырёх иностранных фирмах.

На Западе ныне и ещё один человек, показания которого были бы небезинтересны для следствия. Это последний заведующий международного отдела ЦК КПСС, а ранее посол СССР в ФРГ Валентин Фалин. От допросов он уклонялся, заявив следователям, что очень серьёзно болен и ложится в больницу. А вскоре стало известно, что Фалин выехал в Германию. Сейчас он работает научным сотрудником «Исследовательского института за мир» при Гамбургском университете, живёт в одном из самых шикарных кварталов и уверяет немецкую прессу, что все сведения о его причастности к делу о партийных деньгах - клевета.

В обширном интервью, опубликованном 13 марта 1992 года в респектабельном еженедельнике «Die Zeit», Фалин заявил: «Ни одна партия и ни один политический деятель не получили из моих рук ни

одного цента». И далее подробно объяснил, почему так случилось. Оказывается, именно Фалин, став заведующим международным отделом ЦК КПСС, решительно воспротивился практике раздачи денежных субсидий зарубежным друзьям и будто бы даже по его инициативе с середины 1989 года «все подобные транзакции были приостановлены», причём Фалин лично «велел заблокировать 12 миллионов на банковском счёте».

Однако у следствия на основании изученных документов сложилось совсем другое представление об отношении Валентина Фалина к помощи зарубежным друзьям. Он вовсе не был таким жестокосердым, каким хочет выглядеть сейчас. В подтверждение приведём дополнительно к уже цитировавшимся выше ещё один из имеющихся у следствия документов.

* * *

«О просроченной задолженности фирмам дружественных партий

Трудности с неуплатой советскими организациями валюты фирмам друзей, возникшие с конца 1989 года, нарастают...

По оценке Внешэкономбанка СССР, страна находится на пороге банкротства со всеми вытекающими отсюда последствиями...

На фоне общей задолженности сумма просроченных платежей фирмам дружественных партий относительно невелика - около 60,4 млн. руб.

К настоящему времени с Японией, Францией, Италией, Австрией, Англией и Грецией подписаны межправительственные и межбанковские соглашения или достигнута принципиальная договорённость и ведутся переговоры о предоставлении Союзу ССР кредитов с целевым назначением для оплаты просроченной задолженности в размере 1211 млн. рублей.

В перечисленных странах имеются и фирмы наших друзей. Таким образом, по ним имеются возможности для погашения просроченной задолженности.

Для практической реализации такой возможности необходим приоритетный подход к платежам со стороны Внешэкономбанка СССР по поручению Кабинета министров.

По другим странам, где также имеются фирмы друзей, кому мы задолжали, (ФРГ, Швейцария, Португалия, Дания, Швеция, США, Кипр, Мальта, Сан-Марино и др.), аналогичных кредитных соглашений нет.

Источником погашения нашей задолженности этой группе фирм могла бы быть часть валютных средств «несвязанных» валютных кредитов Саудовской Аравии (1 млрд. руб.) и Южной Кореи (563,3 млн. руб.), с которыми достигнута принципиальная договорённость о предоставлении нам такого вида кредитов.

Необходимость срочного решения вопросов в отношении фирм друзей

предопределяется тем, что осложнившееся их финансовое положение, угроза банкротства нарушают механизм финансирования самих дружественных партий, создают реальную угрозу их дальнейшему существованию.

Зав. Международным отделом ЦК КПСС

(В. Фалин)

Зав. отделом социально-экономической

политики ЦК КПСС (В. Власов) 19 февраля 1991 года»

* * *

Привычка к фарисейству неистребима. Даже сейчас, перед лицом неопровержимых фактов, из рядов бывшего партийного руководства доносятся речи в защиту партии. Послушать того же Ивашко, так слёзы закапают. Бедная КПСС! Сколько вокруг злодеев, жаждущих погубить её репутацию.

Здесь вполне уместно привести ещё одно извлечение из уже цитировавшегося протокола допроса бывшего заместителя Генерального секретаря ЦК.

- ... Должен сообщить, что не исключаю возможности злонамеренного использования имени партии для прикрытия теми или иными людьми у нас в стране и за рубежом противозаконных сделок. В подтверждение хочу привести нашумевшее дело о якобы имевшей место передаче руководством Партии демократического социализма ФРГ Центральному Комитету КПСС некоей задолженности в размере 107 млн. марок. На самом деле ничего подобного не было, вообще никакие расчёты на проводились.

Я поручил Международному отделу ЦК выяснить источники дезинформации и подготовить соответствующее опровержение. Об этом узнал председатель Партии демократического социализма ФРГ Г. Гизи и вскоре прибыл в Москву. В разговоре со мной он принёс свои извинения в связи со случившимся, сославшись при этом на нечестных людей из своего окружения, вступивших в какую-то сделку с некоей московской фирмой «Путник», руководитель которой якобы говорил о своих контактах с ЦК КПСС.

Поскольку налицо были признаки финансовой аферы, к тому же бросающей тень на ЦК КПСС, я официальным письмом обратился в Прокуратуру СССР с просьбой разобраться во всём этом деле. Чем закончилось расследование, я не знаю, но совершенно очевидно, что вскрылась попытка определённых лиц использовать имя партии в целях личной наживы. Но вскрылась-то только одна такая попытка. Вполне допустимо предположить, что были и другие.

Поэтому считал и считаю, что всякого рода сообщения, в том числе и сенсационного характера, о каких-то сделках с участием представителей партии, о якобы спрятанных деньгах и т. п., с одной стороны подлежат, а

с другой - подвергаются проверке, и не могут приниматься на веру, тем более, что сплошь и рядом они преследуют вполне определённые политические цели, для достижения которых, по мнению авторов некоторых публикаций, что совершенно однозначно вытекает из их содержания, годятся любые мифы и фантазии, лишь бы суммы были покрупнее и посильнее поражали сознание обывателя...

Вот так, абсолютно бездоказательно, зато очень эмоционально. Раз товарищ Гизи извиняется тет-а-тет перед товарищем Ивашко, значит, действительно КПСС ни в чём не виновата, а потому - руки прочь от её финансовых тайн!

Во имя чего?

Ох уж эти тайны! Всё засекречено, зашифровано. Никто ни о чём следствию рассказывать не спешит. И следствие к этому уже попривыкло. Поэтому и не ждало особых результатов от допросов даже таких компетентных свидетелей, как М. С. Горбачёв и А. Н. Яковлев.

Михаил Сергеевич действительно ничего важного или принципиально нового не сообщил.

* * *

Из протокола допроса М. С. Горбачёва, члена Политбюро ЦК КПСС в 1980-1991 гг., Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985-1991 гг.:

- ...О том, что зарубежным компартиям оказывается финансовая помощь, я узнал в 1980 году, когда стал членом Политбюро... Будучи Генеральным секретарём я курировал этот вопрос, но это даже не расписывалось в обязанности, этот вопрос шёл сам собой десятилетиями. Зарубежным компартиям помощь оказывалась традиционно...

Каковы были порядок и механизм формирования Международного фонда помощи левым рабочим организациям, мне не известно. Что касается размеров помощи, то, по-моему, всё было связано с изучением реальной ситуации и основывалось на информации «международников»...

Мне не известно, на основании каких документов закладывались в Валютный план данные о спецрасходах ЦК КПСС и неизвестна структура спецрасходов. Я думаю, что эти цифры давало Управление делами. Партийный бюджет и отчёт о его исполнении рассматривались и на Секретариате, и на Политбюро. По расходам расшифровка давалась, но сведения о размере помощи зарубежным компартиям там никогда не фигурировали. Это было засекречено, это была «особая папка»...

По поводу публикаций в прессе о денежных средствах КПСС в зарубежных банках и о том, что там имеются мои счета, могу сказать, что всё это чушь. Счетов в зарубежных банках у меня нет. Я даже отдал на гуманитарную помощь все свои гонорары от издания книг и Нобелевскую премию.

О наличии за рубежом дач, особняков и другого недвижимого

имущества, принадлежащего КПСС, мне не известно. Во время моего пребывания на посту Генерального секретаря партии недвижимость за рубежом не приобреталась.

* * *

Александр Николаевич Яковлев не был столь лаконичен.

* * *

Из протокола допроса А. Н. Яковлева, члена ЦК КПСС, члена Политбюро в 1985-1991 гг.:

Вопрос:

- Почему размер помощи левым рабочим организациям не рассматривался открыто на Политбюро?

Ответ:

- Мне кажется, никакой конкретной причины не было. Просто дело это было абсолютно рутинным и не заслуживало даже того, чтобы его обсуждать. Вносит международный отдел этот вопрос, значит, вносит... Как я себе представляю, секретари партий нажимали, чтобы увеличить помощь, писали в ЦК, в международный отдел, те - в Секретариат, Секретариат - в Политбюро...

Вы знаете, я сейчас в неудобном положении. Все знали мою позицию. Все же всерьёз понимали, что никакого коммунистического движения нет, по крайней мере в большинстве стран. Это не моё открытие. Тут я очень не хочу быть понятым так, что вот я пришёл и увидел всё это. Ничего подобного.

Еще когда я работал послом в Канаде, был в международном отделе такой первый заместитель заведующего отделом Кусков - умница, но типичный, так сказать, аппаратчик. Я ему говорю: «Ну, Елизар, ну какая же это партия, она, по-моему, меньше, чем состав ЦК... Я знаю, что они за наш счёт выстроили себе дома, что многие, большинство партий такие же. Он отвечал: «Ну что же сделать, если мой начальник этим увлечён».

Вопрос:

- А зачем тогда помощь оказывать, если коммунистическое движение мертво?

Ответ:

- ...Понимаете, я вообще крайне удивлён расследованием именно этого вопроса, вырванного из контекста времени... Оказывать помощь, не оказывать... Да некоторые кормились вокруг этого. Это была кормушка, созданная давным-давно для каких-то группировок, которые проводили нашу пропагандистскую работу, что-то там делали или ничего не делали...

Но ничего такого необычного, выскакивающего из общей атмосферы,

в которой жило наше общество и против которой восстала перестройка, в этом не было. Это была маленькая частица общей атмосферы, всей той громадной лжи про мощное коммунистическое движение, которого не было, мощное строительство социализма, которого не было, мощный подъём жизненного уровня трудящихся, которого не было, мощное развитие и движение вперёд сельского хозяйства, которого не было, мощную обороноспособность от кого-то неизвестно кого, которого тоже фактически не было.

Вопрос:

- За счёт каких средств - партийных или государственных - оказывалась помощь?

Ответ:

- ...Использовались ли государственные деньги? Я думаю, что да... Партия-то была правящая, так и в Конституции было записано... Здесь тоже надо учитывать исторический аспект, ведь другого государства, другого органа, который бы действительно правил, и диктаторски правил, кроме Политбюро, не было...

...Я-то лучше знаю, что это такое. Если бы я был с этим согласен, я не сидел бы перед Вами, а был бы до сих пор членом Политбюро и продолжал заниматься этими делами.

...Мне кажется, что вообще эти деньги - мелочь по сравнению с теми, куда более серьёзными преступлениями против народа, которые творились также под эгидой руководства партии. Сколько миллиардов ушло на покупку зерна только потому, что не хотели строить инфраструктуру сельского хозяйства, потому что сразу были бы отняты деньги у той мафии, у тех сотен, тысяч людей, которые на этом кормились.

А что делалось в военно-промышленном комплексе! Об этом ещё узнают люди. Сколько у нас выкопано подземных кладбищ так называемых, куда мы все должны были бежать от ядерных ударов, а все эти туннели под Москвой, другими городами, заводами. Это страшно. Если бы хоть один процент средств, вбуханных в бессмыслицу эту, истратить на жильё, все офицеры жили бы в восьми-комнатных квартирах. Да что там один процент, и меньшего бы хватило...

Грандиозные сделки на государственном уровне совершались за взятки. Там вообще счёт шёл на триллионы. Вот в каких масштабах проводилось ограбление народа...

Ну что по сравнению с этим какие-то 200 миллионов, розданных компартиям за десять лет. Я вот в ноябре прошлого года съездил в США на двенадцать дней и привёз оттуда медикаментов на 200 миллионов долларов. Но я понимаю, что ту историю с Фондом помощи, конечно, тоже надо расследовать... И всё же есть вопросы гораздо серьёзнее...

* * *

Можно согласиться с Александром Николаевичем, что не так уж это и много - пара сотен миллионов, пусть и долларов. И конечно же нельзя походя отмахиваться от исторического контекста, в котором КПСС обирала свой народ, не забывая при этом в каждую очередную Программу записывать декларации о неуклонном росте народного благосостояния.

Холодная война, безусловно, была. Это - факт. Но вот против кого стоял в ней Кремль? Официальная версия заключается в том, что светлые, прогрессивные силы мирового коммунизма боролись с тёмными империалистическими силами. Однако сейчас выясняется, что сонм коммунистических партий был не более, чем мифом, что коммунистическое движение существовало лишь на бумаге, безвозмездно поставляемой Москвой идеологическим заединщикам. И призрак коммунизма, бродивший во времена Маркса и Энгельса по Европе, так и остался призраком, хотя о нём раструбили на весь мир и принесли ему неисчислимые жертвы.

А для чего? Чтобы досадить ЦРУ или Ватикану? Ну, для этого лишь в самой малой степени, так, попутно. В основном же имидж призрака поддерживали для того, чтобы легче было вязать собственный народ по рукам и ногам.

Люди считали борьбу за коммунизм и сам коммунизм реальностью. Как можно было в этом сомневаться, если именем Коммунизма клялись многочисленные высокие гости, слетавшиеся на кумачевые праздники в Москву со всего мира. Откуда было знать простым советским людям, что большинство этих гостей, по определению А. Яковлева, «какие-то чудики, у которых и партии не было никакой».

Так что обычная система счёта неприемлема в уникальном «деле о деньгах партии». И следствие не забывает об этом, понимая, что финансовые тайны КПСС лишь начинают приоткрываться и большая часть следственной работы ещё впереди.

Мастерская на Старой площади

Эта находка была в высшей степени неожиданной. Ну кто бы мог подумать, что КПСС, чьи секретные надобности обслуживала колоссальная, специально сконструированная для конспиративной работы машина КГБ, имеет ещё в своём распоряжении этакую приватную, абсолютно подпольную мастерскую для фальсификаторских нужд. Обнаружили её, к сожалению, далеко не сразу после того, как комплекс зданий ЦК КПСС на Старой площади по Указу президента Ельцина перешёл в собственность государства. У хозяев секретного производства было время для заметания следов, и они его даром не теряли.

Когда 20 октября 1991 года следственная бригада российской прокуратуры приступила к осмотру кабинета номер 516 в основном корпусе ЦК КПСС, всё там свидетельствовало о масштабной ликвидаторской работе: аппараты для уничтожения документов буквально «давились» бумажной лапшой, целые вороха её валялись на

полу, многие папки архивных дел оказались пустыми либо разорёнными. Но всё-таки большая часть партийной «секретки« уцелела.

В ходе осмотра были обнаружены прессы для тискания штампов на паспортах, компьютеризированное оборудование для изготовления различных штемпелей и печатей, целая коллекция чернил, туши, штемпельных мастик и каталоги к ней, образцы бланков разнообразных официальных документов, а также сортов и типов бумаги, на которых эти бланки печатаются, огромная картотека «персоналий» - фотографии людей всех национальностей и цветов кожи, резиновые матрицы пальцевых отпечатков и даже средства для изменения внешности - парики, фальшивые усы, бороды, гримировальные принадлежности.

Была тут и готовая «продукция»: штемпели и печати многих стран мира, паспорта и другие документы иностранных подданных. А кроме того, личные дела граждан, готовившихся к нелегальной отправке или уже отправленных за границу, дневники и другие материалы. Естественно, подавляющее большинство обнаруженных документов были помечены грифами «секретно» и «совершенно секретно».

До августовских событий кабинет номер 516, не маленькое, кстати, помещение - 14 комнат с общей площадью более 200 кв. метров, занимали сотрудники так называемой группы парттехники при международном отделе ЦК КПСС. Руководил ею В. Осинцев. При обыске у него дома были найдены 238 бланков выездных виз, штампы и печати МВД и ОВИР СССР.

Начало деятельности группы относится ко временам Коминтерна. Деятельность эта по существу никакими нормативными актами не регламентирована, во всяком случае следствие не обнаружило никаких документов на этот счёт, за исключением черновых набросков «Положения о группе...», разработка которого была предпринята к концу 80-х годов. Количественный состав группы менялся, но незначительно: до 1991 года в ней было пять сотрудников, а в последнее время - трое.

Официально группа занималась оформлением документов зарубежных граждан, прибывавших в СССР в порядке обменов между дружескими компартиями и КПСС, а также по приглашению ЦК на отдых, лечение, учёбу или для участия в партийных мероприятиях. А неофициальная, но главная, работа группы заключалась в том, что она во взаимодействии с КГБ СССР занималась вопросами обеспечения жизнедеятельности партийных структур и движений, находящихся в своих странах на нелегальном или полулегальном положении, как, например, в Турции, Сальвадоре, ЮАР, Чили...

О специфике этой работы даёт исчерпывающее представление многостраничный документ, обнаруженный следственной бригадой в кабинете номер 516. На титульном листе его следующее оглавление:

* * *

«Постановление о заведении дела «Хорхе» номер 5613 15 марта 1983 года

На основании решения П-95/65 от 27 января 1983 года завести дело по оказанию помощи в подготовке, документировании и организации выезда к месту назначения Генерального секретаря ЦК КПСС Компартии Чили Луиса Корвалана.

Псевдоним «Хорхе»»

* * *

Скажем сразу, что решение П., т.е. Политбюро ЦК КПСС, было претворено в жизнь на высочайшем уровне.

Операцию под кодовым названием «Доминго» проводили специалисты экстра-класса, и она по праву может служить блестящим образцом конспиративной работы. Немалую лепту внёс сам Луис Корвалан. Он усердно постигал шпионские науки в учебном центре КГБ, принимал активное участие в составлении своей «легенды» и показал себя человеком мужественным.

До сих пор считалось, что с 1977 года, когда его обменяли на советского диссидента Буковского, вожак коммунистов Чили «товарищ Лучо» жил с женой и дочерьми в Москве. На самом же деле с 1983 по 1989 год он провёл в чилийском подполье. Далеко не каждый решился бы на такой поступок по личной инициативе. В конце концов, Пиночет, как бы сейчас ни превозносили результаты его экономической политики, с политическими соперниками не церемонился и на демократию не оглядывался. В его застенках люди гибли тысячами.

Сейчас вся эта история в далёком прошлом. Поэтому можно без ущерба для государственных секретов предать гласности некоторые её детали. Вот, например, каким был

* * *

«План подготовки и проведения операции «Доминго»

1. Для обеспечения условий, гарантирующих безопасность въезда в Буэнос-Айрес, краткого проживания и выезда в Чили «Доминго», руководство КПЧ направляет в Аргентину «Рамиро». Для этой цели группа парттехники совместно с КГБ СССР готовят ему документы, разрабатывают маршрут нелегального въезда в Аргентину.

Срок выезда: 15.7.83.

Подготовка «Доминго»

1. Приёмы и средства конспирации в условиях подполья. Обеспечение личной безопасности. Психологическая подготовка к работе в условиях подполья.

2. Подготовку ведёт учебный центр КИ (Краснознамённый институт им. Ю. В. Андропова - Прим. авт.) КГБ СССР по прилагаемой программе.

Срок исполнения 12.7.83.

3. Организовать оперподготовку сопровождающего

«Доминго» в контрразведывательном плане (вопросы конспирации, способы выявления наружного наблюдения и отрыва от него, обеспечение личной охраны «Доминго» и др.). Подготовку ведёт учебный центр КИ КГБ СССР по прилагаемой программе. Срок исполнения 10.8.83.

4. Подготовить для «Доминго» необходимые документы и разработать маршрут его переброски до Чили (через Аргентину, где будет произведена смена документов и установлен контакт с чилийскими товарищами, которые специально прибудут для переброски «Доминго» из Буэнос-Айреса в Сантьяго). Функции сопровождающего заканчиваются в Аргентине.

Исполнители: МО ЦК КПСС и ПГУ КГБ СССР. Срок исполнения 10.8.83.

5. Осуществить меры для оптимального изменения внешности «Доминго».

Исполнители: МО ЦК КПСС, 7-е Управление КГБ СССР и 4-е Главное управление при Минздраве СССР, Срок исполнения: июль - август.

6. В целях подкрепления версии о нахождении «Доминго» в СССР организовать запись его выступлений по радио и телевидению с последующей трансляцией. Обеспечить проведение других мероприятий.

Исполнитель: МО ЦК КПСС (территориальный сектор).

Срок исполнения: май 83 г.

7. Обеспечить приобретение для «Доминго» необходимой экипировки из капстран.

Исполнители: МО ЦК КПСС и ПГУ КГБ СССР. Срок исполнения: август 83 г.

8. Обеспечить контроль по маршруту следования «Доминго» до Буэнос-Айреса.

Исполнитель: ПГУ КГБ СССР.

14 апреля 83 г.»

* * *

В плане всё учтено. Обратите внимание хотя бы на время подготовки телезаписей, в мае. Позже их уже нельзя было бы осуществить. В результате пластических операций Корвалан - «Доминго» стал неузнаваемым.

В приводимом ниже отчёте группы парттехники мы опускаем лишь фамилии конкретных исполнителей.

* * *

«О проведении работы по подготовке и документированию

1. Документирование по колумбийскому варианту (паспорт для

выезда из СССР в Аргентину) ведёт ответ-исполнитель (...).

Колумбийский паспорт на произвольные данные: Луис Артуро Перес (имя выбрано тов. Хорхе), родился 2 августа 1921 года в Боготе, женат, образование высшее, психолог, место работы - дипломатический факультет университета, рост 1,60 м, нос прямой, волосы тёмно-каштановые (см. макет паспорта). Установочные данные собраны и проверены через возможности КГБ СССР, имя Луис Артуро Перес в «чёрных списках» Интерпола не значится (проверку провёл (...), ПГУ КГБ). Окончательный вариант легенды-биографии передан т. Хорхе (вместе с документальным обеспечением).

Подготовка по Колумбии, странам легендируемых поездок проведена т. (...) ПГУ КГБ), проведена спецподготовка по курсу учебного центра ПГУ КГБ СССР.

2. Изменение внешности т. Хорхе - проведена пластическая операция, изменены цвет волос и причёска, подобраны очки и контактные линзы для постоянного ношения, проведена работа с зубами, переданы спец. пояса для снижения общего веса и некоторого изменения фигуры и походки (список лиц, участвовавших в работе по изменению внешности прилагается).

3. Тов. Хорхе экипирован по колумбийскому варианту документирования, вещи получены из Боготы и переданы владельцу 6.08.83 г. Экипировка по чилийскому варианту документирования проведена чилийскими товарищами.

4. Проведена фотосъёмка до и после изменения внешности, а также на документ (колумбийский паспорт, цветная фотография), работа выполнена фотографом ОТУ КГБ СССР т. (...).

5. Проведена беседа по изготовленному документу, правилам и порядку получения паспорта, режиму проживания в стране и правилах выезда за рубеж (беседы проведены руководителем группы парттехники т. (...).

6. Изготовлен контейнер для перевоза документов от Москвы до Б.-Айреса... Контейнер с документами вручён сотруднику ПГУ КГБ СССР т. (...) для доставки в Б.-Айрес и передачи вложения чилийским друзьям (т. Ра-миро).

7. Тов. Хорхе выдана валюта на непредвиденные расходы во время прохождения маршрута в сумме 600 ам. долларов.

Вывод из Москвы через КПП Шереметьево проводится сотрудниками ПГУ КГБ, до Б.-Айреса «Хорхе» следует рейсом Аэрофлота номер 351, после прохождения КПП «Эсейса» войдёт в контакт с группой «Рамиро», намечен на 15 августа 1983 года.

Группа «Рамиро» обеспечит переброску «Хорхе» из Аргентины в Чили наземным маршрутом согласно ранее разработанному плану».

* * *

Всё прошло без сучка, без задоринки, и в отчёте появилась следующая запись: «Сообщение о прибытии «Хорхе» к месту назначения в Чили получено 23 августа 1983 года от руководства КП Чили».

Успех операции «Доминго» в немалой степени зависел от двойников Корвалана. Их подбору и работе с ними уделялось большое внимание. А поскольку Корвалан изменил внешность, двойники тоже «раздваивались», одни «под Карвалана», другие - под «Доминго». В этом случае, вероятно, тоже не обходилось без хирургической коррекции.

Корвалана превращал в «Доминго» советский хирург Александр Сергеевич Шмелёв. Он был гроссмейстером пластической хирургии и мог бы обладать всемирной известностью. Но он жил в своей стране и в своё время. А потому круг его почитателей был довольно узок. Шмелёв работал в столичном институте красоты и оперировал представительниц московского бомонда. Одной из его пациенток была звезда советского экрана Любовь Орлова. Благодаря искусству Шмелёва она на пороге своего семидесятилетия смогла сняться в роли женщины не только замечательно красивой, но и достаточно молодой в фильме «Скворец и Лира».

Пути виртуоза-хирурга скрестились с путями виртуозов-фальсификаторов из группы парттехники, когда он стал консультантом 4-го Главного управления Минздрава СССР. С тех пор в жизнь Шмелёва вошли тайны. И погиб он при обстоятельствах тоже не совсем ясных в феврале 1986 года.

Сотрудники группы парттехники отказались отвечать следствию на вопросы, касающиеся их деятельности, поскольку в своё время они дали подписку о неразглашении государственной тайны. Сослались также на свою обязанность оберегать интересы лиц, в той или иной степени причастных к «партийно-техническим» секретам.

Следствие, в свою очередь, не настаивало на откровениях мастеров фальшивых дел. Их профессия, насколько бы малопочтенной она ни выглядела, будет необходимой в любой стране до тех пор, пока сохранится надобность в разведке. Так что основной спрос не с изготовителей накладных бород и поддельных паспортов, а с тех, кто всё это им заказывал, причём отнюдь не в разведывательных целях.

Подпольная мастерская в международном отделе ЦК КПСС свидетельствует о беспредельном цинизме, с которым партия, объявившая себя «честью и совестью эпохи», вмешивалась в дела суверенных государств. Снаряжённые ею нелегалы проникали через все границы, неся с собой крайне опасную идеологическую контрабанду.

Сейчас, когда одна за другой обнаруживаются стыдные тайны КПСС, нельзя даже предполагать, какая из них окажется последней, так много их было в долгой партийной истории, которую придётся не столько исследовать, сколько расследовать. Пока же ясно одно: точку ставить рано.